

Начало века

2023

№ 2

Литературный и краеведческий журнал

НАЧАЛО ВЕКА 2023/2

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Владимир КРЮКОВ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: skar50@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

На обложке:

Иван Панаркин. Летний пейзаж.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

Александр КАЗАРКИН.
К 60-летию Томской писательской
организации 2
ПРОЗА

Дмитрий КОРЖОВ
Осторожней с объятиями (отрывок из
романа) 27

Владимир КРЮКОВ
Как ветерок по полю ржи 39

ПОЭЗИЯ

Вениамин КОЛЫХАЛОВ
..... 63

ПРОЗА

Алексей ПОСЕЛЕНОВ
Рассказы 70

ПОЭЗИЯ

Анна САВЧЕНКО
..... 89

Геннадий СКАРЛЫГИН
..... 95

ПРОЗА

Николай КОНИНИН
Коник 101

Анна ТРИФОНОВА
Рассказы 107

ПОЭЗИЯ

Иванна ДУНЕЦ
..... 112

Надежда МИТЯГИНА
..... 115

Наталья БУКОВСКАЯ
..... 119

ПРОЗА

Андрей ПУЧКОВ
Знамя 122

Виктор ФОМЕНКОВ
Рассказы 126

Сергей БОРИСЕНКО
Школа имени одиннадцатого космонавта
(Отрывок из повести) 132

ЛИТЕРАТУРНАЯ УЧЁБА

Ольга БИСЮКОВА
Федор ТАШКИНОВ
Асия ИЛЬЯСОВА
..... 137

КРАЕВЕДЕНИЕ

Лариса КУЛИЖНОВА
Студенческие экспедиции 145

АВТОРЫ НОМЕРА 156

Александр КАЗАРКИН**ТОМСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ***К 60-летию Томской областной писательской организации***ЧАСТЬ ПЕРВАЯ****НАЧАЛА И СВЕРШЕНИЯ**

Писательская организация в Томске отмечает шестидесятилетие. Подготовлена книга «Томск литературный» – с обязательством осмыслить путь. Но литература в Томске существует около двух веков. Были взлёты, бывал и застой. Промежуточный юбилей обязывает хотя бы не утратить былой уровень. Надо избежать «головокружения от успехов», сохранить трезвость в оценках. Эпиграфом возьмём слова Г. Н. Потанина: *«Я приглашаю вас свободно высказаться в связи с судьбами нашей Сибири»*. Надо избежать, как выражался «дедушка-наставник», партикуляризма – замены общего частным, самоуслащания, чрезмерного раздувания щёк.

Общесибирское литературное сознание – есть ли оно ещё? Инерция самохвалявания непродуктивна, гасит порывы к лучшему: всё уже достигнуто. А выделение главных имён из современного потока – дело всегда рискованное. О, сколько тут раздражения: кого-то не поставили в центр! Достижения есть. Изданы серии «Томская классика», «Литература народов Сибири» (14-томник) и ещё ряд книг, каких нет ни в одной области. Но одно дело – издать, другое – осмыслить. Если ставить всем «пятёрки», криво усмехнутся наблюдательные соседи. Они, новосибирцы, уже задали ехидный вопрос: «С чего это вы чуть не всю сибирскую классику назвали томской классикой? И Батеньков с Клюевым – томские классики!».

Но это давняя проблема: местные культурные гнёзда. В «русском освоении Сибири» наш город сыграл значительную роль, был центром громаднейшей губернии, и взяты только жившие в ней. Кто-то упрекнёт в субъективности оценок. Как будто возможны объективные оценки. Здесь оценочный потолок задан юбилеем. Без сопоставлений сибирский образ мира остаётся не отграниченным, и предмет описания расплывается.

Не спрятаться от вопроса: различаются ли сибирские области своей художественной продукцией? И не обойти стороной вопрос: глухая провинция мы или своеобразный голос? Критика – это дискуссии, самооценки. Без неё литературное развитие не обходится, но иногда она совершенно исчезает. А не вернулось ли застойное самодовольство? Когда все имена называют с воодушевлением, значит, все значительны.

Здравый смысл протестует: в искусстве уравниловка губительна. Тут критик-справочник превращается в рекламиста и славит всех подряд. Но и без-

оценочный обзор – это бухгалтерское перечисление: там-то родился, издал такие вот книги. А критика, она же не только «мёд лобзаний», но и «жало мудрая змеи». Её дело – выпалывать вездесущий сорняк литературщины.

Так вот, о культурных гнёздах. Целое столетие Томск состязался с Иркутском. В конце 19-го века это были два сибирских города с населением в пятьдесят тысяч. Чем закончилось это состязание? Согласимся с Валентином Распутиным: «Томск, благодаря относительной приближенности своей к первопрестольной, издавна оспаривал у Иркутска славу лучшего и просвещённого из всех сибирских городов, и не без успеха до революции претендовал на сибирскую столичность».

А первоначально сибирской литературы – это Тобольск. Там в 1789–1790 годы издавался первый сибирский журнал. Название его, «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», говорит о запоздалом пришествии классицизма в Сибирь: в столичных городах уже чувствуется веяние сентиментализма. Классической Ипокреной, рекой вдохновения, Иртыш так и не стал.

Второй период связан с Иркутском: влияние декабристов. А третий этап – в Томске, это школа Потанина. Григорий Николаевич твердил: оригинальной сибирской литературы не будет, если не обратиться к наследию *инородцев*. А будет она средне-серой, как в любой губернии. Что и произошло. И что сейчас никого не печалит.

Не будем спорить, Иркутск раньше выдвинулся в центр сибирской умственной жизни. Это объясняли влиянием декабристов, но, может быть, виноват здесь капитал золотодобытчиков. В Иркутске выходила первая частная газета. Историк Г. И. Спасский издавал журналы «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827) – до декабристов; «Енисейский альманах» (1828) печатали в Москве. В Томске литературно-творческая среда начала формироваться только к середине XIX века.

В среде масонов-декабристов единственный сибиряк – Гавриил Батеньков. Он уже отмечал в сибиряках сознание себя как народа, отличного от других россиян. «Своя здесь мысль. Своё – одно – здесь чувство...» – заметил он в стихотворении «Надежда» (1846), но после амнистии Томск покинул. В Сибири он пережил радикальное масонство и романтический экстремизм.

А сибирские литераторы в первой половине 19-го века застряли в романтической экзотике. По словам Н. Ядринцева, «изображали из себя Фениморов Куперов» и населяли сочинения «злодеями, скопированными с французских романов». Сибирским Купером прямо называли Ивана Калашникова. И даже фигура Ермака, в прошлом удалого разбойника, не сразу вызвала отклики.

Один из зачинателей сибирской литературы – прозаик Иван Кущевский. В его прозе впервые отражена жизнь трудовой Сибири, увиденная автором «из низов». «Умственный пролетарий» И. Кущевский прожил недолго. Жизнь его – нужда и недуги. Куда успешней кажется судьба Николая Наумова. Народники признавали его лучшим из писателей-современников.

Жизнь больших притрактовых сёл и переселенческих деревень Наумов знал лучше старожильческих заимок. Кулаки из старожилков и чиновники наживаются на темноте народа. Писал он и о жизни рабочих на золотых приисках («Ёж», «Паутина»). Здесь увидел он крайности капитализации России...

«Своевременность, жизненность и реализм», «правдиво и ярко», – повторяющиеся отзывы современников. Вот с последней частью оценки нам теперь согласиться трудновато. Порой кажется, что писатель не чувствовал поэзию деревенского быта. Но это не столько недостаток таланта, сколько общая беда народнической литературы. Сравним любую книгу Наумова с тургеневскими «Записками охотника» – сразу станет видно, что народник исследует другие стороны крестьянского быта. Тенденциозность и правдоподобие тут в неразрешимом конфликте.

Чем же привлекает нас в начале 21-го века мир Николая Наумова? Речь о деревенских говорунов, мужицкой корявой мудростью, бытом и, конечно, знанием сословной психологии. «Юровая», «Крестьянские выборы», «Паутина» – источник знаний о сибирской глубинке конца позапрошлого века.

Деревенский взгляд на мир Наумов передавал через диалоги крестьян и рассказы людей типа «пройдисвет». Честность изображения реальности почиталась выше всякой «художественности»: её народники преследовали как неизжитый романтизм. Сборник «Сила солону ломит» настраивал читателя на оптимистический лад, а после него Наумов видел деревню всё мрачнее. Об этом говорят даже названия его книг: «В тихом омуте» и «В забытом краю». Тяжела, если не безнадежна, атмосфера в очерковой повести «Паутина».

***

Кто-то скажет: Томск не дал великих писателей. Но именно здесь родилась идея сибирской самобытности. Г. Н. Потанин считал: «В Сибири родился писатель, но нет литературы». Установка на этнографическое описание Сибири ограничила художественный горизонт Потанина-беллетриста. Его повесть «Тайжане» (1872) осталась незаконченной. В рассказах «Блудный сын» (1878) и «Из переписки молодых друзей» (1882) он доказывал, что оторванность от родной земли порождает ощущение собственной ненужности. В числе первых «нужд Сибири» областники отметили создание местной интеллигенции.

Не раз писали: судьба была к Потанину жестоко несправедлива. Да, не удалось закончить университет, каторга и ссылка... но одолел ведь, книги оставил. Издать надо ещё много. Очерки путешествий – шесть томов. И большой том статей по этнографии. Плюс том статей по фольклору. «Восточные мотивы в западноевропейском эпосе» – томище чуть не в девятьсот страниц. А ещё «Сага о Соломоне» и «Ерке», их бы в один том спрессовать. В два тома можно уложить сибирскую публицистику. «Воспоминания» скомкал для газеты: не успеть закончить книгу. А материалы по истории Сибири? А легенды, сказки, эпос ордынцев? А сколько было приключений!..

Осень, возвращались из долгой экспедиции, шли вдоль Орхона-реки. «Харахорин», – пробормотал хмурый проводник и указал кнутом на земляной вал. «Чёрная ограда» по-монгольски, а тюркская параллель как будет? – Каракорум. Так не это ли развалины легендарного города, будто бы построенного Чингисханом? Но вот странность: в века могущества монголов столица их почему-то называлась по-тюркски. Китайские хроники упоминают Каракорум, столицу Уйгурского каганата, за пятьсот лет до Чингисхана. В Иркутске посоветовал Ядринцеву отправиться на Орхон. И удача ждала там старого друга:

нашёл параллельные надписи на древнетюркском и китайском языках. Орхонские надписи вскоре прочитали: да, здесь был Каракорум. В. Радлов перевёл хвалу каану Бильге: *«Пусть камень мой века стоит в степи на перекрёстке троп и кочевых путей, ведь именно затем, чтоб видели его, и воздвигал его Бильге-каан»*. Вот она, слава земная: камень-то стоит, а кто помнит Бильге-каана?..

Николая Ядринцева после смерти называли «печальником Сибири». Потанин написал в некрологе: «Ядринцев очень любил жизнь». А конец жизни? Доведён, сломался, разочаровался... Только близкие знали, что Николай Михайлович свёл счёты с жизнью в Барнауле. Написал перед смертью стихотворение «Прощание с родиной»:

Не узанный никем,
Я в дальний путь изгнания пошёл,
Но всё же край благословил свой милый,
Но имя прошептал страны своей любимой,
В которой голос мой ответа не нашёл.

Три года провёл под следствием в омской каторжной тюрьме. И понял здесь: тюрьма даёт шанс описать карательную систему изнутри. Здесь накопил материал для первой книги «Русская община в тюрьме и ссылке». Сколько бродяжьих сказаний накопила Сибирь! Неужели всё это уйдёт из памяти?

Книге «Сибирские инородцы» предшествовала серия статей и почти все под псевдонимом Семилужинский. Он понятен только для томичей. По коренным культурам русификация прошла, как паровой каток. Но главный нарыв Сибири – «колоднизация». То есть штрафная колонизация. Тут, мол, племена без истории, и мы им культуру принесли. Гнусные порядки, а оправдывать их, видите ли, благородно.

Долго собирал материал для главной книги – «Сибирь как колония». Смелый был выпад: к трёхсотлетию «Ермакова похода» знаток Зауралья доказал, что Сибирь стала колонией. *«Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец, местом ссылки»*. У Сибири её судьба отнята.

Былой messiанизм уступил место отчаянию: «Сибирь – несчастная страна, которая должна быть искупительницей чужих неудач и чужих фантазий». Бездёжно мутным показалось её будущее. Потанин одно твердил: здесь «формируются кости и мускулы живого организма». А через поколение будут взорванные мосты, и овраги завалят трупами.

Выходит, основатели областничества разошлись? У одного из них была школа: от Потанина пошло евразийство. В Ядринцеве побеждал скепсис, сибирская реальность всё больше угнетала. Главной задачей считал: объединить Сибирь... а впереди был страшный раскол, Гражданская война. Почти всех областников, переживших её, большевики перестреляли. Объявили мечту их реакционной, оболгали в энциклопедиях. И лишь к концу тёмного двадцатого века заговорили о «печальнике Сибири» без оглядки, не шёпотом...

Николаю Клюеву (1883–1937) судьба приготовила яркий взлёт и тяжкий исход. Обвинён клеветнически, казнён бессудно и подло (долго скрывали

факт расстрела). «Ах, заколот вещей лебедь На обед вороньей стае, И хвостом ослиным в небе Дьявол звёзды выметает!» Эти слова (из «Песни о великой матери») читаешь как эпитафию. Томск видел много ссыльных, а судьба Клюева всех трагичнее: уничтожено литературное завещание – последние стихотворения и поэмы, конечно, самые зрелые. В письме из Томска поэт сообщил, что написал в ссылке четыре поэмы и тетрадь стихотворений. Всё отнято и уничтожено.

Поэт, названный «отцом кулацкого стиля», был затравлен, и жаловаться было некому.

А я, как ива при дороге, –
Телегами разбиты ноги
И кожа содрана на верши.
Листвой дырявой и померкшей
Напрасно бормочу проходим:
– Я златоустый и пригожий...

Из Томска ссыльный писал в Москву: «Пронзает моё сердце судьба моей поэмы «Песнь о Великой Матери». Создавал я её шесть лет. Сбирал по зёрнышку русские тайны... Нестерпимо жалко». В последний раз эта поэма, одна из вершин русского стихотворного эпоса, прозвучала в Томске. Об этом есть воспоминания Веры Ильиной. «Песнь о великой матери» – поэма-завещание, её основа – мотив покаяния осквернённой «Рассеи» и вера в Русь, очищенную. С большевистской точки зрения, она более «реакционна», чем «Погорельщина», которую ему вменили как «выпад озверелого кулачья». В тетрадках Клюева был ещё более серьёзный «криминал» – поэмы «Каин» и цикл «Разруха».

С конца 20-х годов лирический герой Клюева – это блудный сын на пути возврата, последний православный на земле безбожников. Последнее стихотворение («Есть две страны...») – образец крестьянского символизма: от земного, пашенного, к небесному. И даже тёмная *Рассея* — «страна грачиных озимей».

Народный поэт, вычеркнутый из жизни с клеймом *врага народа*, помогает нам оглянуться и понять, чем обернулась марксистская революция в крестьянской стране.

Я из ста миллионов первый
Гуртовщик златорогих слов.
Похоронят меня не стервы,
А лопаты глухих веков.

Итак, к концу 19-го века Томск стал центром литературного движения в Сибири. Здесь выходили лучшие сибирские газеты. Потанин создал группу «Молодая Сибирь». Из неё вышли первые сибирские классики: Шишков, Гребенщиков, Вяткин. Сибирские журналы и альманахи начала XX века редактировали литераторы, входившие в группу «Молодая Сибирь».

Вячеслав Шишков дебютировал в группе «Молодая Сибирь». В кружке Г. Н. Потанина он прочитал свои «Чуйские были», рассказы о Севере и первый ва-

риант повести «Тайга». В Томске написаны рассказы и очерки о жизни аборигенов «На Лене», «С берегов Нижней Тунгуски», «На Севере», «Помолились», «Страшный кам», «Суд скорый». Всё написанное Шишковым в Томске было черновиками народного романа «Урюм-река».

Виднейший прозаик предреволюционного десятилетия Георгий Гребенщиков (1884–1964) жил в Томске в 1909–1912 годах, был членом редколлегии «Молодой Сибири» и секретарём журнала «Сибирский студент». О В. Шишкове написано несколько книг, а вот драматичная жизнь Гребенщикова, как и наследие его, остаются малоизвестными даже на родине. Причина: не принял большевизм, эмигрировал.

«Чураевы» – одна из вершин региональной эпопеи. Роман-река, с омутами, с берегами задебранными. Говорили: староверам, этому осколку былых веков, нет места в нашем веке. На советском жаргоне – сплошь кулаки, и этим судьба их предрешена. Финал может быть только трагическим: Василий Чураев вернётся в родные места, будет узнан и схвачен как «контрик»... Он примеривается к разным путям и превращает жизнь свою в хождение по мукам. Слиться с народной стихией он уже не может: слишком много увидел озверенья. Вот и препона: народному роману нужно ощущение низовой правоты, а кругом безумие.

После первого тома «Чураевых» как-то сама выкатилась «Былина о Микуле Буяновиче» – роман-сказание. Забитый крестьянин пришёл в разбойничью ватагу, потом стал атаманом у «зелёных» и, ослепший в огне, обратился к Богу. Бунт, жесточение, поиски выхода повели от одной жестокости к другой.

Прервал работу над большим романом, взялся за повесть о детстве и юности «Егоркина жизнь». Лирика особенно нужна там, где забывают родину. Полвека просилась повесть на перо, и вот сама вылилась на бумагу. Раздумье о мудрости низового, замордованного народа. Светлы они, видения нищего детства, такой капитал не растратишь.

Мотивная переключка главных произведений Шишкова и Гребенщикова говорит о литературной школе – потанинской. «Ватага» и «Былина о Микуле Буяновиче» созданы в разных странах, а переключки бросаются в глаза. Жуткие расправы Зыкова – это из народных рассказов, такое не выдумаешь. Четыре тысячи жило в уездном городе, в котором венчался Достоевский, – осталось две. Изображение красных анархистов работало на разоблачение «великого переворота».

На первый взгляд кажется странным, что для изображения Гражданской войны три ученика Потанина – Новосёлов, Гребенщиков и Шишков – обратились к такому материалу, как староверы. Они предвидели тяжкие эксцессы в момент слома инерции жизни.

В числе первых преемников Потанина в литературе – Александр Новосёлов (1884–1918), не успевший достичь писательской зрелости. Он был убит в Омске в разгар гражданской войны. Особый интерес проявил он к быту старообрядцев. В повести «Беловодье» (1917) Новосёлов опирался на их точку зрения: верность преданию и утрата веры. Движение к райски безгрешному Беловодью сопровождается чередой убийств. «Вдоволь там воды, вдоволь чёрной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу...»; «Всё по

старой вере. Народ русский зашёл, стало быть, с царя Константина». Люди несут в себе тёмные страсти и не готовы стать жителями свободной и безгрешной страны. Назад возвращаются те, кто захотел просто выжить. Тут можно видеть диагноз болезненного состояния русского общества и прогноз, ожидание катастрофы. Повесть была закончена в 1917-м году.

Георгий Вяткин закончил Томскую учительскую семинарию и работал в редакции «Сибирской жизни». Он стал одним из ведущих авторов «Молодой Сибири», но предпочитал печататься в центральных журналах, что раздражало Потанина. Первая книга «Стихотворения» (Томск, 1907) говорит о затянувшемся ученичестве. Во втором и третьем сборниках, «Грёзы Севера» и «Под северным солнцем», (оба вышли в Томске) влияние Бальмонта и Гиппиус ещё более ощутимо, хотя поэт-сибиряк декларативно открещивался от «декадентов».

Столетия, как волны. Печаль их темна.
Их смутная песнь – бесконечна.
Шумит над безвестной могилой сосна
О давнем, забытом и вечном.

«Сказ о Ермаковом походе» – одна из вершин стилизации в русской поэзии.

Большевистский переворот Вяткин не принял, и с 1918 года работал в колчаковской прессе. Увиденное в революционной России надломило его. В 1936-м году он опубликовал в «Сибирских огнях» исповедальный роман «Открытыми глазами», который был осуждён советской критикой как произведение антисоветское. В опасное время роман привлёк внимание к автору с репутацией бывшего колчаковца, и писатель погиб в лавине репрессий.

Вяткин – инициатор созыва съезда сибирских литераторов (1926 год), был членом Русского географического общества и Общества изучения Сибири. В советское время он издал сборники стихов «Опечаленная радость», «Чаша любви», и книги прозы «Золотые листья», «Алтайские сказки». В 1937 году поэт был арестован, облыжно обвинён в причастности к антисоветской организации и в 1938-м расстрелян.

Так же трагически закончилась жизнь Порфирия Казанского (1885–1937), поэта, публициста, видного общественного деятеля. Окончил юридический факультет Томского университета (1911-й год). Публиковался он в томских сатирических журналах, фельетоны печатал под странным псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий». Сотрудничал в «Сибирских отголосках», в журналах «Молодая Сибирь», «Сибирская новь» и «Сибирский студент». Во «Втором литературном сборнике сибиряков» (1908) опубликовал публицистические стихотворения. В 1912-м переехал в Барнаул, вошёл в редколлегию газеты «Жизнь Алтая», редактировал журнал «Алтайский крестьянин». Октябрьский переворот осудил как узурпацию власти, опубликовал протест против разгона Учредительного собрания и выразил радость по поводу падения власти большевиков. Он, крупнейший из поэтов, причастных к школе Потанина, посвятил Сибири цикл стихотворений. И тем, кто в кандалах твердил тебе проклятья,

Открыла молча ты широкие объятия, –
И проклинавшие тобой покорены:
Они не узники, они друзья и братья,
Поруганной земли суровые сыны.

П. Казанский в годы революции и Гражданской войны издал сборники стихотворений: «Песни борьбы и надежды» (1917) и «Родному краю» (1918). Один из авторов-составителей «Сибирской советской энциклопедии», в 1937-м уволен за «аполитичные уроки географии», вскоре арестован и приговорён к расстрелу.

В Томске начинал свой литературный путь «ловец легенд и сказаний» Александр Мисюрев (1909–1973). Свою первую публикацию (в газете «Красное знамя») он подписал: «Воспитанник детдома А. Мисюрев». А прославился после выхода сказовых книг «Бергалы» (1937) и «Легенды и были» (1938). Все эти годы собирал он по Западной Сибири ямщицкие легенды и горнозаводские предания. Из них составил цикл «Из преданий Московского тракта». Книга «Предания и сказы Западной Сибири» (1954) впервые представила легенды и были ямщиков Сибирского тракта. Сказы *горщиков* составили целую книгу «Легенды Горной Колывани». И сделано это было вовремя: народные сказы – жанр исчезающий. Собственные рассказы Мисюрева – последний всплеск стилизации, некогда столь характерной для русской прозы.

Было бы странно, если бы в Томске, городе первых сибирских вузов, не завелись фантасты. Их было несколько поколений. И все расширяли горизонты вымысла, границы фантастики. А интерес к ней в мире то возрастал, то падал.

Первый из них – Владимир Обручев (1863–1956). Он одиннадцать лет работал профессором Томского технологического института, с нуля создавал здесь горное отделение. А до этого прошёл десятки тысяч вёрст по нехоженным местам: Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Монголия, Тибет. Заметный след – пятитомная «История геологического исследования Сибири», трёхтомная «Геология Сибири», а ещё двухтомник «Полевая геология». И ещё десятки книг, а самой известной стала «Занимательная геология». В Томске сложились замыслы его романов и повестей. Мир перевёл их на разные языки, их читают на Востоке и на Западе.

Г. Н. Потанин пригласил молодого геолога в очередное своё путешествие, но смерть его жены, верной спутницы в экспедициях, оборвала намеченный маршрут. Пришлось одному, с проводником, почти не знавшим русского языка, пройти Монголию, часть Китая и Тибета. Откуда крылатые змеи на монгольских знамёнах? Кочевники видели в пустыне устрашающие скелеты ящеров.

В Томске написал первую повесть – «На столбах». Когда уволили из Томского политехнического и был безработным, захотелось пересоздать книгу Жюль Верна. В ней, в «Путешествии к центру Земли», есть несурезица. Считалось, что Земля – пустотелый шар. Но в центре, конечно, скопились самые тяжёлые металлы. У Жюль Верна к центру Земли спускаются по жерлу вулкана. В «Плутонии» Обручева в гигантской пещере живут монстры-ящеры. Да ещё и пе-

щерные люди нашлись там. Ну, в общем, разные ступени жизни. Забава? Нет, путь к занимательной геологии.

А ещё привлекла северная легенда о неведомой земле. Читателей у «Земли Санникова» оказалось даже больше, чем у «Плутонии». «В дебрях центральной Азии» — ещё один стиливой опыт: пришлось ввести приёмы приключенческой повести. А в основе-то личный дневник путешественника. Окаменелости подстегнули фантазию, позвали в иные пределы. Перемещение в пространстве обернулось путешествием во времени.

С Томском связаны первые творческие опыты Александра Петровича Казанцева (1906–2002). По окончании Томского технологического института он работал в научно-исследовательском институте электромеханики. Совершил два арктических рейса на ледоколе, и это дало материал для нескольких романов – «Арктический мост», «Мол «Северный», «Полярная мечта», «Льды возвращаются». Там возник и замысел книг «Пылающий остров» и «Гость из космоса». Их назвали фантастикой *ближнего прицела*. Есть в них и черты «антиимпериалистической» публицистики.

«Фазты» – сотни тысячелетий и время действия – вся Солнечная система. Планета Фазтон, говорит автор, погибла из-за беспечности и самоуверенности. Дилогия «Возвращение в грядущее» состоит из романов «Тайна нуля» и «Донкихоты Вселенной». Как предостережение написана дилогия – книги «Озарение Нострадамуса» и «Ступени Нострадамуса».

Наиболее зрелые романы А. Казанцева – «Сильнее времени» (1973), «Фазты» (1974), «Купол Надежды» (1980) – холодно встречены критикой, остались незамеченными. Хотя его называли главой школы советской фантастики. В эти годы Казанцев создал дилогию «Иномиры» и романы о судьбе утопистов: «Тайна нуля», «Донкихоты Вселенной» и «Спустя тысячелетие». В этом контексте выделяются историко-фантастическая дилогия «Звезда Нострадамуса» и автобиографический роман «Фантаст». К концу века с Запада хлынула волна фантастики иного рода. Интерес молодого читателя к фантастике «ближнего прицела» угас.

Манеру Виктора Колупаева (1936–2001) называли *гуманитарной фантастикой*. Наследие его не так уж велико, но известностью он превзошёл едва ли не всех фантастов послевоенной Сибири. Как новизну стиля Колупаева критики выделяли сказочность и лиризм повествования.

Первый рассказ, «Неудачная экспедиция», напечатал в газете «Молодой ленинец». Популярный журнал «Вокруг света» опубликовал рассказ «Билет в детство». Из него, по словам автора, «выкатилась» повесть «Фирменный поезд «Фомич».

Самые запоминающиеся его произведения («Качели Отшельника», «Ошибка создателя») вне укоренившейся традиции, в них перемешано реальное и невозможное. И закончил он свой творческий путь сочинениями, изобилующими знаками современности: «Пространство и время для фантаста», «Безвременье», «Сократ Сибирских Афин».

С точки зрения самого автора, признание заслужили поздние вещи – «Толстяк над миром» и «Год, как жизнь». Центральный герой везде человек одного типа. Виктору Колупаеву, пожалуй, ближе всех манера Рэя Брэдли. Аркадий Стругацкий сказал даже, что сибирский фантаст пишет интереснее, чем Рэй Брэдли.

«Толстяк над миром» относят к типу романов предупреждения. «Толстяк» несёт агрессию против Планеты (Природы), и она оборачивается для корабля самоликвидацией. Экипаж не успевает ничего понять. Повесть «Жизнь,

как год» автор назвал «фантастическим повествованием», но фантастическое здесь – чудо жизни. Не случайно же название одной своей книги он заимствовал у Пришвина – «Весна света».

В. Колупаев руководил томским Клубом фантастов и воспитал учеников. Таковыми признали себя Александр Рубан, Сергей Смирнов, Дмитрий Федотов, Татьяна Мейко. Некоторые из них ушли в сказово-игровую прозу, в фэнтези. Нет ли здесь разочарования в науке, даже шире – в идее линейного прогресса? Современная фантастика, почти вся, – эклектика, смешение всего со всем. Пишут о сказочно-магическом, ещё фантасты нового поколения выявляют в человеке срамное и непотребное.

Есть здесь и «доживание заветов» 19-го века, и порыв в будущее. Прежде всего в глаза бросается изживание классического традиционализма. С ним связано, как и везде, преобладание потерь над обретениями. Если брать тексты чисто количественно. Но история отбирает их по качеству.

Вот тридцать стихотворцев, а сколько среди них поэтов? Все, кто рифмует и пишет в столбик? Книги-однодневки легко комментировать, но это не хочется делать, если искусство в них и не ночевало. И когда четвёртая или девятая книжка ничем не отличается от первой, – раздражения больше, чем наслаждения. У многих литературный дебют затягивается на всю жизнь. А в публичных выступлениях – самодовольство, замозахваливаньё.

Дальше – современность, текущее настоящее. Кто осмелится назвать своё изложение современного хаоса историей? И первая забота – понимание болевых точек эпохи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ**БЛИЖНИЙ ВЕК**

«Теперь тебе не до стихов, о слово русское родное» – как-то сами всплывают в памяти эти слова Фёдора Тютчева. И не хочешь, а соглашаешься с оценкой современности В. Распутиным: «Это даже не литературный процесс. Это поминки по литературе». Что искусство тускнеет и угасает, это твердят философы по всей Земле. Но страшно ведь представить Сибирь – обезголосевшей! Не говоря уж о России. Оценивать литературную современность всегда было трудно, а в нынешних обстоятельствах – тем более.

Но, кажется, «Сибирские Афины» захотели вернуть былую литературную славу? На такой вопрос наводит проект «Томская классика». Но где он, наш пик, где было цветение в XX веке? После революции был провал: прежнего статуса город лишился, в сущности, понижен был до уровня районного центра. А теперь окружение резко изменилось, Томск стал меньшим из областных центров Сибири. И всё же «интеллектуальная плотность» (шесть университетов в полумиллионном городе) подпитывает надежду. Есть подозрение (надежда), что в Сибирских Афинах ещё есть читатели. Но вот вопрос: кого больше – читающих или пишущих?

Мне, пишущему эти строки, пришлось участвовать в совещании сибирских критиков (в 2017-м году). Трудно было там погасить, спрятать иронию. Один за другим вставали посланцы разных городов – от Кургана до Читы – и пели дифирамбы своим областным корифеям, которых знали только они. Вот каково нынешнее сибирское сознание: все пишут о *своих*. «Знай наших» – лозунг нужный и правильный, но знание определяет горизонт обзора. Без понимания общего фона будет областное самоуслаждение. Оно характерно для местечкового сознания.

Да, сразу, первым пунктом встаёт проблема оценки: определись с масштабом. Ну хотя бы в общесибирском-то обзоре как смотрится наш драгоценный Ын? Вся история литературы, хоть мировой, хоть региональной, изучается не по среднему уровню, а по верхнему. Оценки разнятся ведь не только по поколениям, – у каждого свои предпочтения. И кто осмелится назвать своё изложение нынешнего хаоса исторической хроникой?

Московские критики смело расставляют современников по рангам, но вспомним слова М. Бахтина, выдающегося литературоведа: «В оценке своего дня, своей современности люди всегда (!) склонны ошибаться (в ту или другую сторону)». Или завывают оценки, или занижают – по сравнению с потомками. А суд потомков должен длиться бесконечно, или конец литературе, тупик. А что понимать под современностью? Отвечают языком авгуров: «плюралистическое состояние слова». То есть – какофонию? Но эта тема никого не волнует. И на каждом шагу бьёт в глаза пресловутая *постсовременность*. Вот наше самосознание.

Что с поэзией, есть ли она ещё? Тридцать стихотворцев, все пишут столбиком и в рифму, а сколько среди них поэтов? Мера тут – самостоятельность

голоса. И рост, преодоление первоначального уровня. Увы, большинство принятых в Союз писателей профессионально не растут, застревают в фазе литературного дебюта.

Но прорывы в 20-м веке, несомненно, были.

Василий Казанцев (1935–2021) был самым молодым из первых членов томского отделения Союза писателей. Он с первых шагов хотел сохранить верность изначальному. И это ему удалось: лишних слов в его книгах не найти.

Эти песни – не плач и не гимны.
Это выше, чем плач или гимн.
Мне навеки остаться таким бы.
...Если можно остаться таким.

К какому направлению отнести его – это было не ясно. По происхождению вроде бы – к «деревенщикам», но где картины села? «В глазах моих небо» – так назван его первый сборник, изданный в 1962-м году. Затем он, филолог, работал в школе и газете. Следом выходят: «Лирика» (1962), «Прикосновение» (1966), «Поляны света» (1968), «Дочь» (1969), «Русло» (1969), «Равновесие» (1970), «Прощание с первой любовью» (1971), «Стихи» (1971), «Талина» (1974), «Порыв» (1977), «Дар» (1978), «Выше радости, выше печали» (1980), «Свободный полёт» (1983), «Рожь» (1983), «Прекрасное дитя» (1988), «Стихотворения» (1990), «Новая книга» (2000), «Смысл» (2000), «Счастливый день» (2004). А затем – «Избранное» (Томск, 2011). Стихи шли сразу не в ногу с бардовскими и «эстрадными». Узнаваемый образ мира – русский.

«А мир одним, одним лишь, друг, Одним, единственным лишь дышит: Когда же он чистейший звук, Звук сердца, счастья звук расслышит?» Спрашивают: каким веком рождён этот эстетизм? Стихи не вписываются в словесное недержание «шестидесятников». Более того, идут против духа века.

На взгляд Вадима Кожинова, «Казанцев стал тем поэтом, без которого нельзя представить... современную поэтическую культуру». И ещё неожиданный вывод: В. Казанцев преодолевает противоположность крестьянской и дворянской поэзии. В старой терминологии это натурфилософская лирика. Без риторики и без наукообразности. Философская лирика без назойливой метафизики. Поэт учит нас ценить каждый миг, но и не забывать о вечном.

Привыкшие к искусственной сложности пожимали плечами: стихи слишком просты. Но простота эта прошла искушение сложностью. Вот одно из самых странных стихотворений о войне:

Над лесом гроза умолкает,
Глухая стоит тишина,
А он, непреклонный, не знает,
Что кончилась в мире война.
Что в тесной землянке лежит он,
Где так непроглядно темно,
Что прочно землёю укрыт он,
Что умер, что умер давно.

Поэт отбрасывает надуманные укоры в «олимпийской отрешённости»: «Слов чистейших вещество Не из чистого колодца Или там ещё чего, А из воздуха берётся». Поэт вынес простую веру из сибирской «глубинки», с нею прошёл сквозь чужой-свой век. Остался провинциалом в столице. Как говорили в древности, долгая память живёт в тех, кто смотрит из глубины. Лирика В. Казанцева – не «заглядыванье в глубину», а взгляд из глубины.

Продолжена ли эта линия? Геннадия Скарлыгина – соредатора журнала «Начало века», председателя Томского отделения Союза писателей России с 2006 года, автора семи сборников стихотворений – кое-кто относит к этой линии. Он убеждённый традиционалист, считает себя последователем рубцовской линии в поэзии. Произведения его вошли в Антологию русской сибирской поэзии.

К удачам его надо отнести стихотворения с экологической тревогой.

Помолись за несжатые нивы,
За бескормицу в отчет краю.
Слышь, в лесу топоры наточили.
Это жизнь вырубает твою.

Да, «всё унесёт река», но теплится надежда: что-то важное всё же остаётся. И что стихи сберегут даже «щемящее мгновенье этой жизни».

Сергей Яковлев – поэт из тех, чьё творчество принято относить к «тихой лирике». Сдержанность в чувствах, экономию в словах – это надо оттенить как главное. Ирония в стихах С. Яковлева отдаёт горечью:

И ничего-то нет хмельней,
Доверчивей и полновесней
Малопонятных юных дней,
Воссозданных вечерней песней.

Обычно короткое стихотворение С. Яковлев завершает афористической концовкой.

В 60–70-е годы самым известным томским писателем была Мария Халфина. *Сочувствие к человеку* – ключевые слова критиков, писавших о ней. Писала она о совместимости поколений. Не испытание любовью, а уживчивость детей и родителей, бабушек и внуков. Говорить о каком-то художественном открытии тут не приходится. «Простые истории» печатались со времени С. Аксакова. Но в сталинское время семейное чтение теплилось где-то на обочине, негде было взять текстов. В передовую советскую литературу редакторы и критики такое «мелкотемье» не пропускали. По партийным программам, «советская семья» – образцовая, передовая. Какие тут могут быть коллизии? А собственное поле Марии Халфиной – как раз изломы семейного быта, конфликт поколений. В обстановке «оттепели» она заново приоткрыла забытые страницы, а в них – простого обывателя. Тут житейская психология, пронизанная любовью именно к незаметным людям.

Есть ли преемники у Халфиной? Валентина Чубковец – автор нескольких книг прозы: «Всякое бывало» (2012) и «Не предавай» (2014), «Узы па-

мяти» (2017), «Цена свободы» (2022). Сама себя она называет ученицей В. Макшеева, но преемственность усмотреть трудно: жизненно-исторический материал совершенно разный. И манеры он требует другой. Пересказ «простых» (домашних) историй – это художественный приём? Или «нулевая художественности»? Создаётся впечатление затянувшегося писательского дебюта. К сожалению, это порок многих членов Союза, далеко не юных. Но незамысловатые истории В. Чубковец пронизаны любовью к незаметным людям.

Ирина Неклюдова, прозаик, поэт и драматург, издала три стихотворных книжки, прозаический сборник её – «А вы попробуйте» – удостоен губернаторской премии. Её рассказы о природе несут умиление перед миром, в котором нет событий. И здесь трудно заметить литературную школу.

Споры вокруг наследия Бориса Климычева (1930–2013) начались давно и не затихают. Автор подсказывает: «Время – великий жулик». Гнетёт вопрос о ложной вере и сломанных судьбах. Мотив прощания с эпохой выражен странным словом «прощаль». На склоне лет Борис Климычев сказал: «Мне довелось пожить в двух веках», «...довелось самому повидать многое».

Родился писатель в Томске в рабочей семье, отец погиб в начале войны, и будущий писатель добывал средства к жизни, учился по вечерам в школе рабочей молодёжи. Служил в армии, в Ашхабаде начал печататься в молодёжной газете. Первые книги – стихотворные сборники. Б. Климычев – единственный томич, чьи стихотворения включены в антологию «Русская поэзия. XX век». И в книгах прозы поэтическое явно подавляет историко-краеведческое начало, крепкое в первых повестях. В 1996–2006 годах был председателем Томской областной писательской организации, руководил юношеской студией «Родник».

К прозе Климычев приступил уже в зрелом возрасте: книгу «Часы деревянные с боем» (1981 год) закончил в пятьдесят лет. Видимо, от первой прозаической книги через «Томские чудеса» (1994) и «Мой старый Томск» (1995) путь был не простой. И вот «Маркиз де Томск» преподнёс читателю захватывающие «страсти-мордасти». Город-то наш, и люди с такими именами известны, но томская ли это история?

Владимир Яранцев назвал его писателем «замечательным, ярким, многообразным в своём творчестве... Рассматривая три последних романа, в которых его необычный реализм достигает определённых высот («Кавалер Девильнёв», «Прощаль», «Надену я чёрную шляпу...»), можно заметить... неунывающее озорство человека предприимчивого, мастеровитого и бездонно талантливого...». «Грандиозные авантюры», говорит критик, но всё «как в жизни».

Не только ранние, но и последние книги писателя можно объединить под названием «Томские тайны»: «Любовь и гнев вора Подреза», «Маркиз де Томск», «Сибирский кавалер», «Странные приключения скромного томича», а продолжение, «Надену я чёрную шляпу», рассказывает о дальнейшей судьбе уже знакомого героя Глебика. На томском материале и не без авантюрной приправы написан роман «Корона скифа».

Это проза поэтического происхождения. «Кавалер Девильнёв» – в основе сюжета миражная интрига. Тут и скопцы, и прочие изуверы в узком пространстве. Монахиня-хлыстовка (!) зачала на радении ребёнка. Есть и разбойное

распрявление раба-художника, и неотразимая притягательность в монастырском блюде прижитой Даши, и тупая давящая государственность, которую в своих масонских прожектах хочет преодолеть Девильнёв. Его работа над новой людской породой – предмет авторской иронии: европеец-гуманист в тёмной Сибири умер как-то обидно. Очевидно, от запора – объелся черёмухой.

Материал романа «Поцелуй Даздрапермы» – писательская среда, город с умственно искалеченными людьми, орущими лозунг: «Да здравствует Первое мая!». А смысл исторической эпохи – химера, бессмыслица. Всё называется не тем, чем оно является, и что все приняли как должное. Все живут не у себя дома, не понимая времени. Да, такими мы были недавно. И ещё не подвели итоги, даже не оглянулись, чуть высунувшись из «котлована». Россия долго отмечала национальную катастрофу как праздник.

В романе «Прощаль» кошмары Гражданской войны в Сибири укрупнены до предела. Автор перемешал реальное и фантастическое. В *сиропитательный* дом подброшен младенец, его назвали Николаем Зимним. Коля Зимний – жертва истории, предельный случай «маленького человека». Исторические персонажи: Г. Н. Потанин, ставший президентом независимой Сибирской республики, братья Пепеляевы, верховный правитель России адмирал Колчак.

«Прощаль» – балаган сменяется трагедией. Доморощенные критики пытаются вернуть автора в пройденный им этап. А вопрос о направлении ведь так и не задан. Когда пряностей много, а хлеба и воды маловато, на таком пайке долго не протянешь. Сам же Климычев сказал, что «по большому счёту, в литературе никого не обманешь».

Вопрос, однако, в другом: к чему при столь тяжком материале надуманные «загогулины»? Футуристическая картина «Прощаль» – символ химерного прожектёрства. Атмосфера абсурда, алогичность истории. Философствовать же ни сам автор, ни герои его не склонны. И религиозные вопросы их совсем не волнуют. Но доктрина человека в романах, конечно, сложилась, и она отдаёт мизантропией.

Некоторые читатели говорят о школе Климычева. Возникает соблазн отнести к ней исторические романы Сергея Максимова и Дмитрия Барчука. Они из самых читаемых томских писателей. Широкую популярность приобрела романная трилогия Максимова «След грифона», «Цепь грифона» и «Путь грифона» (издано в Москве). Автор одновременно живёт в нескольких творческих профессиях: режиссёр, музыкант, певец-исполнитель, выпустил несколько книг стихов, автор двух пьес.

Как прозаик дебютировал в 2010-м в столичном издательстве «АСТ» с романом «След грифона». Материал романа – важнейшие, переломные события в русской истории XX века: две мировых войны, революция и чудовищная Гражданская война. Возникает неизбежный вопрос: из каких архивов явилась судьба центрального героя Мирк-Суровцева? Трилогия С. Максимова использует приёмы боевика, где история – декоративный фон. И взыскательные читатели, не желающие уйти из истории, в жалком меньшинстве. Говорят: автор приблизил ушедшую эпоху к читателю. Пожалуй, так, но вопрос – о мере *сближения*. Неужели наша эпоха и та, дедов и прадедов, неотличимы?

В 2019-м году Сергей Максимов издал роман «Снег Матисса». Это роман о любви и об искусстве, о взаимовлиянии и отражении душ выдающегося ху-

дожника и эмигрантки-сибирячки. Роман ничем не похож на предыдущий, и стилистически отличается в лучшую сторону. Он дал основания говорить о возможностях прозаика Сергея Максимова.

Дмитрий Барчук (родился в 1962-м) – автор романов и повестей: «Майдан на двоих», «Новый старый год», «Орда», «Александрия», «Сибирская трагедия», «Идеальная жена», «Японские свечи». По прочтении их возникает вопрос: в какой мере это исторические романы? Автор, вчерашний журналист, торопится, печатает сыроватые произведения с невероятными допусками. Много их в повести «Последний приют императора»: прямое отождествление Александра Первого со старцем Фёдором Кузьмичом, да ещё и споры его с Батеньковым. В романе «Грустина» древнерусская легенда о подземном городе сделана местной. При этом прозаик даёт исторический комментарий, внушающий молодым читателям «сокровенную правду»: Томск-де стоит на месте древнейшего города.

В заключении к «Сибирской трагедии» прозаик дал обширный исторический комментарий (из 571 пункта). Чем он оправдан – при небрежном отношении к фактам? Косвенно сказался и релятивизм постмодерна. Д. Барчуку не откажешь в сюжетной изобретательности, и пишет он много. И всё же не зря прежде говорили о *злоупотреблении дарованием*: целое поколение остаётся с урезанным историческим «пайком». И это направление пошло на убыль.

Вадим Макшеев (1926-2019) напечатал свои зарисовки и рассказы в районной газете «Северная правда», когда состоял на учёте в спецкомендатуре. Там, в ссылке, погибла его семья, там прошла юность. Об этом главная его книга. Как сказал сам автор, это о «сибирских деревнях ли, посёлках ли, которым не сказано последнее «прости». <...> Там, на крутоярах таёжной реки, прошла и моя подневольная юность. Рвался оттуда – не отпускала комендатура, затем не отпускал колхоз, уехал лишь через двадцать лет». «Всё проходило не по Шолохову. Кто, кроме меня, расскажет и напишет? Это мой долг. Звучит высокопарно, но это так. В «Архипелаге ГУЛАГ» немного написано о крестьянах, всего одна глава». М. Чудакова, известный литературовед, отметила: «Главное содержание исследования «Спец» – картина гибели русского крестьянства от рук собственной власти. <...> Тот, кто прочтёт эту книгу, уже не сможет, мне кажется, остаться равнодушным к истории своего народа, к судьбам миллионов». Да, «затаённая боль о трагедии тысяч несчастных женщин и детей, привезённых с Запада на берега Васюгана». И это качество его памяти особо оттенил Виктор Астафьев: «Неся в сердце любовь и горькую память, Вадим Макшеев высветляет и эту горькую память свою, и сердце. Он, как и я, проживший годы, недожитые родителями, верит, как и я хочу верить, что их ещё надолго хватит».

В Томске в 2010-м году изданы «Избранные произведения» В. Макшеева в 3-х томах. Первый том («И мы поедem домой, в Россию») – это скорбная элегия, память о безоблачно-счастлимом детстве, оборванном inferнальной силой. На фоне семейных фотографий. Том второй: судьбы и характеры ссыльных на фоне природы Нарыма. Книга-исследование «Спец» – том третий. Его можно назвать ещё исповедальным: в нём «Записки провинциального писателя». Здесь и о печально знаменитом Колпашевском яре, страшная память которого была замолчана партийными инстанциями.

О судьбе эмигрантской семьи повесть «Разбитое зеркало», автобиографическая по материалу. «Усталая зрелость, пролетевшая молодость, горькая юность. И такое короткое детство. Начало жизни, когда нет тоски о прошлом и страха перед будущим, когда бытие, кажущееся вечным, безоблачное утро. Пробиваюсь к его свету, теплу, к маминой ласке. Сквозь боль, сквозь годы, которые уже не прожить лучше, безгрешней. Но относит, относит обратно неумолимое время, и нет сил преодолеть его течение». И в этом, не только в документальности, но и в отступлении от канонов литературы, секрет их убедительности.

Достоверность – неоспоримое достоинство прозы Макшеева. Но не надо думать, что Макшеев умел только свидетельствовать и всё брал из собственной памяти. «Я встретил Вас» – книга исторических очерков. Её героини – Екатерина Первая, Надежда Дурова, Екатерина Дашкова, Марина Мнишек, Мария Бочкарёва, Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария), Марина Цветаева, Надежда Плевицкая, Анна Керн. Эти женщины оставили свой след в русской истории. Здесь же и о женщинах, скрывавших своё имя под псевдонимами, и о писателях-мужчинах, взявших женские псевдонимы.

Валентин Решетько (1936–2020), родившийся и выросший в посёлке «спецпереселенцев» на Васюгане, стал известен книгами «Черноводье», «На таёжных тропах», «Тяжкий крест», «Журавлиная песня», «Лавина». Рассказы и повести Решетько стали исследованием. Но это лишь фон для изображения жизни ссыльных, которую автор знал с детства. Жестокость людского мира отчасти уравнивает неяркая северная природа. Тяжкая участь – выживание в суровом краю болот и в суровое время (ссылка и война). Но человек ко всему привыкает, и есть заключение-парадокс: «Жизнь в аду страшна только со стороны». И гиблое место постепенно превращается в обжитый и даже любимый край. Автор всюду сохраняет крестьянский взгляд: «Сеногной, классический сеногной».

Над романом «Черноводье» прозаик работал несколько лет, хотя хорошо знал материал по семейным преданиям. Название отсылает по контрасту к утопическому сказанию о Беловодии. Роман посвящён раскулачиванию сибирских крестьян и судьбе сосланных в Нарыме. Роман выходил дважды в Томске и был отмечен губернаторской премией, а затем переиздан в Москве в серии «Сибиряда».

Владимир Анисимович Колыхалов (1934–2009) рано остался без родителей и вместе с младшим братом Вениамином рос в детском доме на Васюгане. Об этой труднейшей поре он и рассказал в своём первом романе. А первая книга рассказов – «В долине Золотых ключей» – напечатана в 1962 году в Благовещенске. За нею последовали ещё три книги близкой тематики – разведка и освоение природных богатств.

В 1968-м издательство «Молодая гвардия» выпустило его роман «Дикие побеги», принёсший автору известность. Роман был сразу включён в серию «Молодая проза Сибири». В 1978-м Владимир Колыхалов был избран секретарём Томской писательской организации. Роман «Дикие побеги» не раз переиздавался, включён в антологию «Томская классика». Владимир Колыхалов создал ещё ряд интересных книг, наиболее известные из них – «Июльские заморозки», «Урманы Нарыма», «Кудринская хроника», «Сухой гром».

Сам Вл. Колыхалов так сказал о себе: «Видимо, справедливой остаётся та мысль, что чем труднее судьба будущего художника (в данном случае – литератора), чем больше ударов он пережил, перенёс, тем с большим правом можно считать, что эти невзгоды, лишения пошли ему на пользу...». Но первый роман остался самой значительной из его книг. Он не просто о трудном детстве, это портрет поколения, а ещё, можно сказать, нарымский образ мира. Любовь автора к хмурому болотно-таёжному северу неподдельна и выражена достоверно. Автор нашёл ёмкий символ для названия: дикоросы становятся стволами, обретают крепкие корни. Для романа воспитания труднейшая задача – завершение хроникального повествования. Это пороговая ситуация, проверка суровой реальностью. В романе «Дикие побег» это первая в жизни Максима охота на медведя – испытание охотника на зрелость.

В 1988 году вышла книга «Урманы Нарыма», документально-очерковая по материалу. Здесь – раздумья о родном крае, о ремёслах и жизненном укладе «чалдонов». Автор, сын лесника, сказал об этом сам: «Я и писать-то начал под впечатлением тоски о нашем Нарымском крае...». Книга «Урманы Нарыма» – о судьбе тайги и старожилов Нарымского края. Без преувеличения можно сказать: самые удачные и душевно тёплые места в прозе Вл. Колыхалова – где речь идёт о тайге и таёжниках.

Самое значительное произведение Вл. Колыхалова, созданное в последние годы жизни, – «Кудринская хроника». Основной фон – тайга, и в центре её – охотник-промысловик Хрисанф Савушкин, человек, легко читавший страницы таёжной книги. Жизнь охотника и его помощников в тайге – собаки и коня – выписана с любовью и в тоне элегии. Последние книги Вл. Колыхалова дают право говорить о его вкладе в экологическую прозу Сибири.

Роман «Когти Дьявола. Тайны томского двора» вызвал неоднозначные отклики земляков. Некоторые посчитали несправедливой критику «томского двора». Обласканный обкомом писатель теперь сводил счёты с этим самым «двором». Хотя в перспективе критики советской элиты это нужное произведение. Оно встаёт в один ряд с «прощальными» текстами В. Липатова и В. Афонина, посвящёнными тому же материалу. Только нынешние ряженые коммунисты возмущены неуважительным изображением вчерашней «элиты». Но это, скорее всего, ностальгия по обкомовскому буфету.

Вениамин Анисимович Колыхалов родился в 1938 году в селе Кандин Бор Парабельского района, в семье спецпереселенцев – алтайских крестьян. Условия жизни были невыносимо трудные, когда братья потеряли родителей.

Вениамин перепробовал несколько профессий: работал в отрядах геологов, гидростроителей и нефтяников. Корреспондентом побывал на всесоюзных ударных стройках в Сибири. Автор романов «Тыловики» и «Тот самый яр...», нескольких стихотворных сборников, в том числе для детей.

Поэма «Парабельская ярмарка» – красочная акварель. *«Важно смотрятся кадушки – Деревянные подружки... Поспеши, честной народ, на болотный огород... Сибиряк бруснике рад, Читит таёжный виноград».* Тут и чалдонский юмор: *«Под осинами, берёзами Все друзья растут тверёзыми. Но засолят, подадут – сами к рюмочке идут».* Резкий контраст с тоном более поздних стихов, отразившим реалии грани веков: *«А теперь посмотри – Всё вокруг скособочено. И ни му, и ни хрю. Вороньё на обочине».*

Роман «Тот самый яр...» – о мрачных 30-х годах века минувшего, о страшных событиях, развернувшихся в городке Колпашеве, туго-натуго набитом ссыльными. В 1979 году обвалился крутой обской берег, и обнажились трупы, уложенные слоями. Было приказано размывать берег, и мыли его несколько теплоходов. «Трупы были целые, разной величины». Они поплыли по реке, застревали в кустах.

Взгляд на национальную трагедию из двух эпох – очень ценная попытка. О красном терроре написано немало, от В. Зазубрина до Солженицына. Вен. Колыхалова заинтересовала психология рядовых исполнителей. Пришедшие «по комсомольскому призыву в органы» фальшь приняли за передовое сознание. Конечно, тему послереволюционного террора не исчерпает никакое произведение. И в отношении к этой теме мы, современники, – расколотое общество.

По-разному развивались братья Колыхаловы. Владимир лучшую свою вещь написал в молодости. Вениамин – в позднем возрасте. При очень близком жизненном опыте жанровый спектр и набор тем у них разный.

Сергей Заплавный (родился в 1942-м), прозаик, публицист, начинал как поэт. В начале 70-х опубликовал повести «Музыкальная зажигалка» и «Марейка» (с предисловием Виктора Астафьева). В 1975 году вышла повесть «Земля с надеждой», а затем «Рассказы о Томске» (1980), «Полдень» (1983), «Узоры» (1984), «Запев» (1986). В московских издательствах вышли исторические романы «Укрепи мою память», «Клятва Тояна», «Мужайтесь и вооружайтесь!». Критики особо выделяют историко-документальные книги Заплавного: «Рассказы о Томске», «Неистовый Ростислав», «Укрепи мою память», «Томск значительный» (2020). Новейшие веяния в исторической романистике не увлекли Заплавного, он говорит о себе: «Я по сути своей – традиционалист, и надеюсь, что мой читатель смотрит на мир с тех же позиций».

Последняя работа С. Заплавного – повесть «Возвращение Сибири» – частично опубликована в журнале «Начало века» (2022). Это сплав художественного очерка, исследование-эссе, объединённое сквозным сюжетом. Повествование строится вокруг раздумий о Ермаке.

Тамара Калёнова (родилась в 1941 году) – прозаик и публицист. Первую книгу – «Нет тишины» (1963 год) создала ещё студенткой ТГУ. Вторая книга названа задиристо: «Не хочу в рюкзак», третья – более строго: «Временная учительница». Т. Калёнова, уже принятая в Союз писателей, вскоре издала повесть «Деревянный маузер». После этого она взялась за исторический роман «Университетская роща». Роман переиздавался несколько раз (Новосибирск, Томск, Москва). Ряд очерковых книг написала в соавторстве с Сергеем Заплавным: «Крылатый конь», «Тайна Серебряного ключа», «Пятая стихия бытия».

Вперекор нынешним разговорам о дефиците положительного начала в жизни Т. Калёнова сказала: «Положительных героев много – и в далёком, и в недавнем прошлом; думаю, есть и сегодня... И когда произошёл обвал эпохи, больше всего меня поразило забвение этих героев, отказ от них. На мой взгляд, это так же подло, как предавать детей...».

Александр Иннокентьевич Казанцев (1952–2007), поэт и прозаик, окончил Томский политехнический институт (специалист в радиационной химии). Студентом вошёл в литературное объединение «Молодые голоса», опубликовал стихи в альманахе «Поэзия». В Союз писателей СССР принят в 1984-м,

с 1987-го по 1995-й – ответственный секретарь Томской писательской организации, редактор альманаха «Сибирские Афины». Автор сборников стихов «Стиранные вьюгами поля» (М., 1978), «Рассветное чувство» (1981), «Радость и тревога» (М., 1984), «По закону сохранения любви» (1984), «Трудный возраст» (1987), «Из жизни дождя» (М., 1991), «Адамово ребро» (1997), «Приворотное зелье» (М., 1998), «Ласковая наглость» (2000), «Первый снег» (2002), «Поздний свет» (2005), «Между нами» (2006). Издал сборники рассказов: «Послушницы любви», «Озарения Нострадамуса», «Князь ласковый», «Мечь шамана», «Слепой ангел». Написал три книжки для детей. Член-корреспондент Академии поэзии.

Мир А. Казанцева контрастен, часто рядом несовместимые чувства – вера и разочарование: «А когда я ушёл от колодца, Оглушённый сырой тишиной, Вдруг услышал: колодец смеётся – Жуткий смех у меня за спиной». Мир природы – также через страстное переживание. Несовместимые эмоции – основа картины современности:

И в этом диком урагане,
Смешавшем прошлое и новь,
Костры и водка, и цыгане,
Стихи, Россия и любовь.

Михаил Андреев, поэт-песенник, написал о своих текстах целую книгу, переизданную несколько раз. Он отметил: «*Меня поёт даже Стас Михайлов*». Автор стихотворных сборников «Лиственный свет», «Подранок», «Фотография на память». Автор хитов группы «Любэ» и «Иванушки-International» говорит о любимых многими песнях «Тополиный пух», «Трамвай-пятёрочка», «Самоволочка». Свою жизнь признаёт благополучной: «А о чём мне ещё мечтать?.. Я стал членом Союза писателей СССР в 27 лет».

Но не все стихотворения М. Андреева «хитового» склада. Есть и раздумья, правда, не частые: «*Жизнь не идёт сама собой, и мало зрелищ нам и хлеба. Всё неотступней пред душой стоит безвыходное небо*». Картины неблагополучия в природе также доступны его вниманию:

Кедровник начисто срубили,
А были кедры хороши,
Когда рубили, говорили,
Что рубят на карандаши.
Дымят встревоженные дали,
Ворчит обугленная даль.
Карандашей-то настрогали,
А что же ими рисовать?

Владимир Брусьянин (1953–2000) – поэт несомненно оригинальный, и с благополучной судьбой. Учился на филологическом факультете ТГУ, перепробовал много профессий, нищенствовал и, по отзывам друзей, мог быть только поэтом. «*Когда в кармане – ни гроша И гложет голод в голых стенах, Тогда*

поймёшь, что тленным телом Жива нетленная душа». При жизни Брусьянин издал три небольших поэтических сборника: «Ветви грозы» в 1993 году, «Обрешётка кровли» в 1994-м, «День третий» в 1997 – м.

В стране Поэзии состоятельность поэта измеряется горькой судьбой – способностью платить жизнью за слово высокой пробы:

Я, как нищий с мощной, поползу по дорогам
Чуть заметной букашкой под розой ветров
От порогов, пророков к порокам, морокам,
От крестов до крестов, от костров до костров.
Побреду наугад. Вехи – ветер да вечер.
Край пути – за холмом... С узелком на плече
Я пойду к синеве – ослепительно-вечной
Меж сосновых стволов и стволами лучей
В череде облаков... Дай-то Бог...

Четвёртая подготовленная им книга стихов появилась уже посмертно, в 2001 году. В. Костин написал о нём: «...увидев раз, забыть эту колоритную личность было невозможно. Он напоминал лося – лося, попавшего на Красную площадь во время парада»; «Он не рвался в победители каких-либо конкурсов или в Союз писателей, ни к наградам от каких-либо властей – он всегда оставался собой». В его исключительной независимости – вызов, а порой в отношении к литературной среде – нескрываемое презрение. «*Шепчите разборчивей!.. Плохо – Смотреть на других свысока? По-вашему, тухлым болотом Должна притвориться река?*» Овладев трудной формой, он тут же стал её разрушать. Жизнь его оборвалась, когда удалось пробиться в столичные журналы.

Ирония Брусьянина коснулась священного для русской поэзии – деревни: «*Сивка-Бурка щиплет сено. Деревушка на мази. Красно солнышко присело, Чуни хлюпают в грязи*». Поэт искал гармоничного разрешения «проклятых вопросов», и не нашёл его.

Да, если деревья полягут,
всю пустошь затянет паршой!..
Нам выпало гиблое время.
По роже не бьют – хорошо,
а плюнут – утрите газеткой,
и ладушки-лады... Но мне
как быть, если пьяной соседкой
ощерилась Муза в окне?

Ясно, что в этой лирике отложилось кризисное время, неблагоприятное для поэзии. Это неблагоприятие – основной мотив лирики Брусьянина: «*Что если, стоя в центре – я лишь на шаг от края? Вдруг не гребу к цели – только веслом играю?*».

Владимир Крюков (родился в 1949-м) – поэт и прозаик. Вырос на севере Томской области, поступил на историко-филологический факультет ТГУ и был отчислен, по его собственному определению, «за недоносительство». Стихи его включены в антологию «Пламень: Современная русская поэзия». Первая стихотворная книжка «С открытым окном» (1989-й год). В 1994-м – сборник «Созерцанье облаков». В 1999 году – книга стихов и прозы «Линия ветра». В 2005-м – книга «В области сердца». Позднее – сборники избранного: «Стихотворения», «...Вдруг скажется просто». Книга «Белый свет» удостоена губернаторской премии за 2016 год. Возглавлял Томское отделение союза российских писателей. Был соредактором (вместе с Г. Скарлыгиным) журнала «Начало века».

Первые опыты в прозе – в сборнике «Линия ветра», а позднее, в 2007-м – стихи и дневниковые заметы «Жизнь пунктиром». Затем книга рассказов «Мальчик и другие истории» (2014). В 2019-м издан сборник «Промежуток. Повесть и рассказы». Напечатана книга воспоминаний «Заметки о нашем времени» (2014 и 2018). Пейзажная лирика Крюкова созерцательна, с прорывами к философичности, правда, нечастыми.

Стал привычен я к вашим рекламным щитам,
необидным пустой разговор стал,
даже в храмы вхожу, если вижу, что там
многолюдия нет и притворства.
...Оставаясь потерянным частным лицом,
по-ментовски сказать, гражданином,
кем я стал? Промотавшимся, что ли, отцом
или горько обманутым сыном?

В соавторстве с А. Сагалаевым В. Крюков издал книгу о Г. Н. Потанине «Последний энциклопедист Сибири». А в 2004-м – книгу о его друге и соратнике, расстрелянном большевиками: «Александр Адрианов. Последние годы». В следующем году, 2005-м, был опубликован цикл статей «Как размывали память». В основе – история Колпашевского Яра (издание томского общества «Мемориал»).

Николай Хоничев (1964–2019). Окончил биолого-почвенный факультет Томского университета. Студентом посещал литературное объединение «Родник». Первый сборник стихов «Любовь-переливница» вышел в 1995 году, а в 1997-м – второй сборник «Созвездие сирени». С 2000-го года член Союза писателей России. Наиболее полный стихотворный сборник – «Ходики дождя» – вышел в 2008-м году в Москве в серии «Поэтическая библиотека России». Во вступительной статье президент Академии поэзии В. Устинов отметил: «Не игра в литературу, а просто жизнь. Поэт не кокетничает, не скрывает, что считает себя лохматым и неуклюжим». Этой искренностью критик-наставник объясняет особую притягательность песенных стихов Хоничева.

Лучшие стихи его – о природе и о быстро текущем времени. *«Я путь пройду от А до Я – От Ани и до Яны. Ах, жизнь весёлая моя, Поляны и деляны. Пускай*

наш трактор и хрипит, Но счастлив я в итоге, Что лес, что речка, что стоит Избушка у дороги».

Николай Игнатенко (родился в 1946 году) – автор стихотворных книг «Три возраста любви», «Переход на осеннее время», «Приворотное зелье», «О свойствах страсти», «Роща», «Вариант судьбы», «Способ бытия», «Среда», «Монологи с тобой». Окончил механико-математический факультет Томского государственного университета, затем преподавал в нём.

В нынешнем литературном контексте лирика Игнатенко привлекательна своим жизнелюбием. Как сам он говорит, творчество для него – символ страсти. Почему-то поэзия – «распутная бабёнка» с «жаркими бёдрами».

Стихи не могут быть не о любви!
Поэзия, распутная бабёнка,
раскинув бёдра жаркие свои,
к себе прижмёт почти ещё ребёнка.
И не отпустит больше никогда...

Написано с вызовом и действует как тест на ханжество. Но, разумеется, стихотворения Игнатенко не только о «свойствах страсти». Есть мотив вины перед жизнью. Иногда, в самых сильных стихотворениях, поэт-сибиряк прибегает к философскому обобщению, но сторонится метафизической условности: *«Моя перебесившаяся плоть несёт душе покойное блаженство. Божественное это совершенство суетность чувств не может побороть».*

Финалист премии «Большая книга» филолог и журналист Владимир Костин (родился в 1955-м) имеет свой взгляд на современную литературу: «Сейчас идёт страшная война против человеческой индивидуальности во имя индивидуализма». А ещё он говорит о самообороне провинции в замолчавшей России. Книги Вл. Костина знают не только сибиряки. Его книги («Небо голубое, сложенное вдвое», «Годовые кольца», «Колокол и болото», «Коробок», «Дозорная пчела») критики в большинстве своём причисляют к интеллектуальной прозе. Себя он относит к последователям стоиков. Кредо писателя: «Если человек не разговаривает с мёртвыми, он ничего не стоит, как бы жутковато это ни звучало», – так выразился он в интервью. Такое мироощущение называют *посттравматическим*. Сказать, что мир Костина жесток, было бы преувеличением. Скорее, он печален. В славном нашем городе «рядом с исконной стихией мата образовалась гармония отличной русской речи», «налёт идеализма, приобретающий иногда прямо-таки беспощадный характер».

В романе «Колокол и болото» легендарный старец предсказывает наше время: «Никогда такого не было, чтобы люди посягали на родовые свои свойства, отказываясь от души, от дома, от семьи». Мир Костина – атмосфера внутреннего кризиса, человек в переломный момент жизни. Станислав Рассадин, критик с безупречной репутацией, назвал прозу Костина открытием последнего десятилетия. А Владимир Бондаренко добавил: «Уверен, что в русскую литературу пришёл крупный писатель».

Споря с «централистами», Костин замечает: «Но существует огромная онемевшая Россия. Онемевшая с тех пор, как замолчали Астафьев, Белов, Распутин, как ушли певцы своей земли». Владимир Костин внезапно удивил читателей: дебютировал как поэт. После шестидесяти лет! Всё-таки поэт Костин тянется к эпическому обобщению. Вершиной кажется поэма «Возвращение в Хонгорай». Название – память о древнем кыргызском каганате, когда-то могущественном.

Сергей Куклин (год рождения 1959-й) – прозаик, инженер-геолог по первой специальности. По окончании Томского политехнического института (1985) работал в поисковых партиях и на добыче полезных ископаемых в разных районах Сибири. За сборники рассказов «Там реки вместо улиц» и «Время собирать камни» в 2001-м году принят в Союз писателей. «Производственные» рассказы С. Куклина информативно насыщены и привлекают точностью изображения работы и быта геологов. Рассказы выросли из очерков, но прорываются к поэзии, расширяют наше представление о Сибири. К сожалению, это писатель одной темы. Заметного расширения плацдарма не произошло.

Ольга Комарова – поэт, журналист, актриса. Автор стихотворных сборников «Вечные странники», «Любовная песнь волчицы», «Ангел в ватнике». Есть двуязычное издание: «Две женщины – один мир» (Новосибирск, 2015). Победитель конкурса «Томск поэтический – 2013».

Стихи О. Комаровой драматичны. У неё есть своя интонация и раскованность, отдалённо напоминающая цветаевскую. Но главное – боязнь ответственности.

Думать то же, что и говорить вслух.
И шагами эту землю мерить.
И иметь хороший волчий нюх.
А не хватит нюха – верить.

Ольга Кортусова печаталась в различных литературных альманахах и коллективных сборниках. «Проживаю в городе Томске. Издала пять книг стихов: «Приглашение» (1999), «Шкатулка Клеопатры» (Томск, 2004), «Колыбельная для эпохи» (Томск, 2007), «Книга для птиц и людей» (Челябинск, 2007), «Простая песня» (Челябинск, 2010)». Публиковала стихи в журнале «Сибирские Афины» и «Начало века». К перечисленным автором сборникам надо добавить: «Новорождённая душа» (2013), «Ясынька» (2015), «Когда уходит снег во тьму» (2017). В книгах О. Кортусовой заметен поиск, вопрошание времени нарастает от сборника к сборнику. Претензии к эпохе есть, и выливаются они в иронию, порой доходящую до гротеска.

Самобытность и провинциализм – в каком они соотношении? Смог ли Томск выдвинуться успехами в литературе среди сибирских областей? Один кивнёт утвердительно, другой пожмёт плечами, третий качнёт головой отрицательно. Вот и вся дискуссия, вся критика. Тут впору сказать о безразличии к литературе. Об отходе её куда-то за горизонт.

Кто-то скажет о сомнительности выстраиваемых линий. Кто-то – о субъективности отбора. Но это же предмет полемики. А её нет, просто никаких отзвук. Как будто читатель исчез напрочь. А это, конечно, не нормально. Будем всё же надеяться, что вернётся...

Дмитрий КОРЖОВ

ОСТОРОЖНЕЙ С ОБЪЯТИЯМИ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА

Свет кончился внезапно – везде, даже лампочки на пюпитрах понуро и дружно умерли. Полный мрак и ужас. Что делать, если ноты не прочесть? «Что мы все без наших нот?» – подумала она, не зная, что предпринять. За нотами всех её песен она всегда следила сама, хранила в специальном очень элегантном саквояжке, который в поездках почти никогда не выпускала из рук. А теперь... Ноты-то были. Аккуратно разложены там, где им должно быть. И что дальше? Если тьма вокруг.

К ней – неловко, по стеночке крадучись, подгрёб испуганный Берт: «Что делать, Марлен? Ни одной ноты не прочесть! Отменяем концерт?». Странно, но это почему-то её успокоило. А то, что затем сказал её молодой ведущий и друг, так и вовсе насмешило: «Я сейчас чуть в оркестровую яму не провалился...».

– Со мной, дорогуша, такое случалось! – смеясь, назидательно заметила она ему. Причём сделала это так задиристо и весело, что и он заулыбался – смущённо, должно быть, стесняясь своего испуга, коря себя за него. Она подумала, что невольно, хотя и благодаря сконфуженному Берту, выполнила правило, которому следовала всю жизнь: что бы ни происходило, даже самое страшное, не торопись бояться, остановись, сделай паузу. Выход придёт – может, даже сам, без твоего участия, единым фартом или промыслом Божьим ведомый.

К ним подошёл пожилой человек – седой, всклокоченный, несмотря на темноту, он двигался за кулисами очень уверенно, не полагаясь на стену. «Это – первая скрипка...» – скороговоркой представил его Берт. Человек почтительно поклонился Марлен и сказал на хорошем немецком: «Пожалуйста, давайте начнём, мы знаем вашу музыку наизусть, нам не нужен свет».

Упрашивать Марлен никогда особой нужды не было – в бой так в бой! Она сделала Берту знак, и тот поспешил на сцену вслед за всё знающей здесь первой скрипкой. И она пошла...

Лев пришёл за кулисы тогда, когда Марлен и Берт по очереди, с восторгом, – каждого, – целовали музыкантов. Те, и правда, всё знали наизусть, каждую ноту. Играли с настроением, горячо и слаженно.

...Она была такая же, какой он знал её когда-то. Та же царственность, которая кому-то могла показаться высокомерием и надменностью (словно не говорит, не кивает, не руку протягивает, а высочайшую, почти государеву милость оказывает), но не ему. Те же медленные, а на самом деле выверенные, точные движения. И то же ощущение от всего, что она делала – ощущение дистанции, расстояния, даже когда вроде бы, если начнёшь сантиметры считать, то рядом совсем. Рядом, а далеко. Своя, а не своя. И грань, граница, которой отделена от всех и за которую – ни-ни, не очевидна, но ощутима.

Композитор совсем не был уверен, помнит ли она его. Да разве должна была? Ясно ведь, что не должна. Он сделал шаг ей навстречу, а она оглядела его с ног до головы и очень просто, без той самой, столь обычной для неё царственности сказала:

– Ну, здравствуй...

Когда-то, Лев помнил, она предпочитала вещи чёрного цвета, но здесь была во всём белом. Роскошное белое платье – длинное, почти до пола, плотно облегающее её по-прежнему стройное тело, и шуба, наброшенная на плечи. Шуба, конечно, была частью сценического образа. Ходить в такой по улицам, особенно по весенним московским с их сыростью, было невозможно, – подол тянулся по полу, словно шлейф за королевой.

– Ты, как и прежде, – сказал он, – любишь красивые вещи.

– Да! – согласилась она и, поглядывая на него с хитрющим прищуром, медленно добавила, обернувшись к молодому человеку, что только что вместе с ней обнимал и целовал музыкантов: – И красивых мужчин. Впрочем, как и любая нормальная женщина.

Она наконец (только теперь) подошла к нему совсем близко и обняла. Может быть, не сразу узнала... А может быть, узнала – и не знала, как себя вести. Многие годы жизни на глазах у всех приучили её к тому, что нужно быть осторожней с «да» и «нет», осторожней с объятиями. Особенно на публике. Особенно в чужой, незнакомой стране.

Но всё-таки узнала...

– Что скажешь? – спросила она, требуя оценки. Спросила, впрочем, довольно равнодушно. Он даже подумал: «Да нужны ли ей мои слова? Она сама о себе всё знает...». А потом, вспомнив её тогдашней, ещё до славы и фанфар, усмехнулся: «И знала всегда».

– Неужели всё так плохо? – заметив его замешательство, уточнила она.

– Ну, положим, аттракцион с полной темнотой вам принципиально удался... – попытался пошутить он.

Она, ничем не выказывая своего отношения к произошедшему, холодно заметила:

– Это не наш аттракцион.

Он наклонился к ней, чуть приобнял, не желая, чтоб кто-нибудь это слышал, шепнул на ухо: «Не расстраивайся. Всё было замечательно. Ты стала большой, девочка...»

– Ты, должно быть, – с кокетливой, но грустной улыбкой попыталась она его поправить, – хотел сказать «старой»...

Но он её кокетства будто и не заметил:

– Я хотел сказать то, что сказал.

А тот самый человек, который, не зная русского, но, видимо, без труда общаясь с коллегами на языке музыки, верный своей незримой, но не без претензии, дудочке, мастерски дирижировал незнакомым оркестром, – молодой, улыбочивый, и, кажется, совсем не уставший, готовый к новому действию, – любому, может быть, самому безрассудному, а то и преступному, и Марлен к этому побуждал:

– Марлен, что дальше? Куда мы?

– Разумеется, в ресторан, Берт! Неужели нужно спрашивать? – и спросила – уже не партнёра по сцене (и не только), а Льва: – Идёшь с нами?

– Не знаю, удобно ли.

– Пошли с нами, русский! – прервав их диалог на немецком, по-английски позвал его молодой человек.

– Это мой любимый аранжировщик и друг Берт Бакарак, – представила его Марлен. – Он, кстати, как и ты, хороший Композитор.

– Ты и это помнишь?

– Я помню всё... – покровительственным тоном, будто похлопав его по щеке, ответила она. – А потом, как тебя забыть, если одну твою песню мне как-то пел Поль Робсон. И принуждал взять её в репертуар или хотя бы как-нибудь исполнить её вместе.

– А ты не согласилась.

– Почему? Задумалась. Даже слова начала учить... Но русский – трудный, трудный. Я хотела бы его знать, но, видно, не судьба.

Она сказала и начала напевать: «Папа-па-папа, па-па-ра-пара-па-папа. Как-то так... Как она называется? Как-то очень по-русски...».

– Польюшко-полье... – ответил за него Бакарак.

– Да, «Полюшко-поле». Именно так... – подтвердил Лев и благодарно похлопал Берта по плечу. – Он у тебя знает русский.

– Ничего он не знает! – зло отозвалась Марлен. – Вчера прошлялся где-то всю ночь, скотина...

– Ну, Марлен, – попробовал ей возразить Берт, – как ты можешь? При чужих людях.

– А он мне не чужой! – безжалостно, но сейчас уже почти холодно, без злости, заявила она. – Ты думаешь, ты – один такой на целом свете? Других нет и никогда не было?

Она на мгновение смолкла, а потом продолжила, в третьем лице, словно Берта и не было рядом:

– Композитор и дирижёр, конечно, от Бога, он – мой голос музыкальный. Но порой конченная скотина, каких мало на этом свете.

Льву захотелось поддержать коллегу, и он попробовал не то чтобы вступить, но хотя бы сменить тему на более приятную – в первую очередь для Берта:

– То, какой он дирижёр, я заметил.

– Не удивляюсь, – с усмешкой заметила Марлен и, должно быть, поняв, что скандалить не время, это мешает главному, scomандовала: – Ладно, пошли, пошли! Что встали-то? Скорей, скорей! Я есть хочу, как дикая волчица. Хочу русской водки и икры.

– Когда-то ты предпочитала шампанское... – заметил Лев с тайным умыслом: «Помнит ли?». Она помнила.

– Тем более, что платил за него ты... – усмехнулась Марлен, а потом как-то неожиданно осунулась, посерьёзна и сказала: – Я просто очень долго живу. Когда долго живёшь, до всего доживаешь.

Так она сказала, и тут же ушла от серьёза и тайных своих, видимо, не слишком браваурных дум, снова повеселела, засмеялась и добавила – про то, до чего всё-таки можно дожить, если жить долго: «Даже до водки и икры...».

– Так в ресторан! – подхватил Бакарак, которому её решимость, видимо, пришлось по сердцу, и, обернувшись к Льву, спросил: – А в какой лучше, русский?

– В «Арагви!» – не задумываясь, ответил тот.

...В «Арагви», когда они вдосталь уже накушались и ледяной водки, и чёрной икры, Марлен подобрела и, с удовольствием оглядев всех, кто пришёл сюда с ней (включая, конечно, музыкантов, которые, в общем, стали героями дня, их, не скупясь, приветствовали все), а, чтобы уместить всех, пришлось сдвинуть столы, сказала:

– Люблю кормить друзей – причём, если получится, вместе с чадами и домочадцами. И кормить, и поить.

– Широкая душа! – оценил Лев.

– Да, я думаю, по-русски широкая. Лео, похожа я на русскую?

– Не похожа! – на этот раз не стал поддакивать хозяйке стола Композитор.

– Что ж, может быть, и так. Тебе, в конце концов, виднее, – не стала очень уж настаивать на своей русскости Марлен, однако не преминула уколоть в ответ: – Хоть и ты, если я не ошибаюсь, тоже немец.

«Ух, она и это помнит! – изумился Лев. – Но соглашаться с ней нельзя. Нельзя! Может, только отчасти...».

– Правда? Лео, это правда? – оживился Берт. Он хотел спросить что-то ещё, но Лев его опередил.

– Я – русский, – сказал он спокойно. – Русский немецкого происхождения. Есть такая формула. Очень правильная.

– Хорошо, хорошо, – легко согласилась с ним Марлен. – Повторю, тебе виднее.

«Она слишком быстро сдалась, – подумал он и, осознав, что происходящее начинает напоминать не только пикировку двух давних друзей, но и поединок «выпад – ответ», почти то, что он вынужден был делать всю жизнь, привычно стал выделять из сказанного главное: – Сейчас, должно быть, будет просьба...»

– Послушай... – сказала она совсем тихо, должно быть, не желая, чтобы кто-нибудь это слышал. – Может быть, ты сможешь.

Она говорила прерываясь, словно кого-то или чего-то стеснялась. Или боялась.

– Мне просто больше не к кому обратиться, – продолжила Марлен. – У меня ведь нет друзей в Москве.

Она взглянула на него и добавила с полуулыбкой – мягкой, как всегда, пленительной, обезоруживающей:

– Кроме тебя.

– Ты что-то хотела попросить? – спросил Лев.

– Да. И уже просила у тех людей, которые всё устроили здесь, которые меня принимают.

Лев почти присвистнул в недоумении:

– Марлен, среди тех людей, которые тебя принимают, между прочим, наш министр культуры.

– Не знаю! Ничего не знаю! – отмахнулась она от его слов, как от ничего не значащей, но надоедливой, привычной мухи. – Я знаю одно. У вас есть такой

писатель – Паустовский. Я бы хотела его увидеть. Мне обещали, но говорят, что он серьёзно болен. Может быть, ты сможешь? Если это, конечно, возможно.

– Не знаю, – пожал плечами Лев. – Точнее, знаю, конечно. Но мы не знакомы. Он немного из другого мира. А почему Паустовский-то?

– Она им бредит, – подал голос Берт, который прежде почти не участвовал в разговоре, даже признаков жизни не подавал, молча что-то ел, не исключая бутербродов с чёрной астраханской икрой, и пил водку. – Прочитала какой-то его рассказ, и он её очень впечатлил. Боюсь судить, но, кажется, влюбилась.

– Может быть, – не удостоив коллегу даже взгляда, медленно произнесла Марлен, – и влюбилась...

– А какой рассказ?

– «Телеграмма». Читал?

– Нет, не читал. Удивительно, я как-то прежде не замечал, что ты умеешь читать.

– Ты многого тогда не замечал, не особенно к этому приглядывался, – немного обиженно промолвила Марлен, при этом отсиживаться не стала – тоже укусила: – Тебя, я полагаю, интересовало тогда другое.

Он возражать не стал, это, в некотором роде, можно было счесть и комплиментом:

– И с этим другим, надо признать, у тебя всё было в порядке.

– Было бы странно, если бы было иначе, – резонно заметила она в ответ. Цену себе Марлен знала. Всегда.

– Да, – согласился он. – А про что рассказ?

– Если просто, без подробностей, то про то, как дочка не успела проститься с матерью. Долго обещала, что приедет, а, когда приехала, то даже на похороны опоздала. А та её ждала. И так и не дождалась.

– Понятно, – кивнул Лев.

– Да ничего тебе не понятно! И не может быть понятно. Рассказывать хорошую прозу бесполезно. Читать надо!

– Обязательно прочту, – машинально пообещал Композитор. – Я, прости, не всё успеваю читать. У нас, знаешь, писателей-то много. И почти все хорошие.

Она хотела ему сказать, что знала многих писателей, и все – хорошие, а то и очень хорошие, были и такие, которых иные люди (не она!) называют гениальными, но не стала.

– Такой – один... – сказала она так, что он понял – возражать бесполезно. Да и не надо.

– Ты с ней не спорь, приятель! – зачем-то снова заговорил ненужный Берт. – Дороже станет.

Он и не спорил...

Её речь снова стала прерывистой, словно ей, как астматику, не хватало дыхания, и приходилось делить монолог на короткие фразы.

– Знаешь, я тоже когда-то... – сказала она и замерла, продолжила едва ли не через минуту: – Тоже не успела. – Мама умерла в 45-м. А я приехала поздно.

Марлен снова замолчала, прислушиваясь к своей ещё не до конца забытой, неизжитой боли. Он её не торопил.

– И всё было со мной так, как с героиней рассказа. С Настей, – договорила она.

Марлен говорила, а перед глазами её стояло то, как она прилетела тогда в Берлин. И всё было там, конечно, другим, не как в рассказе. И – таким же. Хоть и город, её Берлин, несмотря на то, что от него осталась лишь оболочка, да и та с прорехами, совсем не походил на село Заборье, где жила Катерина Петровна. И давний приятель Марлен, старый её толстый и жадный, плутоватый импресарио, который занимался похоронами мамы, даже отдалённо не напоминал сторожа при пожарном сарае, рыжего и тощего Тихона. Да и она сама – тогдашняя, уже в великой славе, бронзоволикая Марлен Дитрих, вроде бы от конторского секретаря Союза художников, тихой, серенькой Насти бесконечно далека. Но... Были в этом очень негромком, чуждом пафоса и поучительных ноток тексте слова и картины, которые она сразу узнала. Так, словно это было именно с ней. Так с ней ведь и было, как с Настей: «Поздно! Маму я уже не увижу», – сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово – «мама». Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо...»

Подобное было с ней, когда после смерти бабушки – своей матери, её мать просила Марлен пожить вместе с ней хотя бы какое-то время. А у неё снова были какие-то гастроли, бесконечная череда концертов: поезда и самолёты, аэропорты, гостиницы, да и не гостиницы порой, а какие-то унылые постоялые двory, и прочая суета.

И финал «Телеграммы» тоже был полностью из её, Марлен, жизни, – всецело, без изъятия, как будто автор за ней следил и подсмотрел: «...В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище – земля на нём смёрзлась комками – и холодную тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый рассвет.

Уехала Настя крадучись, стараясь, чтобы её никто не увидел и ни о чём не расспрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Катерины Петровны, не мог снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести...»

И был Берлин. И было такое же неживое жилище мамы. Пустой мёртвый дом, казалось, умерший гораздо раньше хозяйки... И аэродром без людей, куда самолёт прислали для одного человека. Для неё. Женщины, у которой уже не было настолько родных людей на этой большой земле.

***

...Как только вернулся домой, он сразу же позвонил Генералу (они давно не общались, но нужные телефоны он не забывал), объяснил ситуацию. Тот ничего не обещал, но через несколько дней перезвонил и сказал:

– Он действительно очень плохо себя чувствует. Но не в больнице. После инфаркта дома отлёживается.

– Значит, никакой возможности?

– Возможность всегда есть. Мы постараемся привезти его на следующее выступление вашей старой знакомой – в Центральном доме литераторов, или,

как его ещё называют, в Доме писателей. Доставку обеспечит наше ведомство. Разумеется, в сопровождении врача. Его я, кстати, как оказалось, знаю. Так получилось. Хороший доктор. Фронтовик, как и вы, участник обороны Москвы. И жена, конечно, будет сопровождать. Без неё ничего не сделаем, насколько я понял. Ближайший человек. Без неё – ни тпру, ни ну...

– Благодарю вас, Павел Анатольевич!

– Очень прошу, Лев Константинович...

Генерал замолчал. Молчал он довольно долго. Лев терпеливо ждал, не топил его.

– За гостией нашей присмотрите, пожалуйста, – наконец, раздалось в трубке. – Чтобы не слишком волновала классика. Под вашу ответственность.

– Она уже не в том возрасте, чтобы волновать... – попробовал пошутить Композитор.

– Как знать, как знать! Я бы так не сказал. Фотографии её выступления в Театре эстрады я видел... – Генерал показал, что о визите заморской дамы он осведомлён достаточно. – Впрочем, вам, я думаю, виднее.

Следующий вопрос стал для Льва неожиданностью, несмотря на то, что и сам тоже его Марлен задавал. А тут – показалось странным. Может быть, потому, что ответ-то он уже знал:

– Скажите, а вы у неё не спрашивали, зачем ей Паустовский-то? Что за каприз? Он не молод ведь уже, и здоровьем плох. Не популярный исполнитель, не футболист известный, не богач. В общем, не Пеле, не Рокфеллер. Он даже не поэт, а прозаик. Зачем он мировой знаменитости?

– Его проза её увлекла. Я и сам не поверил бы, если бы она не сказала. Оказалось, Марлен читает книги.

– Надо же, никогда бы не подумал!

– Так о чём я и говорю, товарищ генерал.

– Это редкость... – с уважением промолвил Генерал. Помолчал, а затем продолжил: – У них. Не у нас. Я думаю, надо помочь человеку.

...Он стоял в Доме литераторов не у входа, а чуть в стороне, у парадной лестницы. Мимо нескончаемой чередой тянулись писатели. Шли не группами, а как-то по одному, каждый – отдельно. И то сказать, – сплошные классики: Тихонов, Сурков, Федин, Симонов... С некоторыми знакомыми он раскланивался, порой даже обменивался парой слов. Щедрый на острое словцо Светлов и здесь без них не обошёлся, остановился рядом с ним, должно быть, чтобы чуть передохнуть перед тем, как взбираться вверх по ступеням, поздоровался, тепло, хоть и не без поддёвки дружеской, спросил: «Ну, что, «Полюшко-поле», как дела?». «Михал Аркадьич, ты ещё «Почётный караул» вспомни. Наш совместный...». «Вспомнил бы, если бы наш «Почётный караул» весь мир пел. А «Полюшко...» твоё и светлой памяти Вити Гусева поёт. Глядишь, и Марлен сегодня исполнит, нет?» – «Не поверишь, Михал Аркадьич, хотела. Русский язык помешал...» «Русский язык, говоришь? – одобрительно промолвил Светлов, подмигнул Льву: – Что ж, он такой, наш великий и могучий, не отнять...» И наконец начал восхождение.

С серым, скомканным лицом прошёл Коваленков, останавливаться не стал, молча кивнул и просквозил мимо. Льву это показалось странным, они ведь с

Александром Александровичем приятельствовали много лет, да и, опять же, песню вместе сделали, причём хорошую, не в пример «Почётному караулу». Детскую! Про медведя, который зимой шёл к себе домой и по дороге на хвост лисе наступил. Текст очень простой, какой и должен быть в песне, особенно для детей. Запоминался – на раз. Композитор, хоть и не учил, а кое-что наизусть помнил, – само собой в нём остались отдельные строчки и даже куплеты. Концовку, к примеру, которая получилась незатейливой, но милой:

С той поры медведь решил,
Что зимой нужно спать,
По тропинкам не гулять,
На хвосты не наступать.
Он в берлоге безмятежно
Спит зимой под крышей снежной,
И доволен неспроста,
Что родился без хвоста.

Не удостоив и кивка, профдефилировал Долматовский. Стороной, словно не заметив, прошёл и автор «Кочубея». «А ведь когда-то дружили...» – подумал он. Впрочем, после тех, памятных обоим московских октябрьских дней 41-го они почти не общались.

В череде, что тянулись на второй этаж, в главный зал ЦДЛ, конечно, были и коллеги. Но немного. Они чинно поприветствовали друг друга с Хренниковым – степенным, основательным, а порой и вовсе монументальным, несущим своё пиджачно-галстучное тело с лауреатским медальным бантом на груди как памятник самому себе. От той лёгкости и быстроты, что жила в нём когда-то, каким Лев его ещё помнил, не осталось ни следа.

Льву важно было увидеть Писателя, чёткой уверенности в том, что болезнь и супруга, которая, как говорил Генерал, в эту пору управляла всей его жизнью, позволят ему прийти. Генерал обещал. Обещал и он – Марлен. Но не твёрдо. Как известно, над недугами и жёнами и генералы не властны.

Но они всё-таки пришли. Писатель и последняя его, третья жена, бывшая жена известного драматурга, который написал о ней пьесу, которую, не долго думая, назвал её именем. Рядом, как и обговаривали заранее, вышагивал врач, домашний доктор Паустовского, единственный, кому он, безмерно уставший от людей в белых халатах, доверял всецело, без оговорок. Лет шестидесяти, он был в добротном, как и у Хренникова, не из магазина готового платья, умело сотворённом костюме. Композитору бросились в глаза орденские планки. Как офицер, да и любой человек войны и в послевоенное времени он мог их читать, не требуя перевода: два ордена Отечественной войны, «За отвагу», Красная Звезда. Ещё одна планка – красно-белая медальная планочка, может быть, у кого-то вызвала бы вопросы, но не у Льва. У самого такая имелась – «За оборону Москвы». «Вот тебе и доктор, – подумал он. – Настоящий военврач, однако...»

Он подошёл к Паустовскому, представился, тот среагировал мгновенно: «А я вас знаю, хоть мы и не знакомы...» «Я вас – тоже!» – ответил Лев, а потом сказал о деле:

– Она вас ждёт.

– Я знаю. Но, наверное, правильной будет после выступления...

...О том, что человек, встречи с которым она так желала, в зале, Марлен сообщила её здешняя переводчица Нора – тоненькая, безликая еврейка, этакая серая мышка, но мышка проворная, обладавшая редким даром быть незаметной, не мешать, но, как из воздуха, будто по мановению волшебной палочки, по единому зову являться, когда в том была вящая необходимость. И тут – явилась. И не одна, с женой писателя. Её звали Татьяна. Это была пышнотелая блондинка, когда-то, видимо, очень красивая, а здесь – просто преданная жена, занятая только тем, что муж болен, и этим путешествием в ЦДЛ, что для пожилого, страдающего сердцем писателя было и тяжело, и небезопасно.

Она рассказала об этом Марлен. И та, встревоженная, спросила:

– Так, может быть, ему лучше поехать домой?

Но та сказала:

– Нет, сейчас уже, когда он здесь, если мы вернёмся, ему только хуже будет.

Он должен увидеть вас.

– Хорошо, – кивнула Марлен. – Если должен, значит, увидит. Я тоже очень хочу его видеть.

Татьяна взглянула на неё беспокойно, но без неприятия. Не время было ревновать. Кончилось то время. Сказала только, как о том, что только ей ведомо, что она решает:

– Он будет в зале. Будет вас слушать.

...Писатель шёл тяжело, с трудом одолевал ступени, что вели к сцене. Заставлял себя. Но на душе почему-то было светло. Когда ему рассказали, что кинодива из-за бугра, кумир миллионов, хочет его видеть, его удивило не это, другое. Главный вопрос для него тоже был – зачем? С какой стати? К чему он ей? А потом ему сказали про «Телеграмму», и он успокоился. Рассказ был хороший, и он твёрдо знал это. Но дело было даже не в том. За свою длинную, не всегда благополучную, однако, в общем, счастливую жизнь он написал немало хороших рассказов. Но этот был особый. И если он так подействовал на человека, то, значит, этот человек ещё жив. Не кинодива заокеанская, а человек. К этому человеку он и шёл. Медленно, с усилием, но уверенно, опираясь на трость, – тяжёлую, но очень удобную, какую долго искал, а потом наконец обрёл в одном из столичных антикварных. Он даже предполагал, что трость имеет свою историю, собственную биографию, в которой, вполне возможно, много чего имеется, но сейчас уж не отыщешь эти пути-дорожки... Когда живёшь долго, биография возникает сама собой – неизбежно. И становится судьбой. Но не всякая.

...Когда смолкли аплодисменты, ей принялись задавать вопросы – сборище-то было писательское, бестолковое, любящее себя и поговорить. И среди прочих вопрошаний ожидаемо случилось и такое: «А вы знаете современную советскую литературу? Каких наших писателей любите?». Она ответила по-королевски, сначала вообще: «Я знаю русскую литературу...». А затем и в

частности. Она назвала его имя. И тут же кто-то выкрикнул, что он в зале. Она знала. Она ждала его.

Она ждала его. Хотя и для неё стало неожиданностью, что он пойдёт на сцену. Она видела, как ему трудно. Даже хотела подойти и помочь, но остановила себя, посчитав, что для мужчины это будет унижительно. А тот, кто так тяжело шёл к ней, был мужчиной. Даже в своей немощи.

Когда он поднялся, она не знала, что сказать. И слов таких не было, да и русский она не знала. Хотела когда-то выучить – именно из-за русской литературы, из-за Толстого и Достоевского, да вот не случилось. Вот ничего не скажешь. А сделать что?

Марлен сделала это инстинктивно, всё произошло, словно само собой, будто по подсказке чьей-то неслышимой и незримой: опустилась перед ним (по её представлению, безусловным гением, её идолом) на колени.

Ему захотелось, как девочку, погладить её по голове. Столько было беды и неизжитой боли в этом её искреннем движении.

Он поцеловал её руку, заглянул в её большие полные слёз глаза. И застыл оторопело, не зная, что делать, потому что Марлен не поднималась, – оставалась на коленях. А потом неожиданно осознал, что Марлен нужна помощь, что она не в силах сама подняться. И платье тесное, и туфли неудобные, концертные, и ноги – уже не те, что были прежде. Не те, что отстукивали Льву и прочей жаждущей этого публике безудержный, кажущийся неостановимым степ в берлинском варьете.

Врач, который стоял рядом со Львом за кулисами, тут же понял (или почувствовал?), в чём дело, закричал: «Константин Георгиевич, не смей! Не вздумай, мать твою! Не поднимай её! Даже не думай!». Лев бросился было на сцену. Но раньше успел Бакарак – причём он сделал всё так, чтобы зал ничего не взял в толк: поклонившись Писателю, почтительно, как к богине, опустился коленами к Марлен и очень бережно, медленно, шаг за шагом, будто по ступеням (примерно так же, как поднимался к ней Писатель) поднял певицу с колен.

«Молодец, вовремя!» – сказал он Берту, когда тот, покинув сцену, неостановимо и грубо шерстил мимо. Тот комплимент или того, кто его воспроизвёл, не заметил, только бросил в ответ: «Я всегда вовремя!».

Они простились с Писателем, его женой и врачом. Марлен тянула их в ресторан, но врач запретил, даже погрозил примадонне пальцем: «Ни-ни!» – а Паустовскому и его супруге заявил без экивоков: «Немедленно в постель!». На что те счастливо заулыбались. Татьяна кивнула, по-военному щёлкнула каблучками, попыталась отдать честь: «Так точно, Виктор Абрамович! Будет исполнено!».

Марлен пожелала дойти до гостиницы пешком, уточнила у Льва: «Здесь же недалеко?» «Минут двадцать пешком. Если никуда не торопиться...» «Пошли!» И они пошли. По мокрому асфальту весенней, не слишком тёплой в эти дни столицы.

Что ж поделаешь, если весна была в Москве в тот год, как бес на качелях: то жарко – до тридцати, до духоты нестерпимой и тягостной для большого города, вплоть до чуть размягчённого солнцем асфальта, то совсем прохладно,

слёзно, с мелким, но почти не прекращающимся, казавшимся бесконечным дождиком. Но май как раз по большей части выдался холодный, почти осенний, ненастный. Но Марлен и Берта это нисколько не стеснило, оба к такому повороту оказались готовы, приехали в именно что осенних пальто.

– Ха-ха, не забывай, что у нас ведь был ещё Петербург, то есть Ленинград, конечно, если по-вашему... – заметила она Льву, когда тот похвалил пару за осмотрительность. – Там было похолоднее.

– А он, видишь, недоглядел, – попенял ей тот в ответ, указывая на их гитариста, который тоже увязался вместе с ними прогуляться до гостиницы. Музыкант в тоненьком ненадёжном плащике, должно быть, чувствовал себя не слишком уютно, то и дело поводил плечиками, разве что не ёжился.

– Рене? – спросила она так, словно только что увидела ещё одного их спутника. И расслабленно махнула рукой, сказала, как о чём-то, с чем устала бороться, да и нет особого смысла это делать: – Не обращай внимания. Он – француз.

Она заявила последнее, приговор, как данность, которая снимает все возможные нынешние и дальнейшие вопросы. Уточнять что-либо Лев не стал, да и француз не возражал: кивнул вполне миролюбиво. Хотя, вполне возможно, и не слишком понимал, о чём речь, ведь говорили они по-немецки.

– А как тебе Ленинград? – решил сменить тему Лев. – Понравился?

– Хорош! Красив! Роскошен! – восторженно, но без чувств, как по обязанности, отговорила она, хотела сказать что-то ещё, но Берг её перебил – он, хоть и не знал немецкого, однако, как и в диалоге с музыкантами, одному ему ведомым образом всё же умудрялся что-то понимать. Уж название города уловил точно:

– Она там с кораблём фотографировалась. И с девочками с красными галстуками.

– Пионерками?

– Ес, пайониерс! – энергично закивал Бакарак. – Ей тоже галстук повязали. И он показал, как Марлен повязывали галстук.

– О, это честь! – приветствовал факт принятия большой гостьи Страны Советов в стан детей Октября. И, хоть и без того всё уже понял, уточнил: – А корабль-то какой?

– Тот, что революцию начал.

– Крейсер «Аврора»?

– Ес, ес! Ав-ро-ра...

– Да, это правда, – подтвердила Марлен факт фотографирования с революционным крейсером и повторила: – Да, Петербург прекрасен.

А потом широко, как она умела всегда, улыбнулась и с любовью промолвила:

– Но Москва лучше!

Он не ожидал такого, удивился даже, озадаченный:

– Да почему, Марлен?!

– Там всё по линейке... – промолвила она. – Такие города я видела. Пусть не такие красивые, но видела. Берлин тот же. Но он зажат в своём камне, в своих линиях, неизменных и скучных. А Москва – широкая! Без меры. Без правил.

Без границ. Таких больше нет. Петербург – это дворец, это – музей. А Москва – это сад. Это праздник.

Он посмотрел на неё с уважением:

– А ты умная...

А она не упустила случая его уколоть, спросила, посмеиваясь:

– А ты только сейчас это заметил?

– Всегда знал, что умная. Но не знал, что настолько.

– И не удивительно, – как о чём-то действительно очень понятном, безусловном, сказала она. – С Композиторами такое бывает.

– Правда? – не преминул уколоть он в ответ. – Повторение пройденного?

Но такие уколы её не пугали. Сколько их было за жизнь – и вполне себе миролюбивых, как его, и иных, много больней и опасней.

– Да, отчасти, – равнодушно заметила она, и с мягкой улыбкой ответила – не ударом на удар, а выпадом на выпад, не опасным, хоть и ощутимым: – Но, пожалуй, не только пройденного. – Знаешь, что мне Писатель написал на своей книге?

– А ты знаешь?

– Да, мне перевели. Он написал, что если когда-нибудь создаст рассказ, подобный «Телеграмме», то посвятит его мне.

– Но он не напишет, – не стал жалеть её Лев. – Поздно...

Однако она в его жалости не нуждалась. Всё уже знала. И о себе, и о тех, кто вокруг.

– Да, поздно. Мы слишком поздно встретились... Непреодолимо поздно.

Владимир КРЮКОВ

КАК ВЕТЕРОК ПО ПОЛЮ РЖИ

(ЭПИЗОДЫ)

*Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи,
Проходит явь, проходит сон,
Любовь проходит, проходит всё...*

Борис Полоскин

РАЗЛУКА

1975

Это была весна их любви. А потом было лето их любви.

Минувшей зимой они вдосталь целовались на автобусной остановке, не особенно стесняясь окружающих. Они изображали прощание. Вроде он провожал ее на автобус. Может быть, кто-то заметил их уловку и, уезжая, увозил их тайну с собой. Запах волос и волшебство губ взаимно возбуждали и дурили головы. И чтобы снять это возбуждение, они убегали в соседний городской сад, толкали друг друга в снег, катались в снегу.

И в причудливом смешении прочитанных историй и того, что происходило с ним, он жил, зная только одно: та, другая сторона как-то должна воплотиться. Ну да, ну да, конечно, Дафнис и Хлоя, именно они. Запах, дыхание звали их навстречу друг другу. Душа-то уже была подготовлена.

И это будет: темные от пота подмышки платья, и голые загорелые ноги, от которых глаз не отвести. А пока продолжительное томление, пересохшие губы. Голос, который недавно был вполне внятным, становится неуправляемым, садится, звучит глухо, не звучит даже, а как в ангине с трудом проходит горлом.

Неужели в общежитии нельзя было найти укромного уголка? Можно. В его комнате старшекурсник вообще не искал никаких углов, выпроваживал соседей по комнате в кино или на прогулку и запирался с разными девушками. Некоторых из них Миша видел потом в зале библиотеки или в столовой. Нет, все это должно быть не так. Ночью, ложась в постель, поворачивался

набок, ему казалось, что она здесь, рядом. На соседних койках похрапывали товарищи. Нет, не так, не так.

А наутро увидеть ее вдруг на лестнице, либо на улице, когда она бежала на лекцию. Боже, какое счастье, какая радость, порой такая сильная, что как бы не умереть от любви.

Да как же он не замечал ее раньше! Были у Миши влюбленности, увлечения. Красивые, стройные девушки иногда улыбались ему. И он – в ответ. А тут – совершенно другое. Он понял, что нашел её. И не сразу увидел, что она такая ладная, худенькая, легкая. Сначала были глаза. Казалось бы, черные, что там можно увидеть, но они преображались многократно в зависимости от света дня и ночи, от малейшей перемены настроения. Он видел, как они вспыхивают при встрече. Он помнил, как доверчиво приоткрыла она губы, когда он впервые целовал её.

И вот несла и кружила их упавшая как снег на голову любовь. Весна пришла неожиданно ранняя и теплая. Они исходили старинный город вдоль и поперек., знали теперь наизусть улицы старой застройки, дома с деревянными башенками и причудливой резьбой по карнизам. Выбрались наконец и за город, и вот тут случилось то, чего было уже не миновать. Чего он ждал и только не знал, как это должно произойти. Метрах в ста от автострады, ведущей к аэропорту, они обнимались среди голых еще берёз. Она, как ему показалось, стала выскальзывать из его рук. И он опустился за нею в сухую траву и оттаявшие, прибитые долгим снегом листья. И гул машин он услышал потом, когда они – до того оглушенные и забывшие обо всем – поднимались с земли. Был провал во времени, какая-то сладкая обморочность. Случилось что-то необычное, что вынесло их, ей-богу, в другое измерение. И вернувшись в будничное окружение, они по-другому взглянули друг на друга, они увидели что-то совсем новое, какой-то новый свет открылся им.

Через неделю они оказались в уже обретающем зелень лесу в компании с его товарищем, который и предложил проехать в это красивое место. Смеялись, читали стихи. Но перебегая по холмам, спускаясь в овраги, Миша вдруг почувствовал лишним здесь самого близкого своего товарища. И устыдился этого, и все-таки не мог ничего с собою поделать. Ему хотелось быть с нею наедине, снова и снова быть с ней воедино.

Как-то они поехали в пригородный кедрач, взяли с собой бутерброды, газировку, но еще и учебники, конспекты. Всерьез открыли свои тетради. Он увидел краем глаза, как она стянула кофточку, оставаясь в светлой блузке на теплом солнце. И буквы, которые складывались в слова, показались ему полной бессмыслицей. Слова эти лежали ровными строками, но ровно ничего

не выражали. Он потянулся губами к ее лицу, повел пальцами по нагретой ткани. Она отложила свою книгу, обняла его шею. Их одежда, как эти книги и тетради, стала лишней. Потом, глядя снизу вверх чистыми глазами, она весело сказала:

– Так мы с тобой второгодниками станем.

И засмеялась наверху в ветвях неведомая птичка, а потом чуть поодаль стала щедро отвешивать им годы кукушка.

И навсегда, на всю свою жизнь запомнил Миша, как однажды в городе они увидели скопление народа. Люди смотрели в одну сторону. Там стоял разбитый автомобиль, а санитары укладывали на носилки беспомощного человека.

Она крепко взяла его за руку, повела прочь.

– Мы тут уже ничем не поможем, – сказала она и вдруг продолжила раздраженно и горько. – Ты знаешь, ведь почти не увидишь, чтобы такая кучка людей стояла и смотрела на красивый закат, на цветы, на облака. А вот на такое – на кровь, на смерть – их всегда манит, всегда готовы.

Он промолчал, да тут и не требовались какие-то его слова. Но почувствовал, как холод пробежал по спине и внезапно вздрогнул. И как посмотрел на неё, испытал страх ее потерять и необыкновенную нежность к ней.

А сессии свои они несмотря на щедро отданное любви время, сдали совсем неплохо. И прибрежные тальники, и скамейка в парке, и мох старого соснового бора как-то не помешали усвоить историческую грамматику и основы литературоведения. Меж тем, общежитие быстро пустело: все разлетались, разъезжались. Ему предстояла автобусная поездка за триста километров на север через две реки – Томь и Обь. А у нее дорога была дальней. Самолет до Новосибирска, потом до Свердловска, а там на перекладных до небольшого промышленного городка. Конечно, они оттягивали ее отлёт. Комната, где она жила с подругами, теперь стала только их. Они были одни, они ужинали кефиром с булочками, ложились в настоящую общую постель – с простыней, покрывалом. Вспоминали всякие истории из своего детства, смешные и не очень.

– Ты знаешь, – говорил ей Миша, – когда я вижу что-то забавное или необычное на улицах города, мне так хочется, чтобы ты видела это вместе со мной, моими глазами. Так тебя не хватает.

И она с пониманием благодарно кивала. Они засыпали и просыпались для новых объятий. Но наутро ей нужно было улетать. Утренний луч прошел до их подушек. Она открыла глаза, стала подниматься. О, нет, это невозможно. Он удержал ее, никак не желая отпустить.

– Мы опоздаем, – сказала она, но не смогла противиться, откликнулась. Уже в автобусе на аэропорт они поняли, что опаздывают. Они вышли из автобуса, увидели ее самолет, набирающий высоту. Рейсов на Новосибирск в

ту пору было немало, потому они сильно не расстроились и пару часов спустя он махал ей, поднимавшейся по трапу и потом прилипавшей к иллюминатору.

Звонить из его поселка не получалось. Но писем они друг другу написали немало. Миша был глубоко недоволен своими. Он никак не мог выразить то, что переживал. Это была почти не проходящая тоска, отпускавшая, может быть, когда он был в кино, и то ему часто казалось, что она сидит рядом. Или когда плавал до изнеможения и валялся потом на берегу, бездумно глядя в небо. Однако же миновало лето. Пришла пора возвращаться в город. Отец перед уходом на работу обнял его, а мать даже проводила на остановку (могла позволить себе отлучиться).

В последнем письме была дата ее возвращения. Миша узнал час прибытия рейса из Новосибирска. Изнывая от ожидания, бродил по рощице близ аэропорта, приминая уже несвежую осеннюю траву. Самолет прибыл, но ее не было. Следующий рейс был вечером, и опять Миша напрасно высматривал ее среди прибывших пассажиров. Он почувствовал, как его стала поколачивать дрожь, и не знал, как ее унять. Постарался взять себя в руки, уже в сумерках отбил на главпочтамте телеграмму: «Что случилось заболела сообщки когда будешь». Наутро комендант постучала в дверь комнаты и передала ответную телеграмму. У Миши потемнело в глазах, остановилось, а потом бешено запрыгало сердце. «Аня погибла позавчера напишу письмо». Он вышел из общежития, и ноги понесли его по проспекту к большому саду над обрывом реки, где они не один раз бывали. Он сел в уединенном месте, прислонившись к берёзе, и ощутил страшную усталость. Усталость и опустошение. Смотрел перед собой и ничего не видел. А когда над ним прогудел самолет, из глаз потекли слёзы.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

1978

Миша завершал последний университетский курс. И собирался он пробовать себя в газете, из молодежки ему обещали вызов. Но в программе обучения стояла педагогическая практика, и всем – кто бы куда ни собирался – предстояло ее пройти. Михаилу досталась школа в старом районе города. Он проходил туда, свернув с главного проспекта и пробираясь укромными переулками, узнавал их, исхоженные еще не так давно с Анной. И это теперь уже не отзывалось острой болью, но иногда сбивало сердце с привычного ритма.

Со своими девятиклассниками он, как показалось, нашел общий язык, да они и по возрасту недалеко отстояли. И Есенина им читал наизусть, и о битлах на классном часе (тоже зачетное мероприятие) рассказывал, врубая на магнитофоне хорошего качества записи.

Директор предложила ему присутствовать на семинаре, посмотреть, послушать. Придут учителя-словесники еще двух школ, собрание почтит заведующий районо, сам выпускник филологического факультета пединститута. Михаил согласился, и вот смотрел, слушал.

Открытый урок провела Валентина Андреевна, с ней он уже познакомился и был на ее уроках. Русский язык в ее исполнении ему понравился, а литература совсем нет. И он понял, почему, когда она рассказала, что поступала вообще-то на математическое, но не прошла пор конкурсу, и стала учителем-филологом. Правила написания, исключения были разложены по полочкам аккуратно, доступно, убедительно.

А вот на уроке литературы ему стало за нее неловко. На его беду это был «Герой нашего времени». Необъяснимое обаяние, которое он испытывал всякий раз, перечитывая «Тамань», понятно, здесь не нужно было брать в расчет. Это каждый переживет сам, если решит открыть книгу и читать не по диагонали. Но приблизить к этому, наверное, было возможно. Однако Валентина Андреевна вновь, как на уроке русского, классифицировала, давала четкие определения: скептик, эгоист, лишний человек, светское общество...

Но в этот раз, на открытом уроке, она была на высоте. Кто-то, опираясь на текст, представлял жизненную позицию Молчалина, кто-то Скалозуба. Она удачно нашла ученицу на роль Софьи. С некоторым перебором праведного гнева произнес прощальные слова Чацкого высокий и красивый Павлов. И остальные не остались статистами, были, что называется, вовлечены в разговор. Сохранились ли эти типажи до наших дней, не слишком ли высокомерен Чацкий, вызывает ли сочувствие Софья? Под самый звонок Валентина Андреевна, как положено, подвела итоги.

Мероприятие плавно перетекало в неформальную часть, и Михаил думал потихоньку откланяться. Но тут как раз сам этот заведующий районо приобнял его за плечи, увлекая по коридору. И директор школы поддержала: «Да, усилите мужские ряды». Кроме Михаила на недавнем уроке сидели и вправду лишь двое мужчин. Один пожилой, седой ёжик которого топорщился во все стороны, отчего он казался щетинистым, хотя был нормально побрит. И другой, средних лет, гладкий как обмылок, вот уж точно без каких-либо особых примет. Все рассаживались за столами в школьной столовой.

Среди тарелок с закусками ненавязчиво расположились несколько бутылок вина. Директриса обратила общее внимание на репродукцию картины «Рожь», висевшую на стене столовой.

Щетинистый отозвался:

– Знакомо! Левитан!

Директриса поморщилась, но всё же продолжила:

– А какие стихи припоминаются?

– Ой ты, рожь! – пискнула дама из гостей.

– Поздняя осень, грачи улетели, – по контрасту басовито произнесла крепкая женщина.

Поднялся заведующий районо. Он был благодушен: мероприятие прошло хорошо, неплох и финал. Он предложил желающим поднять стаканы за успешное решение задач, которые поставлены перед советской школой. Подняли. Обратились к закускам. За столами сдержанно переговаривались.

Заведующий районо поднялся вновь. На большом его лице с мохнатыми смоляными бровями возникла улыбка. Он начал говорить:

– На польском радио есть такая передача. Читается одно предложение, и слушателям предлагается закончить. Однажды было прочитано такое: «Под юбку пани Ковальской залетела пчела». И каков же был самый остроумный конец фразы?

Он осмотрел аудиторию. Лёгкое оживление, но ни одной попытки продолжить не последовало.

– Лучший вариант был таков, – сказал заведующий районо, – «И укусила там руку пана Смыхальского»!

И тут от одного из столов пополз тонкий бабий смешок, он обрастал другими, набирал силу.

– В чём дело, Мария Осиповна? – спросил заведующий районо у раскрасневшейся от смеха толстушки.

Но заливающаяся хохотунья не смогла ответить, веселье душило её.

– Да вот, Геннадий Моисеевич, – помогла её соседка, – Марья Осиповна спрашивает: «Почему там оказалась именно рука?!»

Успех был всеобщим. Здоровый полновесный смех сблизил людей. Раскрепостились, разговор пошел оживленнее. А вскоре заведующий районо поднялся уже не для тоста. Как бы с некоторым сожалением посмотрел на часы, извинительно пожал плечами. Пошел к выходу. Директриса проводила его до двери и, обернувшись, почти столкнулась с Михаилом.

– А вы куда? – удивилась она. – Да посидите еще с нами.

– Простите, пожалуйста, – сказал Миша. – Меня друзья ждут.

Никто, разумеется, его не ждал. Но невозможно было здесь оставаться. Мишу охватило какое-то чувство гадливости, что ли. Да, именно так: ни больше, ни меньше. Он пытался побороть это, говорил себе: «Да что ты в самом деле? Вот чистой какой. Ну натурально Ханжа Ханжонков (такое прозвище они придумали для некоторых сокурсников)».

Не помогало. Он не мог забыть, что собрались тут учителя русского языка и литературы. Литературы! Ну а сам он разве не смеется над анекдотами, где ситуации бывают похлеще той, представленной заведующим? Однако этих-то как понесло...

Практика закончилась через несколько дней. Миша заработал высшую оценку.

НОЧНОЙ ГОСТЬ
рассказ Михаила
декабрь 1980

– Полушубок похитили! – заорал я. Фраза, конечно, отредактирована. Тут бы привести ее в подлинности. Столичная литературная братия отстаивает эти дела, ратует за свободу слова. Но не откликнемся на её призывы. И вообще начнём по порядку.

Этим утром мы удачно встретились на главном проспекте со Стасом и вместе топали к пивзаводу. Конечно, не пивка глотнуть с утра пораньше, а подзаработать на беде, которая тут приключилась. А беда вот в чем: под тяжестью снега обрушилась старая кровля над складом ячменя. Зерносклад для пивоваренного завода – объект стратегический. Надо срочно поставить новую крышу. Профессиональный калымщик Стас, узнавший об этом обстоятельстве, сумел выторговать выгодные условия оплаты. Взял меня в помощники. Третьим стал некто Леонид. Он имел профессию врача, но иногда – на несколько дней – оставлял свое ремесло ради денег.

И вот идем со Стасом начинать наше крышевание. И я рассказываю ему о минувшей ночи.

Она выдалась для меня беспокойной.

Я служил ночным сторожем в цветочной теплице городского управления зелёного строительства, попросту – горзеленхоза. Газетная ставка была невысока, и совсем не стоило чураться подвернувшейся непыльной подработки. Вчера, как обычно, задремал под ровный шум батареи отопления на углу дивана в нашем закутке. И вдруг пробудился: мне послышался стон. И вспомнился почему-то Некрасов со своим сострадательным стихотворением. Вспомнился и недавний спор с либералом-филологом: тот дивился народному долготерпению. Для меня в свете некоторого личного опыта народ вовсе не терпел. Он пил, плевал семечками, тащил отовсюду то, что плохо лежит, кое-как – прямо-таки с отвращением – работал, весело материл жизнь и начальство.

Стон повторился. И дело в том, что стонали не под мифическим овином или под стогом, а рядом, за стеной, прямо у входа в теплицу. Я встал с дивана. Он облегченно выстрелил парой пружин. Открыл дверь в морозную ночь. На снегу у стены корячился мужик. Он все подтягивал ноги к груди, чтобы свернуться потеплее, поуютнее. Мороз забирался под куцую телогрейку. Мужик стонал, изнемогая в неравной борьбе.

Я взял его из-за спины под мышки и потащил в помещение. Обими руками он крепко прижимал к себе большой пакет. Был он не по сезону в сапогах – обычной кирзе. Сапоги сейчас беспомощно волочились по полу. Я проволок его из коридора в закуток и прислонил к дивану.

Из приоткрытого пакета вываливаются на пол два зефира в шоколаде. И я, кажется, понимаю, откуда взялся этот мужик. Наверняка он был в гостях у моего соседа по территории Константина. Костя подавал тепло в цех кондитерской фабрики. Кочегарка находилась в соседстве с теплицей. Ясное дело, мы познакомились. У нас – чисто, светло, постоянно свежий чай, у него – пряники, ирис, тот же зефир, все с пылу-жару, прямо с конвейера. То занесет так, от доброты, то за бутылку красненькой (но вместе же и выпьем).

Наверняка этот немощный человек был сегодня гостем Константина. Почти достиг уже дыры в большом дощатом заборе, но не одолел подъема и вот скатился к дверям теплицы.

В результате незадачливый гость сидит у меня на полу. Он очнулся, дикие глаза его блуждают по стенам: спасенный не понимает, что с ним и где он находится. Он крепко прижимает к груди свой свёрток. Он больше не стонет и впадает в сон. Втаскивать его на диван я не собираюсь – вдвоем там не разместиться. Выключаю свет, ложусь и, почти засыпая, слышу: он повалился набок. Пытаюсь пристроить ему под голову фуфайку нашей тепличницы Галины Васильевны. Он просыпается. Первые слова, которые я слышу:

– Студент! Обобрать меня хочешь? Не выйдет!

Ах ты, дерьмец, думаю. Ну лежи, черт с тобой. Укладываюсь сам, засыпаю. Но я имею обыкновение поворачиваться несколько раз за ночь. И вот поворачиваюсь, диван, конечно, стреляет, и с полу до меня доносится:

– Что задумал?! Не выйдет, я не сплю!

Вот оно, значит, как. Заволакивай человека с холоду и получай черные слова неблагодарности. Обидно мне стало. Даже подумалось ненароком, зачем я его, дурак, сюда тащил. Но отозвались укором гуманные струны души. Значит, пусть бы замерзал, что ли? Нехорошо, брат.

Заснул я со своими мыслями. Но под утро щелкнула пружина и как по сигналу прорезался хриплый злой голос:

– Что, студент, не дает покоя моя получка?!

Я проснулся весь, до конца, махом. Встал с дивана. Обида обернулась в злость. Я схватил его и поволок к двери. Он растопырил руки, стал хвататься за косяк. Зефиры запрыгали у нас под ногами. Я приналег и выставил его на улицу. Уже брезжил утренний сумеречный свет. Я подтолкнул его на горку к дыре в заборе. Уже держась за доски, обернулся он ко мне и помахал кулаком. Однако вывалился все же на ту сторону, поднялся и, широко раскачиваясь, пошел прочь.

А зефиры я небрежливо подобрал. В кратком поединке мы притоптали

лишь две штуки. Перед тем как сдать дежурство, пил традиционный утренний чай.

Сейчас, по дороге, и рассказал кратко Стасу ночную историю.

– Были, – говорю, – в старину такие постоянные дворы, где проезжих отогревали, спаивали да убивали. Но я ж не похож на ушкуйника, чем я подозрение у него заронил? Или у него какой-то древний страх, или сам такой плут?

Стас посмеялся, но выразил принципиальное несогласие:

– Все-таки давай смотреть без гнева и пристрастия. Народ доведен до скотского состояния. Унижен и обманут. Платят ему гроши за то, что горбится с утра до вечера. Но уж эти заработанные гроши не трожь! Так и этот мужик, видимо, вырвал с боем свое кровное и всё мнится ему, что хотят отнять. Видишь, даже алкоголь не берет, не снимает напряжения.

Ясный чистый день, легкий морозец. Мы полезли на крышу, начали отрывать старые доски. Видно было: они свой срок отслужили. Незаметно сваливались сумерки. Вдруг Леонид вогнал топор в балку и громко сказал:

– Всё, хорошо! Вот что, ребята: я под ночь услышал по Би-би-си, что в Нью-Йорке убили Джона Леннона. Так что ж мы, совсем ссучились, что ли? Ну в самом-то деле, пойдём помянем Джона по-людски!

И пришли мы в тесную комнатку Леонида, приткнулись у стола с водкой, поставили фирменную пластинку с яблоком, добытую хозяином на толкучке. И в который раз омывали наши души голоса Леннона и его друзей.

Наутро снова синело зимнее небо. Искрился снег. Мы таскали плахи из-за угла корпуса и складывали так, чтобы автокран смог к ним подобраться и подать наверх. Желтые сосновые плахи на голубом снегу. Какая гармония! Чего еще нужно человеку?

Но, выворачивая очередной раз из-за угла, я сразу отметил отсутствие полушубка. Скинул его какие-то три минуты назад. Остался в свитере. Никого рядом не было. Никто не проходил. Ну это у нас умеют. Чуть не обронил плахи с плеча, но удержал. Мы со Стасом сбросили их к растущему штабелю.

– Полушубок похитили! – заорал я.

На крик подскочил Леонид. Рванули по территории вдоль забора, обшаривая глазами знакомые лазейки, которыми и сами пользовались. Побежали к проходной, чтобы предупредить вахтершу. Предупредили.

Обернувшись, увидели: прямо на нас размашистым свободным шагом идет человек средних лет в пропавшем полушубке. Сверху, правда, синий рабочий халат накинута.

– Так вот он! – радостно воскликнул я, имея в виду полушубок.

Леонид двинулся навстречу мародеру с грозно поднятым кулаком. Тот сбивается с лихого шага, закрывается рукой, кричит, что шутка, мол,

полушубок сдирает. Но Леонид, не останавливаясь, приложился к медной роже похитителя. Человек кувыркнулся в снег, справился, наконец, с полушубком и растворился на территории пивзавода. Да, мне так ловко не сумеет никогда. Что ж, Леонид уж точно не чета нам со Стасом.

Взял я свою одежду, отряхнул. Вышла из проходной тетя Маша.

– Ну что, ребята, жаловаться будете? Это уж он не впервой фокусы устраивает. Сколько раз предупреждали. Сейчас точно попрут. Дельный был механик да совсем спился. Сам-то ладно. Жену жалко, хорошая баба.

Стас посмотрел на меня, дескать, что делать будем.

– Да ну его к черту! – сказал я.

Марья Петровна успокоенно качнула головой и отправилась на пост.

И сейчас, после наказания похитителя, задаю Стасу вполне неразрешимый вопрос:

– А знаешь, кто это был?

– Ханыга, – отвечает находчивый Стас.

– Это мой полуночный гость. И похоже, он меня не узнал.

– Что ж, всяко бывает, – говорит Стас, а сам хитровато щурится: – А может, ему стыдно стало?

ЖЕНЩИНЫ 1970-е – 1980-е

* * *

Михаил легко сжимал её колено. Он даже отвлекался от того, что происходило на экране. По тем временам это была большая степень доверия. Они гуляли, целовались, беседовали.

Милая первокурсница, будущий биолог, жила не в общежитии и как-то пригласила его в воскресенье домой на чай. Сказала: мама с нами посидит. Он, преодолев робость, пришел. В двухкомнатной хрущевке встретился с мамой Юли и ее старшим братом, который доучивался на инженера-строителя. Сидели они в комнате за прибранным столом. И цветы его поставили в красивую вазу. Пили чай с тортом. И, рассказывая о чем-то, брат завернул матом раз и другой. Мише жар в лицо бросился. На первой нецензурщине он ушам не поверил, но вторую точно услышал. Материться при маме – это было выше его понимания. Но мать и сестра как будто этого не замечали. И видно было, что они все трое друг друга любят. И забавно, что брат не сыпал матами, больше их в разговоре не было. Но Мише было достаточно. Мерзкое словцо он, конечно, не раз слышал, но числил в лексиконе чужих для него людей. Там оно употребимо, пусть там и остаётся. И вдруг оно здесь.

И как обломало его с этой Юлей, всякую ерунду приплел, наврал с три короба и свел их встречи на нет. Всё это было до встречи с Аней.

* * *

А эта история произошла на другое лето после гибели Анны. Почти год прошел, а Миша так и не оклемался. Он сдал две сессии и довольно прилично, был вполне вменяем. По крайней мере, окружающие воспринимали его как человека адекватного. И только пронизательная тетя, его любимая с детства сестра отца, видела, конечно, глубже. Она собралась в гости в своей старой подруге, с которой не встречалась два десятка лет. Она пожаловалась на свою беспомощность в дорожных делах и уговорила Мишу сопроводить её в пути. Они поехали в далекую донскую станицу (подруга с мужем перебрались на его родину). Ехать нужно было с пересадкой в Москве, потом еще более суток. В этом долгом пути Миша и вправду как-то рассеялся. Встретили их так сердечно, что нельзя было не откликнуться и не оттаять душой. Через неделю он собрался домой. Тетю оставили гостить, обещали проводить до столицы и посадить на прямой поезд.

В Москве Михаил пересел на поезд до Сибири и вдруг почувствовал, как снова охватило его отпустившее на время чувство невозвратимой утраты.

Посадка шла ночью, проводница открыла купе. Потом принесла постель, села напротив, взяла билет.

– До Томска. Значит, с нами до Тайги, – сказала она. Поезд шел куда-то в Иркутск или Красноярск. – Домой возвращаетесь?

Миша уныло сказал, что домой.

– Может, чаю выпьете? Я принесу.

Принесла и села напротив.

В том быстро пробегающем свете от редких придорожных фонарей нельзя было хорошо рассмотреть ее. Да и не хотелось. Впрочем, Миша увидел, что она не молода, но вполне, что называется, сохранилась.

– Что-то случилось?

И теперь он отметил еще, что у нее хороший голос. И вдруг рассказал, что с ним произошло.

– Да ведь это со многими бывает, – сказала она. – Я сама, знаете, давно ли такое пережила. Мужа своего страшно любила. И он ведь по любви меня замуж взял. А потом, года через три, начал изменять, да как нарочно так, чтобы я об этом узнавала. Мучилась я долго, сына жалела. Но понимала, что и мальчику от этого только хуже. Я сказала, что уйду, терпеть не буду. И тут на больших маневрах он погиб. Он у меня офицер был, мужчина красивый, крутой, жесткий. Боже мой, как я убивалась, решила, что сглазила его. Места себе не находила.

– Нет, слушайте, наши истории совсем не похожи, – не согласился Миша. – Что-то тут не так.

– Может быть, – уступила и она. – Только в итоге мы остались одни. Да вы

знаете, жизнь-то не кончается. Я вот встретила человека, такого хорошего человека, что прямо не верится. И они с сыном меня сейчас ждут. Я ведь тоже к дому еду. Все наладится, все у тебя будет хорошо.

Так, переходя с «вы» на «ты», успокаивала его ночная собеседница. Пожелала спокойной ночи, сказала, что вагон полупустой, что постарается к нему никого не подселать.

Проснулся он в утреннем свете. Вскоре в дверь постучали. Проводница спросила, не принести ли чаю.

– Ну вот, сегодня вы уже много лучше выглядите, – уверила она.

Теперь Миша видел, что она просто красива. И правильные черты лица – совсем не главное. Во взгляде этой женщины были и доброта, и достоинство.

И весь день при всякой свободной минуте они разговаривали на разные темы. И такое успокоение от нее исходило, что Михаил стал уже замечать пейзажи за окном. А спутники по вагону косились и подмигивали ему, подозревая успешный флирт. Но вот в сумерках возникла во многих огнях и множестве путей знаменитая сибирская станция Тайга.

Миша спустился по ступенькам на пыльный асфальт. Она уже стояла на перроне.

– Ну счастливо вам, – протянула ему руку.

– Спасибо, так жаль, что нам не по пути, – сказал он. Кто бы знал, как не хотелось с ней расставаться.

* * *

– Защищайся! – азартно кричала Надежда, припрыгивая, как рефери на ринге. Но Мише образ поединка был совсем не близок. Он не понимал, что происходит. И потому соперник удачно проломил ему нос. Миша подставил ладонь, собирая кровь. Он стоял в полном недоумении.

– Ты что тут делаешь? Чего тебе надо? Это моя жена!

– Бывшая, Володя, бывшая! – вскрикивала она, будто подзадоривая совершившего вторжение в комнату.

Ну да, дверь была не заперта. Да и с чего бы? Вот он и вошёл. И тут же преобразился, увидев Мишу, и с разлета вмазал ему по носу.

И чего этот придурок размахался на него, как на какого-нибудь дешёвого соблазителя, нарушившего благополучие семьи? Видно, он толковал её уход как внезапное помрачение, какой-то временный заскок. Она увидит, как он предан, она одумается. Так, что ли?

– Чего ты стоишь? Пошел отсюда!

Визгливый высокий голос был в противоречии с его статью. Коренастый, среднего роста, с аккуратной бородой и яростно сверкающими глазами, он и вправду был хорош.

Миша еще подумал, не стряхнуть ли на его светлую куртку ладонь крови для полного эффекта. Тогда бы муж, явившийся для выяснения отношений, стал бы совсем живописен. Но Миша отказался от такого вполне театрального

эффекта, да и, как он потом вспоминал, пожалел куртку. Он просто вышел из комнаты, прошел в конец коридора, там были мужской туалет и умывальник...

Они познакомились вчера на художественной выставке. Приятельница Миши подвела к нему красивую девушку с падающей на лоб чёлкой. Кажется, эта стрижка называется каре. И она была Наде к лицу. Так звали новую знакомую Миши. Они поболтали совсем немного, чтобы не мешать выступавшим на открытии.

– А приходите ко мне в гости, – пригласила Надя. – Когда? Да прямо завтра.

Пришёл. В рабочем общежитии в комнате на втором этаже она проживала одна. И это удивило Мишу – такую жилплощадь выделяли обычно на двоих. Не успели они присесть к столу с чаем, как ворвался этот неожиданный муж...

Миша шёл домой, трогая похрустывающий нос.

Назавтра под вечер он надумал все-таки пойти к ней. Зачем? Объяснить своё немужественное поведение? Просто объясниться.

На входе его придержала пожилая вахтерша:

– А вы куда? На второй? К этой самой Надежде? Да нету ее уже, вчера съехала.

– То есть как? – опешил Миша.

– Да вот так: муж забрал. Вежливый такой, благодарил, что приютили. Приютили! Меня попросила Маня из профкома, а ее – дочка. Посели, говорит, на недельку, она мужа проучить хочет. Прошмантовка! У них и сыну пятый год. Проучить!

– Спасибо, я понял, – попрощался Миша. Она еще что-то договаривала вслед.

* * *

Знакомый Миши вузовский преподаватель говорил, как удобна и необременительна связь с замужней женщиной, которая не любит своего мужа. Такая дама объясняет свои измены тем, что ещё не встретила достойного человека. А пока она в поиске, в ожидании перемен, продолжается и нормальная супружеская жизнь с исполнением всех ритуалов – один ребенок, второй...

Но как исправно спать с нелюбимым? Не год, не два – больше. Боже мой! Это не укладывалось в голове наивного идеалиста.

Однажды на дружеской вечеринке он явно перебрал. Его уложили в детской, а своего сына друга Миши забрали к себе в комнату. Ночью его пробудила веселая подруга хозяйки квартиры. Он достойно разделил неукротимость случайной любовницы. А утром, приоткрыв дверь, увидел ее. Она мило помахала ему рукой, сидя у тумбочки, продолжая говорить по телефону:

– Ну и заночевала у Люды от греха подальше. Там уж полная ночь была, такси не дозовешься. Нет-нет, всё в порядке. Сейчас буду.

Она упорхнула. Хозяева удержали его пить чай. Он чувствовал, как с каждым глотком приходит оздоровление. Однако как-то неловко было смотреть на друзей. И Люда сказала:

– Она уверяет, что ищет что-то настоящее. Чем-то ты ей понравился. А я помаленьку буду ее отваживать от дома. Не хочу быть сподвижницей в ее поисках. Пусть без меня разбираются.

* * *

Миша был уже не молод. Он видел, как сходятся мужчина и женщина, как расстаются. Иногда он просто понять не мог, почему вдруг распался тот или другой союз. Так, казалось ему, были близки эти люди. Но если это случалось, то расходились, объяснившись, даже сохранив приятельство. Существовал некий нормальный уровень человеческих отношений. Там были страсти, переживания, отчаяние, вспышки ярости, но было там и понимание, и прощение.

Встречал он и женщин, которые уходили не к кому-то другому, а просто от нелюбимого. Вот с такой он и встретился и сроднился на всю последующую жизнь.

Она работала методистом в городской библиотечной системе. Михаил заглядывал туда к товарищу, тот показывал ему новые книги, потом они вместе отправлялись выпить чашку кофе в стекляшке-кафе за углом и поболтать. С нею они в служебных стенах встречались. Он говорил обычные комплименты её свежему виду или новой кофточке. Товарищ однажды сказал ему: «Однако, как мне кажется, она к тебе равнодушна». И как-то она у них спросила: «А можно мне с вами?». Ясно, они взяли её с собой. После кафе она сказала свободной. Ещё догорал летний день, они погуляли немного, потом она согласилась выпить чайку в его «однёшке». И осталась у него на всю ночь. Их потянуло друг к другу.

Ему нравилось её долгое тело, длинные волосы, крепкие крупные груди. Она рассказала, что была замужем, но скоро поняла, что они разные люди и настояла на разводе. Вот уже больше года живет с родителями в пригородном поселке. Как-то естественно с его стороны было предложить ей перебраться к нему. Она переехала. Образовалась, как говорится, новая семья. И тут он увидел, что не успел пережить пору влюбленности, привязаться душевно, узнать вкусы, пристрастия, привычки, капризы – особенности характера. Но разве у него одного так случилось? Ничуть не бывало. Слава богу, с годами оказалось, что многое им одинаково близко, на многое они смотрят очень похоже и музыка ей нравится та же, что ему.

Так что всё устоялось. И ровными были их отношения и скучали они друг по другу, если расставались по работе на день-другой, и детей родили по любви. И только тот холодок, тот чистый сквозняк, который когда-то давно продувал его душу, не повторился.

МНОГООБРАЗИЕ ЛЮДЕЙ
(1970-е – 1980-е)

Леонид входит с мороза бодро, напористо, сверкая своими заууженными, острыми глазами:

– Здорово, воробей!

Так же бодро, не ожидая возражений:

– Не обиделся, что позавчера не позвал? Там такая компания собралась, что ты был бы лишним.

«Ну а сейчас какого черта», – думает Михаил. Но ничего не говорит.

Так же энергично гость проходит в комнату, садится на стул.

– Ну-ка, заведи нам что-нибудь.

И, когда Миша достает пластинку, восклицает:

– Ах ты, прохиндей! Откуда это у тебя, где таил?!

И Миша, необъяснимо подвластный этому напору, лепечет:

– Было дело... Как-то купил... Понимаешь?

Как будто кто велел ему отчет держать. И ничего не может с собой поделать.

Налил ему чай, предложил хлеб с маслом.

– А вот и не буду. Нет, чай давай, а масло не буду.

Катастрофически рушится настроение. А он, поставив пустую чашку, поднимается:

– Ладно, поехали, природу поглядим.

Ничего не придумал Миша лучше, чем ответить:

– Да я тебе только помешаю.

(Боже мой, да почему не сказать, что это он – он! – портит ему день, травит душу!).

– Брось ерунду городить. Ну ладно, как хочешь. Бывай.

Жизнь в нем играет, он идет к дверям, покачиваясь от её избытка.

«Вот так, – думает Миша. – А ты остаешься, униженный непонятно чем, впрочем, почти понятно – своей слабостью».

А ведь так хотелось Михаилу, чтобы этот человек стал ему другом. Леонид возник в его жизни в зимние дни калыма на пивзаводе. Миша даже с восторгом изобразил его в своем рассказе (были у него такие попытки прозы).

Неумение отстоять себя кулаками – Мишина беда с раннего детства. Был не хлипче других. Любил плавать, прочитал про атлетизм (наш советский культуризм) и стал тягать колесную пару вагона для узкоколейки (похитили с одноклассником со двора леспромхозовского депо). Но вот установку из шутовой песни Высоцкого «Бить человека по лицу я с детства не могу» воспринимал вполне серьезно.

С годами взросления и товарищи у него подбирались соответственно такие же миролюбивые. Не приходило в голову разрешать споры кулаками. И вот там, на пивзаводе, появился в его жизни совсем другой человек. Врач по образованию, он интересовался многим, скажем, практической йогой, читал: и не только Кастаньеду про Дона Хуана, но и классику знал.

Его крутизна, решительность, резкость вызывали зависть Михаила. Однако это и мешало им сблизиться. Михаил слышал расхожую фразу про то, что противоположности сходятся, но тут она не работала. Михаил чувствовал, что он странным образом попадает под власть своего товарища. Речь не шла о каком-то подчинении. Просто в характере Леонида не было привычной Мише мягкости, не возникало желания посоветоваться или в чем-то усомниться. И эта неколебимая определенность, вызывавшая поначалу зависть, стала порой, да и всё чаще, угнетать. Михаил начал его как-то сторониться, но и редкие встречи выматывали.

Нет, ей-богу, так непросто найти близкого человека во всем многообразии людей. Миша наблюдал, приглядывался. Иногда человек отсеивался сразу, оставаясь просто на уровне будничного общения. Валентин Петрович, сосед, всегда готовый помочь словом и делом, как-то заговорил о чтении. На стеллажах Миши не обнаружил книг определенного рода и стал выговаривать:

– Что-то не то у тебя здесь. Всё это выдуманное. Я вот мемуары читаю. В основном, военные.

И попытку Миши возразить сразу отразил:

– Да понял я тебя. Я к такой литературе давно интерес потерял. Вот мемуары – то, что на самом деле было. Вот фотографии, документы, фамилии, то-то и то-то.

Газетная работа тоже во множестве поставляла людей и впечатлений. В одном НИИ замдиректора представил ему молодого и перспективного ученого.

Тот оказался хрупким, застенчивым молодым человеком, чуть ли не ровесником Михаила. Постепенно раскрепостился:

– Есть такое свойство материала – память формы. И это перспективная работа, часть темы закрыта. «Оборонка», – подмигнул он.

– Давайте об открытой, – попросил Михаил. Молодой ученый говорил увлеченно, интересно и понятно. Закончил. Теперь он вертел в руке свои очки. Миша видел, что ему хочется обратить на них внимание.

– Красивые очки, – сказал он.

– «Макнамара», – оживился собеседник. – Не знаете, что такое «Макнамара»? Ха-ха. Марка этих самых очков. Стекло от Цейса, оправка итальянская, производство Штатов. За пять червонцев можно взять. Чего только не встретишь на нашем «толчке»! Не бываете там? Да что вы! Там что хочешь можно отыскать.

И пошло перечисление джинсов, рубашек, другого тряпья, башмаков, шампуней и широкого галантерейного набора.

Миша тогда подумал, как же замечательно может сочетаться, казалось бы, несочетаемое.

И газета подарила ему друга. Задание: опять молодой ученый. И к тому же в родном университете. Миша переступил порог одного из полуподвальных кабинетов. Навстречу ему из-за стола поднялся человек, смуглый лицом, в клетчатой рубахе. И Миша, пожимая руку, уверенно сказал:

– А ведь мы, кажется, знакомы.

Глаза встречающего живо блеснули:

– Ну да, конечно.

Хозяин кабинета был тем самым студентом-историком, с которым Мишу свели знающие ребята. Именно тот парень и дал ему прекрасного качества записи битлов, которые Миша использовал на классном часе.

Сейчас область его научных интересов – духовная культура коренных народов Сибири. Он уже был участником нескольких экспедиций и автором книги об урало-алтайской мифологии. Они сразу заговорили на «ты», и Андрей несколько раз с юмором разрушил газетные стандарты.

– Ты, конечно, еще в студенческие годы потянулся к науке? – спросил Миша.

– Да что ты! Всякие конференции с докладами я за версту обегал.

– Но ведь пришел ты в конце концов в науку. Как?

– А вот как. Систематизировали, описывали коллекции музея археологии и этнографии. Там обнаружили несколько ламаистских икон. Никто ни бум-бум. Предложили мне съездить в Улан-Удэ, повстречаться со специалистами. И знаешь, кто мне в Улан-Удэ помог описать иконы? Самый настоящий лама. Экзотика!

– И ты полюбил этнографию на всю жизнь? – выворачивал на свою дорогу Миша.

– Она довольно быстро мне надоела в традиционных формах. Вся эта доскональность, дотошность, хотя и нужна, но терпима лишь до какого-то предела. А в исследовании и реконструкции мифопоэтического сознания (чем я последние годы занимаюсь) просто необходима раскованность, право автора даже на фантазию. А я из тех, кто доверяет интуиции. Я думаю, что без этого невозможно, неинтересно, скучно.

Он просто пленил, покориł Михаила. Тот и не задавал привычных вопросов, не желая проколоться, только просил рассказывать еще. Они засиделись.

– Слушай, я сейчас в буфет сгоняю за булочками, а ты чай завари, – сказал Андрей и включил кофеварку. Добрались и до битлов.

– Ты знаешь, – признался Миша, – я их врубаю, и действует как противоядие от всякой пошлости.

– Как вспомню, чего нас пытались лишить – кровь стынет, – подтвердил Андрей. – Я ведь и английский «выучил только за то, что им разговаривал Леннон».

Интервью с молодым ученым было признано «материалом месяца», а дружба их продлилась многие годы. Как-то сразу они установились, эти отношения равенства, самостоятельности, полного взаимного доверия. Андрей стал профессором, продолжал ездить в экспедиции и писать книги. Он умер внезапно, почти завершив лекцию. Качнулся, как будто его кто-то толкнул, стал оседать на пол.

– Спокойно, ребята, без суеты, – сказал он бросившимся к нему. – Всё не так страшно.

КАПИТАН

1988

Была в 1970-х такая традиция: после вуза выхватывали из выпускников несколько человек и кидали в армию. Конечно, в офицерских чинах, в роли политруков, но все равно подневольных. И вот так откочевал не по своей воле в Заполярье Володя по студенческому прозвищу Князь.

Встретились они через десять лет с давним другом Михаилом, который заслужил у сокурсников уважительное прозвище Маэстро. Пришли в бар «Осень», отыскивали свободный столик, взяли красного вина и бутерброды. Выпили, подняв тост «С возвращением!»

Володя заговорил, волнуясь:

– Понимаешь, я много лет рвался в наш город. Мне так хотелось почувствовать, сохранилась ли та атмосфера, в которой прожил пять лет. Брожу по улицам, стою возле университета, возле общежития и не пойму – она ушла или мне это только кажется?

Маэстро отвечал, отзываясь на его открытость:

– Мне тоже кажется, что ушла. Мы ведь сами её создавали. Город делали мы, как я когда-то черкнул в тетради.

– Ну так и ладно, – сказал Володя. – Но поначалу годы в Заполярье мне помогала коротать вера в то, что «где-то есть город, тихий как сон». Помнишь такую песенку?

– Ещё бы! Я даже помню, Князь, как мы с тобой сидели у Крамера, выпивали, что-то слушали. И как-то в пику оголтелому западопоклоннику я сказал: «А вот и у нас появляются красивые мелодии». И напел как сумел: «В медленной речке вода как стекло». А Крамер засмеялся, сменил катушку на своей «Комете», чуть прокрутил, и пошла эта вещичка по-английски. Два брата, забыл по именам. Я, помню, смутился, но не отступил. «Послушайте, – говорю, – какие там хорошие стихи и как классно поет наша Эдита Пьеха». На том и поладили.

– Там, в нашей воинской части, собралось процентов семьдесят таких, как я – из Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Нас скрепляло это недавнее студенче-

ство. И я верил, что он где-то сохранился, этот дух, что он есть, а если не так, то грустно. Или смешно?

– Нет, не смешно, – уверенно говорил Маэстро. – Мы будем хранить его. Мы же никуда не делись – ты, я, Крамер. Пусть Крамер далеко на юге России, пусть ты укрепился на своем Севере. Будем жить в новых обстоятельствах, сохраняя старое неразменное.

– Не так пафосно, старик, – сказал Князь, и они снова выпили.

– Как ты там, чем занимаешься? – спросил Маэстро.

– Я, друг мой, там влюбился в девушку, дочь нашего майора. Когда вышел мой срок, снял погоны и определился в ту школу, где она работала. Теперь я ее по службе обошел, я директор этой школы. А она родила мне девчонок-двойняшек. Вот так как-то. А ты? Моя тетка сразу на тебя вывела, читает твои описки.

– Ну да, обжился в газете. Поначалу рутина угнетала, потом научился ее не замечать. Зато столько людей интересных повстречал. Живу за городом, в родительском доме жены. Сын подрастает, дошкольник еще. Тесновато, зато простор во дворе, воздух сосновый. Автобус, правда, иногда подводит.

– Купи машину, – посоветовал Князь.

– Спасибо, так и сделаю, – засмеялся Маэстро.

На свободные места рядом с ними попросились пожилой военный со спутницей, симпатичной молодой дамой.

– Да, – вдруг заговорил седой сосед, укрепляя в мундштуке сигарету, – вот я лётчик, штурман, в звании капитана. Как бы вы на это посмотрели, когда я молодой, только что окончивший лётную школу – разбился? Разбился! Я иду по аэродрому с палкой, вижу, как взлетают машины, а я знаю, что никогда, никогда...

– Валера, перестань, – говорила ему спутница, и, обращаясь к друзьям, виновато: – Ну вот опять, как выпьет, так и пойдёт. Он ведь не старый совсем, мой Валера. Ему тридцать шесть, он седой, потому таким пожилым кажется.

– Замолчи, Вера, когда я говорю! – взорвался капитан и посмотрел на сокурсников долгим испытующим взглядом. – Я теперь математик чистой воды и могу всерьёз задуматься, что такое нуль, зачем он. Умные французы этого как-то не угадали.

Друзья молчали и тянули своё красное.

– Пойдём к дочери, – сказала Вера.

Он замотал головой, потом закурил.

– Возьмём ещё сто, Валера, – сказала Вера.

Она высыпала в ладонь Маэстро мелочи серебром, и он принёс водки.

– Вот вы тут говорите о своём, о сокровенном, – резко заговорил Валера. – Не место это, не место!

Володя и Михаил молчали. Они допивали своё вино.

– Сразу после того, как позвоночник мой раскололся, меня поставили дис-

петчером. Вот я смотрю, как поднимается самолёт. Я нажимаю кнопку, я записываю номер, а он отрывается от земли... У вас, конечно, спичек нет?

Он пошёл спросить спички. Вера сказала:

– У него шрамы, большие, страшные.

Он вернулся, выпил рюмку, курил, прошлое не отпускало.

– Пойдём, Валера, нас дочка ждёт.

И пояснила новым знакомым:

– Дочке уже пятнадцать. Такая красивая и такая капризная.

Капитан как будто разглядел в Князе недавнего военного, протянул ему пять рублей:

– Возьми водки.

Барменша за стойкой мягко, но отрицательно покачала головой.

– Ему хватит, – сказала она почти ласково. – Я их знаю, они тут бывают. Это его норма.

Князь вернул капитану пятёрку. Они уходили. Вера пожала друзьям руки, капитан тоже пожал и неторопливо взял под козырёк.

– Ну вот видишь, какие тут дела, – сказал Маэстро Князю. – А уж мы-то как-нибудь сохранимся, не пропадем.

ПУФИК

2020

Михаил Васильевич тихо сходил под горку жизни. Да, некоторая усталость была – и физическая, и моральная. Но голова соображала, руки вполне держали лопату и топор. Несколько лет назад проводили его с почётом на пенсию из городской газеты. Стала прямо-таки родной за четверть века. Правда, товарищи-газетчики не заходили. Поздравляли по телефону, дежурно интересовались здоровьем. И он тем же отвечал.

Нынешний телефон у Михаила Васильевича был, как говорили в его запредельные годы, знатный. Сын Сергей подарил на семидесятилетие. По нему можно было не только говорить, можно было получать и смотреть фотографии, в которых отражалась жизнь Сергея: праздники в его доме, виды городов, где он бывал в командировках. Часть лета (и немалую) семья сына проводила здесь, в деревенском доме, где Сергей вырос, откуда наладился в город, в институт и дальше – в самостоятельную жизнь.

Здесь же выросла и дочь, младшая сестра Сергея. Но с дочерью у Михаила Васильевича понимания не было, и с женой на старости лет ссориться стал не на шутку: то молчанием ее на сутки наказывал, то наоборот, кричал. И дочь увезла ее к себе, далеко – в Россию, в город у реки Волги. И непонятно, как надолго.

Соседке, с которой граничили огородом, Михаил Васильевич сказал, понятно, что жена уехала в гости. Соседка эта, Татьяна, была на два года старше

его сына. Она уже похоронила отца и мать, жила в родительском доме. Муж ее оказался деятельным и рукастым: срубил новую баню, соорудил большую теплицу. А к дому пристроил веранду, причем, вознес застекленную часть высоко, это был чуть ли не второй этаж. Завидовать такой красоте Михаилу Васильевичу было поздно, но смотрел он на это сооружение вполне уважительно.

Муж Татьяны был квалифицированным сантехником, и эта профессия оказалась очень востребованной. И в городе, где новороссы перепланировали старые квартиры и в поселке, где они отстраивали особняки, обнося их высокими кирпичными заборами. И однажды при встрече с Татьяной Михаил Васильевич сказал:

– Так вы, Таня, можете и за границу прокатиться, в Европу, куда-нибудь во Францию, Италию...

Это была его давняя мечта, к сегодняшнему дню перегоревшая. Некоторые его ровесники в былые годы съездили в одну из стран народной демократии, но и на такую поездку у него не хватало денег. Ровесники просто лучше устроились. Но вот как-то получил он премию за лучший очерк, и как раз формировалась из газетчиков группа в Венгрию. Льготные путевки. Сообщил жене, и она вдруг благословила: «Поезжай». А вскоре позвал редактор в свой кабинет и, виновато покачивая головой, сказал:

– Слушай, тебе отказано. Я полагаю, это та история с тамиздатом. Помнишь?

Еще бы не помнить. От профессионального калымщика Стаса Миша получал на прочтение фотокопии книг, изданных за рубежом. Политики там не было. Были романы Владимира Набокова, «Собачье сердце» Михаила Булгакова, «Чевенгур» и «Котлован» Андрея Платонова. Ясно, что Миша был из самых эпизодических читателей. Но, видимо, отследили весь круг. И вызванный в кабинет КГБ Михаил написал свою объяснительную, где не признал в прочитанной литературе никакой антисоветчины и объяснял, что он, филолог, имеет право читать книги классиков двадцатого века. История эта не имела серьезной огласки. Но калымщик Стас после этого свалил из города. Редактору было предложено провести с Мишей воспитательную беседу, что он и проделал. Жизнь без последствий пошла дальше. Но вот случились-таки отсроченные последствия...

Вскоре пришли другие времена. Но теперь – в пору свободных границ – у Михаила были серьезные семейные заботы. Да с возрастом остыли и мечты о неведомых землях. Однако люди ездили, рассказывали. И вот он Татьяне и посоветовал прокатиться.

Она посмотрела на него удивленно и пояснила:

– А что я там не видела? Раньше можно было что-то привезти. Теперь и у нас это всё есть.

Он кивнул, соглашаясь. Что ж, явно не по адресу обратился. Даже неловко.

Весной впервые за столько лет соседства произошла ссора. Да какая неприятная.

Растаял снег. Михаил Васильевич сгрёб высохшую ботву и траву, сложил в старую продырявленную железную бочку и запалил. Пламя взыграло резво, из бочки вырвался высокий столб белого дыма. Почти восторг пережил старый огнепоклонник. Но как чертик откуда-то вылетела Татьяна: глаза вразбег и горят безумным огнем. Руками потрясает:

– Ты что, охренел?!!

И, сбавляя пыл:

– ... дядя Миша?

Повернулась и быстро-быстро скрылась за глухой дверью в железном заборе. Михаила Васильевича как будто чем-то по затылку шмякнули. Голова загудела. Старый-то старый, а не нарастил толстой защитной шкуры. Грубый наскок, конечно, ошарашил, но больше, как ни забавно, это обращение на «ты», чего сроду не бывало. Еще школьницей заходила с просьбой что-то объяснить, задачку решить. Никогда не замечал он с ее стороны интереса к стоящим на полках книгам, никогда она не спросила, что за музыка играла, когда он с ее приходом выключал проигрыватель. Но с той давней поры нормальная деревенская вежливость сохранялась.

Через какие-то минуты он понял, что же произошло. Сарай скрывал от нее бочку, куда был безопасно упрятан огонь, а у соседей – он знал – было дело: какой-то рьяный гость так раскалил баню, что железная труба зажгла крышу, правда, всё обошлось. Но страх огня остался, а, может, был с детства – у всякого свои фобии. Инцидент исчерпан. Она вечером, приложив руку к сердцу, извинилась, говорила вежливо. Он махнул рукой: не стоит внимания, забудем.

Сына, когда тот приехал, в это дело не посвятил.

Зато у Сергея была небольшая просьба. Его лучший друг сильно разбил машину, как они называли, в хлам. Предполагалось, что распродаст уцелевшие части. Пока надо было где-то пристроить изуродованный автомобиль. Михаил Васильевич показал: ну вот тут и приткните, в проулке, дрова только зимой привезут. Эвакуатор доставил разбитую машину, она и вправду впечатляла: вся морда всмятку, одна передняя дверца как будто изжевана великаном-злодеем. Друг сына обещал, что это совсем ненадолго.

Дня через два идущего из магазина Михаила Васильевича встретила Татьяна, расспросила о происхождении развалины, сочувствовала. Через пару недель и вправду приехали ребята, отвинтили две задние дверцы. Потом дело приостановилось. Ну да бог с ним: никому эта калека не мешает, от соседских ворот далеко.

Но это Михаилу Васильевичу так казалось. Вновь соседка его подкараулила на пути из хлебного киоска. Говорила мягко о том, о сём, справилась о здоровье, так же между делом и о том, как скоро уйдет с зеленого пригорка страшная железная конструкция.

– Тут такая петрушка, дядя Миша, – продолжила она. – Я там на веранде пуфик поставила, чтобы отдыхать. И вид с него как раз на вашу страшную штуковину. Сами понимаете, не очень способствует. Нет, я всё понимаю. Но

нельзя ли их как-то поторопить, а то они расслабились, видно. Сами знаете, не на глазах, так быстро и не волнует.

Вон как, оказывается. Коробит ее эстетическое чувство. Михаил Васильевич просил потерпеть, обещал содействие. Разошлись по домам. И поднимаясь на свое крыльцо, вспоминая разговор, он замотал головой, заулыбался. «Пуфик! То-то и оно, что пуфик. Боже ж ты мой, именно пуфик!».

И вся эта новая жизнь как-то прояснилась в его голове.

ЭПИЛОГ

Тогда, после гибели Анны, Миша думал, что не переживет этого, не знал, как будет жить без нее. Но всё образовалось как-то само собою. И жизнь ему предстояла длинная. Но она была как бы послесловием и, может быть, даже необязательным, к тому главному событию. Он сохранил письмо ее сестры. Сестра знала про Мишу, посылала слова утешения. Она написала, что до Свердловска Аню взялся подкинуть сосед по лестничной площадке на своем мотоцикле, водитель опытный. Ему как раз надо было в город. Никто не может понять, как они не разминулись с лесовозом...

И вот уже близится к финалу то, что казалось ему неким послесловием, а затянулось так надолго.

Михаил Васильевич всегда любил читать. А теперь и это занятие его перестало увлекать и радовать открытием новых имен. Он перечитывал всего несколько книг, и кто бы раньше сказал, что одной из них станет Библия. А вот пожалуйста. Иногда он останавливался, откладывал книгу и повторял про себя только что прочитанное: «И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем...»

И подумалось ему, что многие прочитанные книги почти никак не сгодились ему в жизни. А вот этот Экклезиаст, говорящий о бессмыслице всего сущего, как-то примиряет его с тем, что его не будет, а мир и другие люди продолжатся без него.

Что он оставит после себя? Дети – это само собой. Какие-то свои истории, записанные на бумагу. Ему хотелось вспоминать, ему казалось, что каждое свидетельство пригодится, из их множества сложится картина времени.

Что-то он откладывал на старость: якобы потом отступит суетность, мысль просветлеет, вспомнится что-то важное. И вот уже ничего не отложить на потом. Теперь нужно жить (или доживать) так, как будто ты все-таки в ладах с тем, к чему пришел. В молодости мысли о смерти, о краткосрочности нашего пребывания на земле как будто помогают определить цель и успеть ее достигнуть. Сегодня уже стоит сказать в утешение себе: никакая цель не дороже самой жизни.

Нет, Михаил Васильевич не дал угнездиться в душе ощущению бессмыслицы. Слава богу, жизнь вокруг радует самыми привычными проявлениями: птичьим посвистом, дождем, солнцем, ветром, мягким пушистым снегом и даже злой метелью, Моцартом и Шубертом со старых виниловых пластинок.

Ведь правда же: столько еще в окружающем мире достойного любви, сопереживания, даже – в меру сил – восторга.

2021

Вениамин КОЛЫХАЛОВ**ОЧИЩЕНИЕ****ОТВЕТ ПРИМАДОННЕ**

*Были холопами, стали рабами.
А. Пугачёва*

Я – Раб.
Но гордый Раб России,
А не царей и не чинов.
Я – раб лесов, прогретой сини.
Я – раб цветов, и снов, и слов.
Стою коленопреклоненный
Перед ромашкой поутру.
С великой рабостью смиренной,
С великой радостью умру...

СЕРГИЮ РАДОНЕЖСКОМУ

1
Я – патриот, но без ура.
Ура давно в России нету.
Гуляет смутная пора
По нашему по белу свету.

О Сергей, Сергей!
Знал бы ты,
Что воля родины распята.
Растут могильные кресты.
И всюду – жертвенная плата.

2
Душеспасительных речей
По городам и весям много.
Так много было палачей.
Так наша родина убога.

И за убогость эту ей
Летят заморские подачки.
И не хватает нам мужей
Поднять страну из тяжкой спячки.

3
О Сергей, Сергей,
Почему
Не всколыхнётся люд от страха?!
Оковы почему – уму?!
И нашим праведникам – плаха?!

Ты духом сильным огради
От сатанистов рукотворных.
И по дорогам впереди
Пошли благих и непокорных.

4
Толпа – она и есть толпа.
Ей гений зла и нынче нужен.
Она глуха. Она слепа.
Весь мир до колбасы заужен.

Я не один уже постиг
Весь ужас, веком отведённый.
Землетрясенья – нервный тик
Земли, до ручки доведённой.

5
О Сергей, Сергей!
Дух ослаб,
Но не в тебе – в моём народе.
И множество поганых лап
По мнимой пронеслись свободе.

Вдохни в нас дух святой, вдохни,
Пока ещё исход не рядом.
Пока ещё остались дни
Под чистым и охранным взглядом...

* * *

Лечу, лечу в погоню за рублём.
За призраком угнаться невозможно.
Мой добрый конь, подумаем вдвоём
И обогнём болото осторожно.

Нас не заманит жиденская гать
И хилая болезненная травка.

Умеют упыри вилять и лгать,
Но против них припасена булавка.

Вампиры много одолели школ,
Но колдовство враждебное ветшает.
Не знают, что булавоочный укол
Их тайны гробовые разрушает.

Пока горит финансовый сыр-бор
И всё в границах призрачно и шатко –
Не заведу в валютный коридор
Тебя, вернокопытная лошадка.

Мы убежим подальше от Кремля,
Туда, где не разлиты кровь и вина,
Где русская надёжная земля
Ещё чиста, младенчески невинна.

Тебя, мой конь, стреножить не хочу.
У нас давно стреножены народы.
За призрачным рублём лечу, лечу –
Из-под копыт со звоном –
годы... годы...

ПУТЬ КРЕСТНЫЙ

Растянута российская верста.
Колосья ржи цепляются за дроги.
Смиренно повторить судьбу Христа
Пророчит сытый ворон у дороги.

Холмы. Безлесье. Чахлый пыльный хлеб.
Гнетёт природу жуткое коварство...
И видится бездеятельный серп,
Висящий на эмблеме государства.

Давно России выкололи очи
И кровь поструйно cedят из неё.
Глухие политические ночи
Окутали Отечество моё.

Его стремятся низвести до праха.
Избита, искорёжена судьба.

Проказою в народе чувство страха,
Бурлацкая униженность раба.

Прозрение придёт к стране-слепице.
Она вернёт былые силы, честь.
Сумеет русским духом укрепиться
И за собою грешников повесть.

Наш долгий крестный путь не оборвётся.
Судьбу свою читаем не с листа.
Душа народа нервно содрогнётся
При виде ноши – нового креста.

Вставайте же из тьмы и суесловья!
Глаза откройте синие, как лён.
С природой мы из одного сословья
И с Русью воздух жизни не делён.

Растянута российская верста.
Колосья ржи цепляются за дроги.
Смиренно повторить судьбу Христа
Пророчит сытый ворон у дороги.

* * *

Понять бы нам умом Россию,
Ее царей, её воров
И угасающую силу
Нет, не двора, – её дворов.

С двором московским вроде ясно.
Князьков и клерков дополна.
Там разгорелась, не погасла
Околотронная война.

Отечество, нам видеть больно
Всё полыхающий раздрай.
Для ада жизни места – вольно.
И пяточки, где жизни рай.

Уже и гениев глаголы
Сердца народные не жгут.
Россию с участью Анголы
Года зубасто стерегут.

* * *

У братской могилы
Геройских солдат
Цветы в карауле
Почётном стоят.
Бойцы победили
В смертельной атаке.
Их сон охраняют
Гвоздики и маки.
Над всеми
Высокое небо такое.
И хочется небу
Покоя, покоя.

* * *

Посижу под раскидистой кроной.
Помечтаю в осеннем лесу.
Да с такою берёзой-матроной
Я любые невзгоды снесу.
Не сужу, что умчались другие
За пределы Великой Руси.
Ну а мне не нужна ностальгия
И смещение с русской оси.
Пусть хоть все озвереют пророки
И накаркают гибельный срок.
Я страны роковые уроки
Заучу назубок...

* * *

По-крупному идёт политигра.
Вращается российская рулетка.
Какая надвигается мура?
Какая заалет пятилетка?

Вновь на распутье витязи стоят –
Охранники былой горячей славы.
И силятся понять – чего хотят
Их слабоумные отцы державы.

Давно размыты берега веков.
Обрушились яры тысячелетий.
И тяжесть полуспиленных оков
Заякорила нас на гиблом свете.

Не биомасса мы – народ, народ!
Не войнами – нас миром проверяйте.
И в унавоженный российский огород
Камень зла враждебно не швыряйте.

У нас полно и внутренних врагов,
Их руки вечно в барственном замахе.
Хотят иметь побольше батогов,
Чтоб простолюдые трепетало в страхе.

Дворцовые пируют кореша,
Не замечая близости Голгофы...
Коль прозябает впроголодь душа,
То это пострашнее катастрофы.

По-крупному идёт политигра.
Остановись, российская рулетка.
Свободу поднимают на-гора,
А рядом – приготовленная клетка.

* * *

Не заколдовано, а замордовано
Отечество бесправное моё.
Великими спецями обворовано.
Почуяло поживу вороньё.

Ты посмотри, Россия, что творится?!
Зачем дороги трупами мостить?!
Смогли не в одночасье разориться,
А в разновластье золото спустить.

Нас ваучеры, сучьи пирамиды
Ударили по душам, кошелькам.
И Русь, не сбросив рваные хламиды,
Вновь пущена, как стерва, по рукам.

Мы не народ – электорат забитый.
Кому вверяем горькую судьбу?!
Солюдие, где каждый пятый сытый,
Пойдёт опять на крест и на борьбу.

Не надо нам ни красных и ни белых.
Побыли мы колодой битых карт.
Мы – племена землян неоробелых –
Когда-нибудь ухватим русский фарт.

Под небом вечным, солнечным и милым,
Удастся остудить враждебный зной?
Закончим передел гражданским миром,
Не новою гражданской войной.

* * *

Над Родиной недруг глумился,
Пытался жестоко рассечь.
Как прежде – народ потрудился,
И остановлена течь.

Теперь она чистою кровью
Не может совсем изойти.
Когда же ты силу воловью
Сумеешь опять обрести?

Привыкли смотреть иноземцы
На нас чересчур свысока.
Да, мы – коренные туземцы,
И верим, что Русь – на века.

Звезды нашей свет не потушен.
Родник нашей веры глубок.
Да слышит имеющий уши:
Россия для нации – Бог.

Святынею вечной гордился.
Сумел её в сердце сберечь.
Счастливец, что русским родился
И славлю напевную речь.

Томские писатели поздравляют Вениамина Анисимовича Колыхалова с 85-летием. Желают ему крепкого здоровья и творческих успехов.

Алексей ПОСЕЛЕНОВ

ЗНАКОМСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

На холодильнике стоял небольшой магнитофон, из колонок которого негромко звучал последний концерт «ДДТ». В окно, словно пытаясь пробить стекло, остервенело билась большая чёрная муха. Там, на улице, ярко светило солнце, а в открытую форточку доносились крики мальчишек, гонявших во дворе мяч.

Андрей сидел на табурете, облокотившись на кухонный стол, напротив него сидел его давнишний друг Роман. На столе, на расстеленной газете, лежала горка вяленой рыбьей мелочи, стояла начатая полуторалитровая бутылка пива и две больших стеклянных кружки с янтарным пузырящимся напитком. Больше дома никого не было, родители Андрея с утра уехали на дачу, сказав, что вернутся лишь завтра, то есть в воскресенье, вечером.

– Чего делать-то дальше будешь? – Роман отхлебнул пива и взял очередного окунька.

Андрей неопределённо пожал плечами:

– Не знаю. Разводиться, наверное, будем. Знаешь, Ромыч, если честно, то надоело уже...

– Ирка-то сама молчит?

– Молчит... Да и фиг с ней! Не знаю, поторопился я, наверное, в своё время с женьбой этой. Ведь сразу после армии, можно сказать, на первой встречной и женился. Поманила, а я и уши развесил.

Андрей жил у родителей уже третий месяц. В конце апреля после очередной ссоры с женой он побросал в сумку кое-какую одежду, бритву и, громыхнув напоследок железной дверью, ушёл из съёмной восемнадцатиметровой «гостинки»¹, в которой они жили с Ириной последние два года. Примерно через неделю он ещё раз приходил туда, чтобы забрать оставшиеся вещи. Ирина была дома, но никаких попыток примириться с мужем не делала: молча сидела на диване перед включенным телевизором и листала последний номер журнала «Бурда моден». Андрей тоже был демонстративно холоден и всячески выказывал полное безразличие к супруге. Он не торопясь уложил в дорожную сумку немногочисленные свои рубашки, брюки, футболки, взял несколько магнитофонных и видеокассет, сложил в отдельный пакет обувь и ушёл. С тех пор, уже месяца полтора, они не виделись.

– Сколько вы, четыре года прожили? – спросил Роман, с аппетитом отрывая зубами кусочек рыбы.

Андрей допил пиво из кружки, вытер рукой губы, взялся за бутылку – налить по новой – и кивнул:

– В августе четыре будет, – он криво усмехнулся: – Ну или не будет... Да ты понимаешь, ладно бы первый раз мы с ней так, а то ведь стабильно раз в месяц лаяться стали. Достала уже... То ей денег мало, то шмоток не хватает, то жить негде... Да чего я тебе рассказываю, сам знаешь...

1 «Гостинка» – комната гостиничного типа

Роман кивнул: он, конечно же, был в курсе всех семейных неурядиц своего товарища.

– Да-а... – протянул Андрей, досадливо поморщившись. – Всё равно толку уже не будет, точно разводиться надо.

На этот раз плечами пожал Роман. Он был холостой, и своего опыта супружеской жизни не имел.

– Смотри сам. Ладно хоть детей у вас нет, алименты платить не надо будет.

– Это точно, – согласился Андрей, – хорошо хоть детей нет.

Он снова отхлебнул пива и, вздохнув, откинулся спиной на стену.

– Рыбка классная у тебя получилась, – похвалил Роман закуску, беря чебака. – Самое то к пиву. Долго солил?

– Да солил-то недолго. Чего там – солью пересыпал, денёк полежали, а потом на балкон, под марлю. Мать только ругается, говорит, рыбой воняет, зато батя доволен, – Андрей усмехнулся. – Надо будет ещё сгонять на озёра, потаскать чебачков.

Когда бутылка закончилась, он убрал её под стол и достал из холодильника новую, быстро покрывшуюся в тепле капельками влаги. Аккуратно, наклонив набок и постепенно выпуская газ, отвинтил пробку и разлил пенящийся напиток в кружки:

– Давай, Ромыч, за нас. Чтоб у нас с тобой всё зашибись было.

Стукнувшись кружками, друзья сделали по большому глотку, после чего Андрей встал, взял полотенце и, подойдя к окну, хлестанул по надоевшей мухе.

– Достала уже... – недовольным тоном пробурчал он. Подобрал убитую муху, выкинул её в форточку и снова сел за стол.

Какое-то время молчали, сосредоточенно разделявая рыбёшек и с удовольствием отрывая зубами суховатые солёные кусочки.

– А вот знаешь, хоть и ругались мы с Ирккой, конечно, – поднял глаза на приятеля Андрей, – а всё равно неприятно как-то... Скребёт чего-то там. В душё... Не один год всё-таки вместе прожили.

– Да? – глянул на него Роман. – Ну так, может, и не разводиться пока? Может, помириться ещё?

– Не-е... – поморщился Андрей. – Тут уже всё, ну его в баню...

– Ну тогда найди себе кого-нибудь, – посоветовал Роман. – Чтоб не скребло. Говорят же, клин клином вышибают.

– Ага... Найди... Легко сказать. Найдёшь, а там, может, ещё хуже будет. Знаешь, оно как-то неохота на те же грабли наступать.

– Так ты и не наступай. Я же тебя не в загс агитирую. Я говорю, так – познаться просто, чтоб развеяться. А хочешь, я Светку спрошу, может, у неё на работе девчонка какая-нибудь нормальная есть?

Светка была подругой Романа, с которой он дружил уже пару лет, но оформлять отношения не торопился. Работала она поваром в заводской столовой.

– Да сто пудов, кто-нибудь есть! Давай, я хоть сейчас ей звякну.

– Не, не надо... – с сомнением мотнул головой Андрей.

– А чего? Я ж говорю, жениться тебя никто не заставляет, а так – сходили бы куда-нибудь вчетвером, в кафешку какую-нибудь. Побалдеть, потанцевать...

Андрей скептически скривил губы:

– Да не, Ромыч... Понимаешь, просто не хочется через Светку твою. Вдруг чего не так пойдёт... Знаешь, будут потом трепаться, кости перемывать...

– А-а... Ну как знаешь... Может, ты и прав.

Роман сдвинул в сторону лежавшую перед ним довольно уже большую горку того, что осталось от съеденных рыбёшек. Всмотрелся в открывшуюся газету.

– Во! – широко улыбнулся он. – А давай тебе через газету кого-нибудь найдём!

На том месте, где только что лежали рыбы головы, хребты и чешуя, под заголовком «Знакомства», в несколько колонок были напечатаны соответствующие объявления.

– Да ну... Смеёшься? – усмехнулся в ответ Андрей. – Чего я, совсем убогий, что ли?

– А что там, одни убогие, по-твоему?

– Ну а кто ещё? Кто так себе никого найти не может, вот и дают объявления, а другие такие же пишут им.

– Не знаю... Всякие, наверное, бывают. Я слышал, им там пачками письма шлют, а они потом сидят и выбирают, кто получше. – Роман наклонил голову к газете. – Во, смотри: «Двадцать шесть лет, рост сто семьдесят три сэ-мэ, шатенка, материально самостоятельная. Познакомлюсь с мужчиной двадцать семь тире тридцать пять лет...» Так, ну тут ты не подходишь, тебе же двадцать пять пока?

– Ну да... И про рост, главное, пишет, а про вес нет. А то, может, там тоже сто семьдесят три... Только килò...

Парни захохотали.

– Смотри, вот ещё... – Роман, отставив кружку с пивом в сторону, водил пальцем по газете.

– Да ладно ты, Ромыч, хорош ерундой маяться! Пиво лучше пей.

– Ничё не ерундой! Сейчас найдём тебе подругу жизни, а пиво никуда не денется. – Того, похоже, и впрямь заинтересовали объявления. – Вот, слушай: «Девушка, двадцать пять лет, желает встретить друга жизни». Гм... и всё, ни слова больше. «Абонент сто семнадцать». А цвет волос, рост, вес? Всё при личной встрече? Или вот ещё смотри: «Интересная женщина, блондинка, двадцать шесть лет, хочет познакомиться с интеллигентным мужчиной...» – он поднял глаза на Андрея. – Дюша, ты же интеллигентный?

– А то! – усмехнулся тот.

– Во-от, и я говорю... Значит, подходишь. – Роман снова опустил глаза в газету. – «...материально самостоятельным, ростом не ниже ста семидесяти пяти сэ-мэ. Была замужем, имею сына трёх лет».

– Не-не-не... – замотал головой Андрей. – Ты чего, смерти моей желаешь?

– Да ладно, ладно... Вычёркиваем! Главное, в самом конце про это пишет. А то сначала – блондинка, туда-сюда... Так, дальше поехали: «Мне двадцать восемь, вэ-о²...».

– Не, – сразу перебил Андрей, – с «вэ-о» тоже не надо. У меня-то «вэ-о» нет, будет смотреть сверху вниз, типа, самая умная.

2 – Сокращение «в/о» – высшее образование

– Ладно, с «вэ-о» тоже пропускаем. Вот, слушай! «Средне-специальное медицинское, рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года, без вэ-пэ...».

– Без какого ещё «вэ-пэ»? – не понял Андрей.

– Не какого, а каких – без вредных привычек...

– А-а... понятно...

– «Познакомлюсь с женщиной близкого возраста для серьёзных отношений. Абонент номер сто шесть». А? Как тебе? Средне-специальное медицинское, это медсестра, что ли?

Андрей отхлебнул пива:

– Не знаю, наверно.

– Ну вот... Своя врачиха дома будет.

– Не врачиха, а медсестра.

– Да какая разница? Главное – медичка, вылечит, если что...

– Ага... Поди, страшила какая-нибудь.

– Да почему?! – поднял брови Роман.

– Ромыч, ну ты сам подумай, какая девчонка в двадцать четыре года, да ещё и медсестра, будет объяву в газету о знакомстве подавать? Наверняка на которую никто и не посмотрит.

– Ну не знаю... Может, сильно скромная какая-нибудь. Всякие бывают.

– Да ладно, фиг с ними! – Андрей снова разлил пиво по кружкам. – Давай лучше о чём-нибудь другом поговорим...

– Может, покурим пойдём? – предложил Роман.

– Пошли покурим...

Часа через два Роман ушёл. Андрей отдал ему три пустых «полторашки» из-под пива с просьбой выбросить их в мусорку на улице. Когда стал заворачивать в газету рыбки остатки, чтоб убрать их в мусорное ведро, вдруг остановился. Сдвинув кости и чешую в сторону, нашёл глазами нужное объявление и прочитал вслух:

– Абонент номер сто шесть.

«А может, и вправду попробовать написать? – мелькнула мысль. – Так-то вроде нормально всё: рост сто шестьдесят шесть, двадцать четыре года. Чем чёрт не шутит? Вышибить клин клином». Впрочем, писать было не обязательно, издание было местное, можно было просто зайти в редакцию. Завернув угол газеты, он прочитал на последней странице адрес, глянул на номер. Подумал: «Нет, лучше записать, а то забуду». Выйдя в коридор, взял лежавшую у телефона ручку и написал на листке бумаге: «Абонент 106, «Панорама» № 25 от 16.06.93г».

В редакцию газеты «Панорама» Андрей зашёл уже в понедельник, убежав с работы в обеденный перерыв. Спросив у вахтёра, где находится нужный ему кабинет, он поднялся на третий этаж, подошёл к двери и, вдруг заволновавшись, остановился. «Как там сказать-то правильно?» – сдвинул он брови, взявшись за разболтанную ручку поцарапанной лакированной двери.

Но тут дверь открылась сама, и из кабинета в коридор вышла высокая полная дама.

– Вы к нам? – приветливо улыбнулась она Андрею. – По какому вопросу?

– Да я вот... – смутившись и даже немного покраснев, пробормотал он и

показал бумажку, на которой сделал запись. – Как бы мне... – Андрей заглянул в листок, – найти абонента номер сто шесть.

– А, вы по знакомству? – громко уточнила женщина.

Андрей смутился ещё сильнее, даже, показалось, вспотели ладошки.

– Ну да... – Он переступил с ноги на ногу и сунул бумажку в карман.

– Секундочку... – Женщина снова скрылась за дверью, но буквально через пять секунд вернулась. – Вот, держите бланк. Заполните и отдайте во-он той девушке, – она показала рукой вглубь кабинета. – Вот тут укажите номер интересующего вас абонента, – она ткнула пальцем в серую бумажку, – номер газеты, в которой было объявление, а вот тут ваши данные: телефон, если есть, имя, возраст, образование, ну и так далее...

– А ручка? – глянул на неё Андрей. – У меня ручки нет.

– Ручка? Сейчас... – Снова зайдя в кабинет, женщина вынесла ему авторучку. – Той же девушке потом отдадите. – И она пошла прочь по коридору.

– Хорошо, спасибо, – пробормотал Андрей и отошёл к окну.

Заполнив бланк на подоконнике, он отдал его в кабинет и вышел на улицу. Настроение у него после визита в редакцию почему-то испортилось. «Да ну, ерунда какая-то, знакомства эти газетные... Точно, дурака сваял! Может, вернуться и забрать? – думал он, шагая обратно на работу. Но потом махнул рукой. – Да ладно! Будь что будет! Всё равно, поди, никто не позвонит».

А на следующий день у него и вовсе вся эта история с объявлениями вылетела из головы. И когда мать в четверг вечером заглянула к нему в комнату, сказав: «Андрюша, тебя какая-то дама к телефону просит», он удивился. Сначала подумал – Ирина, но тогда мать так бы и сказала, невестку она узнавала по голосу.

Выйдя в коридор, он взял трубку:

– Алло.

– Здравствуйте, – послышался тонкий голосок. – Это Андрей?

– Да, Андрей. Здравствуйте...

Последовала короткая пауза.

– Это Нина, – представилась звонившая и тут же пояснила: – Хотя вам моё имя, конечно, ни о чём не говорит. Я... помните, вы в газете оставляли свои данные и телефон? Ну... по объявлению. Абонент сто шесть... – голос девушки был тихим и неуверенным.

До Андрея дошло.

– А-а... – растерянно протянул он, – понятно. Я просто... если честно, то не ожидал.

Он вновь почувствовал смущение, как тогда в издательстве, даже сердце заколотилось быстрее.

– Да? А я вот сегодня после работы зашла в газету, и мне там ваш телефон передали, – продолжала Нина. – Я и подумала, может, мы тогда встретимся с вами? – и поспешно добавила: – Если вы не передумали, конечно...

– Да нет, – Андрей растерянно пожал плечами и привалился плечом к дверному косяку, – не передумал. Давайте встретимся. А где и когда?

– Вот смотрите... – девушка заговорила быстрее, словно заторопилась. – Завтра пятница, я весь день на работе буду, а в субботу я свободна. Мы могли бы встретиться часов в одиннадцать.

– Утра? – уточнил Андрей.

– Ну... да...

– Да нет, это рано. Давайте хотя бы часа в два.

– Хорошо, – быстро согласилась Нина, – давайте в два, если вам так удобнее. Андрей, а вы в каком районе живёте?

Он сказал.

– Вот здорово! – обрадовалась девушка. – Оказывается, я живу совсем недалеко от вас. Ой, секундочку... – она вдруг замолчала, в трубке стало тихо.

Андрей стоял и ждал. Через несколько секунд Нина появилась снова:

– Андрей, вы извините, я из автомата звоню, тут уже торопят меня. Андрей, а вы не против, если мы встретимся здесь же, откуда я сейчас вам звоню. Тут телефон-автомат на углу продовольственного магазина, «Колос» называется, вы, наверное, знаете такой... Он тут один. Синий... Я имею в виду автомат...

– Да, да, я знаю где «Колос».

– Андрей, тогда мы договорились? В субботу в два у автомата на углу «Колоса», – скороговоркой подытожила девушка.

– Договорились.

– До свидания, Андрей, я буду вас ждать.

Он положил трубку. Из кухни выглянула мать в заляпанном мукой фартуке.

– Это кто? – с интересом посмотрела она на сына.

– Да так... Не бери в голову, – поморщился тот.

– Знакомая, что ли? – не отставала мать.

– Ой, мам... Никакая не знакомая, так просто... – Андрей махнул рукой и, развернувшись, ушёл к себе в комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Звонок почему-то вывел Андрея из душевного равновесия. Если честно, то он не верил до конца в возможность такого вот знакомства – через газету, и хоть и ходил в редакцию, но относился к этому как к некой игре, забаве. Но сейчас всё приобретало вполне себе реальные черты.

Он пытался отбросить ненужное волнение, убеждал себя, что ничего особенного в предстоящем свидании нет, однако совсем не думать о нём не получалось. Очень уж непривычно всё было.

«А может, не ходить?» – спрашивал себя Андрей. Но мысль о том, что некая, пусть совсем и незнакомая, девушка будет ждать его в условленном месте, а он, пообещав, не придёт, была ему неприятна. «Получится, будто я струсил. Да и вообще – нехорошо как-то, некрасиво будет. Ладно, схожу. Не понравится, так что-нибудь придумаю и смогаюсь по-быстрому, а если нормальная окажется, то можно будет и погулять с ней. Всё равно делать нечего», – с этими мыслями он более-менее и успокоился.

В субботу, собираясь на встречу, Андрей на всякий случай решил одеться получше: погладил широкие светло-бежевые брюки, яркую цветастую рубашку с короткими рукавами, протёр влажной тряпочкой кожаные туфли. Пшикнув пару раз одеколоном на голову, на шею, он вышел из дома.

Погода была хорошая. В небе проплывали редкие облака, лёгкий ветерок сдувал излишнюю жару и приятно освежал голову. «Сегодня можно было бы и на речку сходить, покупаться, – подумал Андрей, глядя на небо. – Может, Ромычу потом позвонить? Если дома будет, так его уболтать за компанию».

К телефону-автомату у магазина «Колос» он подходил не спеша, стараясь издалека угадать Нину. Хотя угадывать было особо не из кого. Прямо у автомата стояла женщина возрастом явно старше двадцати четырёх лет, к тому же она ожидала своей очереди позвонить, с недовольством поглядывая на занятую телефонную будку. В стороне, метрах в десяти от телефона, худенькая девушка, одетая в какое-то нелепое длинное платье в мелкий цветочек, разговаривала с помятым пожилым мужиком бомжеватого вида. Больше никого поблизости не было.

«Опаздывает, что ли?» – посмотрел на часы Андрей. Подойдя к телефонной будке, он остановился.

– За мной будете, – сердито глянула на него женщина, ждавшая своей очереди.

– Да нет, я не звонить, – отрицательно мотнул головой Андрей и отступил в сторону.

Достав сигареты, он закурил.

– Извините, вы не Андрей? – раздался вдруг сзади женский голос.

Он обернулся. Спрашивала та самая девушка в нелепом цветастом платье.

– Да, Андрей.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка, – а я Нина.

Он выпустил струю дыма в сторону и кивнул:

– Очень приятно.

Девушка ему сразу не понравилась. Она была некрасива. Довольно широкие скулы и небольшой острый подбородок делали лицо треугольным, а тонкий нос с горбинкой напоминал клюв какой-то большой птицы. Светлые рыжеватые волосы были собраны на затылке в тугую косу, доходившую почти до пояса. Веснушки, заметные на лице, были ещё сильнее видны на тонких белых руках. Длинное тёмно-синее платье в мелкий жёлтый цветочек сидело на девушке мешковато, а в неглубоком вырезе виднелись выступающие ключицы.

– Ну что? – тихо спросила Нина, нерешительно переступив с ноги на ногу и глядя на Андрея. – Что мы будем делать?

Впрочем, голос у неё был приятный. Не звонкий, но мелодичный, мягкий. Такие голоса успокаивают, навевают что-то доброе и домашнее. И ещё у Нины были большие насыщенно-синего цвета глаза, но лицо от этого красивее почему-то не казалось.

Андрей затаился, снова выпустил дым в сторону и неопределённо пожал плечами.

– Не знаю... – он старался смотреть вниз, по сторонам, лишь мельком бросая взгляды на девушку. – Можно прогуляться немного, до парка пойти.

– Хорошо, – быстро согласилась Нина, – давайте до парка. Только, знаете что...

– Что?

– Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но, если честно, я не была до конца уверена, придёте ли вы... Понимаете, мне надо бабушку сначала предупредить.

– Бабушку? – удивился он.

– Да. Я живу с бабушкой, и сказала ей сейчас, что пошла ненадолго в ма-

газин. Это здесь, совсем рядом, – Нина показала рукой в сторону. – Мне буквально на минуту заскочить и всё. Сказать, чтоб она меня не теряла, чтоб не волновалась. А вы бы меня у подъезда обождали.

– Ладно, – Андрей подошёл к урне и выбросил окурок, – пойдёмте.

Они пошли во дворы. «А может, сейчас и смотаться как раз? – Андрей искоса глянул на Нину. – Пока она ходить будет? Точно! И придумывать ничего не надо будет. Всё равно же не знает, где я живу, а если и позвонит потом, так отбрешусь».

Подошли к дому.

– Андрей, я быстро, – Нина виновато улыбнулась и быстрым шагом направилась к подъезду. Потом вдруг остановилась и посмотрела на него. – Вы же меня дождётесь, не уйдёте? Я буквально на минуту.

Андрей замаялся. У него было ощущение, что она прочитала его мысли. Кашлянув, он коротко кивнул:

– Конечно, дождусь.

Нина снова улыбнулась и, повернувшись, побежала в подъезд. Андрей сел на лавочку: «Ёлки-палки... Вот точно – чёрт меня дёрнул связаться с объявлением этим. Ходи сейчас, гуляй с ней».

Девушка, как и обещала, вернулась быстро. На этот раз с ней была ещё женская сумочка, похожая на огромный кошелёк.

– Я всё! – энергично кивнула она Андрею.

– Угу... – Он поднялся с лавки, сунул руки в карманы, и они двинулись в сторону парка.

Андрей шёл чуть впереди, Нина на полкорпуса сзади. Он искоса поглядывал по сторонам, думая о том, как бы не встретить кого-нибудь из знакомых. Глянул быстро, сколько время: было двадцать минут третьего. Подумал: «Ладно, до трёх похожу с ней, а потом что-нибудь придумаю».

– Вам куда-то надо, Андрей? Вы торопитесь? – поинтересовалась Нина, заметив, как он посмотрел на часы.

– Да не особо, – уклончиво ответил он. – Так, обещал одному знакомому...

– А-а...

Опять замолчали.

– Андрей, а где вы работаете? – через какое-то время поинтересовалась Нина.

– А? Где работаю? – переспросил он. – Телемастером в службе быта. Телевизоры ремонтирую, магнитофоны всякие, приёмники...

– Да? Вот здорово! А я вообще в этом ни бум-бум, – смущённо улыбнулась девушка. – Всегда удивлялась, как это люди разбираются во всех этих схемах. Транзисторы, конденсаторы, лампы какие-то... Тёмный лес, по-моему.

– Да нет, ничего особенного. А вы чем занимаетесь? – спросил он больше из вежливости.

– Я медсестра. В нашей районной поликлинике работаю, в детской, на участке.

– Как это – на участке? – не понял Андрей.

– Ну... понимаете, район же ещё на несколько участков поделен. У каждого участка есть свой врач – участковый, – она глянула на него.

– А-а, понятно, – кивнул он.

– Ну вот, а я получаюсь участковая медсестра при таком враче.

Шедшая навстречу им женщина вдруг улыбнулась и поздоровалась с Ниной.

– Добрый день, – радостно улыбнулась та в ответ.

– Кто это? – нахмурившись, поинтересовался Андрей. Ему не хотелось, чтоб их видели вместе какие-нибудь знакомые, или, того хуже, родственники.

– А это как раз мамочка одна с нашего участка.

– И что, вас прямо в лицо узнают?

– Конечно, – пожала плечиком девушка. – Некоторые часто у нас бывают. Запоминают. И я многих помню.

– А там кто был? У автомата? – вспомнил Андрей про бомжеватого мужика, с которым разговаривала Нина.

– Где?

– Ну, когда я подошёл к телефонной будке, вы с кем-то разговаривали.

– А-а... Это незнакомый. Я просто пришла заранее, на всякий случай. Стояла, ждала вас – думала, вдруг раньше подойдёте. А мужчина тот подошёл и попросил денег. Я спросила, зачем ему, а он говорит, на еду не хватает. Но я-то вижу, что он выпить хочет. Ну и я сказала ему, мол, давайте я вам сама поесть куплю. А он смеётся, говорит, нет, денег лучше дай, – Нина как-то печально улыбнулась. – А я не дала.

– А еду купили бы?

Она снова пожала плечами:

– Почему нет? Может, человеку и вправду есть нечего. Всякое в жизни бывает.

Он иронически усмехнулся и искоса глянул на неё. Достав из нагрудного кармана сигареты, закурил. Какое-то время снова шли молча.

Наконец дошли до парка. «Что-то я не рассчитал, надо было, наверное, дома пообедать, – подумал Андрей, почувствовав голод. – Или, может, тут в кафешку зайти перекусить... И время быстрее пройдёт, и ходить не надо будет...»

– Вы есть не хотите? – спросил он свою спутницу.

– Нет-нет, – поспешила отказаться та, – я не голодна.

– А я вот что-то проголодался. Может, зайдём в кафе, перекусим?

– Как хотите, Андрей. А тут есть кафе?

– Конечно... А вы что, не знаете?

– Нет. Я, если честно, не очень хорошо ориентируюсь в городе.

– Вы не местная, что ли?

– Вообще – нет, хотя я уже семь лет тут живу.

– И что, за семь лет так и не узнали, что в парке есть кафе? Вон там, в самом углу, – Андрей повёл головой в сторону. – «Фрегат» называется.

– Так я по кафе не хожу, – развела руками Нина. – Некогда, да и не с кем.

Они пошли по крайней аллее в дальний угол парка, где находилось кафе. Андрей молчал, Нина слегка помахивала своей сумочкой.

– Андрей, а вам ваша работа нравится? – посмотрела она на него.

Он равнодушно пожал плечами:

– Работа как работа, ничего особенного, – и снова замолчал.

– Мгм... Андрей, извините, а можно спросить ещё?

– О чём? Спрашивайте...

– У вас вот кольцо обручальное... Вы разве женаты?

Андрей стушевался и немного покраснел.

– Да нет... это... – он стащил кольцо с пальца и сунул его в карман брюк. – Не снял ещё просто. Я был женат, но сейчас уже нет. У родителей живу.

– Понятно, – кивнула Нина. Чуть помолчав, добавила: – А я с бабушкой живу. Я приехала сюда сразу после школы. А сама вообще деревенская. Папа у меня давно умер, когда я ещё маленькая была, а мама... Мама три года назад умерла. Я уже здесь жила. Теперь мы с бабушкой вдвоём остались.

Андрей глянул на неё и, сделав сочувственную мину, кивнул.

– А приехала, чтоб на врача учиться, – продолжала Нина, – но в медицинститут не прошла по конкурсу, а вот в училище приняли. Можно было, конечно, после училища снова в институт пойти, но я передумала. Решила так медсестрой и работать. Мне нравится. Хотя врач, с которой я работаю, говорит: иди, учись. А я вот не знаю. Может, и пойду потом. Попозже... Через годик-два. Опыта наберусь побольше.

Андрей снова посмотрел на часы, на этот раз украдкой. Стрелки показывали без двадцати три.

Посетителей в парке было немного. В основном прогуливались пожилые люди, на детской площадке играли дети, рядом на лавочках сидели их родители. Между тополями и липами в траве ярко желтели одуванчики.

– Андрей, вы, наверное, уже жалеете, что встретились со мной? – вдруг тихо спросила Нина, опустив глаза.

Он растерялся от такого вопроса:

– Почему вы так решили?

– Ну... вы, наверное, думали, кто-то другой придёт.

– Да нет, почему...

Чтоб скрыть неловкость, он потянулся за сигаретами, хотя курить не хотелось.

Нина грустно улыбнулась:

– Вам вовсе не обязательно гулять со мной. Вы можете...

Но она не договорила. С детской площадки, мимо которой они как раз проходили, донёсся громкий возглас.

– Вика! Что с тобой?! Вика! – говорила, почти кричала, озабоченно нахмутив брови и держа за руку маленькую девочку, женщина лет тридцати.

Девочке на вид было лет пять-шесть. Лицо её исказила плаксивая гримаса, оно было покрыто красными пятнами, а щёки и веки выглядели припухшими. При этом девочка молчала и тяжело дышала, широко раскрыв глаза, в которых стояли слёзы. Правой рукой она держалась за левое плечико, а возле её ног валялся сплетённый наполовину веночек из одуванчиков.

– Что-то случилось, – Нина замедлила шаг и с беспокойством посмотрела в ту сторону.

– Да ладно, – Андрей, не останавливаясь, шёл дальше, – сами разберутся.

– Андрей, подождите, пожалуйста, я сейчас... – не обратив внимания на его слова, Нина свернула с аллеи и быстро пошла в сторону большой песочницы, возле которой и находились девочка с женщиной.

Он остановился и сунул сигареты обратно в карман.

– Что произошло? – спросила Нина у женщины.

Та мельком глянула на неё, но не ответила.

– Вика, что с тобой? – взяв девочку за плечи, она слегка тряхнула дочь.

– Что произошло?! – более громко и настойчиво повторила свой вопрос Нина. – Я врач, в чём дело?

Мать девочки растерянно пожала плечами:

– Я не знаю, она закричала, а потом вот... – повернувшись к дочери, она снова тряхнула её. – Вика, почему ты молчишь? У тебя что-то болит? Ты слышишь меня?

Нина тоже присела возле девочки.

– Не трясите её! – громко и чётко произнесла она. Потом ласково, но твёрдо сказала девочке: – Тихо, не бойся. Давай ручку уберём.

Плечо под ладошкой было опухшим. На нём отчётливо виднелось красное пятно.

– Скажите, её пчёлы когда-нибудь кусали? – посмотрела Нина на мать девочки.

– Пчёлы? – удивлённо переспросила та. – Вы думаете...

– Кусали или нет?! – резко перебила её Нина.

– Да, – проговорила мать, – месяц назад примерно, на даче...

– Один раз и всё?

– Кажется, да...

– Она что-то ела сейчас?

– Нет, мы дома поели. Давно уже.

– Понятно, – тихо сказала Нина, осматривая девочкино плечо.

– Что понятно? – испуганно спросила мать. – Что с ней?!

– Похоже, что анафилактический шок, аллергическая реакция, – Нина аккуратно обняла девочку и взяла её на руки. – Не бойся, всё будет хорошо. Её надо положить, – она быстро глянула по сторонам.

Рядом стали собираться люди.

– Может, «скорую» надо? – спросила мать девочки.

– «Скорую» надо, но, боюсь, она может не успеть, – Нина подошла к ближайшей скамейке и положила на неё девочку. Потом повернулась к матери, сказала решительным тоном: – Садитесь рядом, приподнимите ей ноги, чтоб были выше головы. Разговаривайте с ней. Дайте мне ваш платок или что там у вас!

Женщина без вопросов сняла с шеи тонкий шифоновый шарфик и протянула Нине. Взяв шарф, та быстро перетянула им плечо девочки повыше покраснения.

Андрей всё это время стоял на прежнем месте и наблюдал за происходящим.

Нина выпрямилась и обвела взглядом стоявших поблизости людей.

– Есть кто-нибудь на машине?! – громко спросила она. Глаза её смотрели требовательно и твёрдо. – Есть кто-нибудь тут на машине?! – повторила она вопрос ещё громче.

Вперёд вышел мужчина лет пятидесяти:

– Я на машине. Я здесь с внучкой...

- Машина далеко? – не дав ему договорить, уточнила Нина.
– Нет, вот... – мужчина показал рукой в сторону. – Тут стоянка.
– Сюда подъехать сможете?

Тот как-то неопределённо повёл плечами:

- Не знаю...
– Мужчина, быстрее! – буквально закричала Нина. – Вопрос серьёзный, девочку спасти надо, «скорая» может не успеть!
– Смогу! – как-то сразу оживился мужчина.
– Быстро! Машину сюда! Вашу внучку возьмём с собой!
Молча кивнув, мужчина быстро убежал.

Между тем было похоже, что девочке становилось хуже: опухоль на лице усилилась, всё лицо и шея стали красными. Открыв рот, девочка с хриплым присвистом хватала воздух. На лбу у неё выступила испарина.

– Викусечка, Викусечка, – беспрестанно причитала её мать, – ну ты что, маленькая моя? Ну потерпи, моя хорошая. Господи, да что же это...

После того как мужчина убежал за машиной, Нина встала около девочки прямо на колени и снова стала осматривать её плечо.

– Вот жало, – наконец сказала она, ухватываясь за что-то пальцами. Погладила неподвижно лежащей девочке голову. – Ничего-ничего... Потерпи немножко. Сейчас в больницу поедем, тут рядом, – потом серьёзно посмотрела на мать. – Давайте повернём её на правый бок, следите за дыханием, и чтоб рот был открыт. Да, кстати, – она глянула на людей, – водки, случайно, ни у кого нет?

Все промолчали.

– А зачем вам водка? – удивилась мать.

Нина не ответила, только, поморщившись, мотнула головой. Посмотрела на тяжело дышащую девочку.

– Как бы интубировать не пришлось, вот только чем? – тихонько пробормотала она и посмотрела по сторонам.

– Может, всё-таки «скорую» лучше вызвать? – опять спросил кто-то из собравшихся около лавочки людей.

– «Скорая» долго будет. Пока телефон найдём, откуда позвонить, пока им объяснишь, где это, да пока они приедут... – возразила Нина. – Минут двадцать пройдёт, не меньше. А тут больница в двух кварталах, три минуты ехать...

Не успела она договорить, как послышался рёв мотора, и из-за кустов на дорожку резко вырулил «жигулёнок». Нина подхватила девочку на руки.

– Дверь! – громко крикнула она.

Кто-то из стоявших поблизости подскочил к машине и распахнул заднюю дверь. Мать девочки кинулась следом, садясь на заднее сиденье с другой стороны. Водитель крикнул свою внучку, которая тут же заскочила на сиденье рядом с ним.

Садясь в машину, Нина на мгновение остановилась. Глянула по сторонам, увидела молча стоявшего Андрея.

– Андрей, вы извините меня, пожалуйста, но мне надо ехать. Спасибо вам... – она виновато улыбнулась и кивнула ему.

«Жигулёнок» сорвался с места и исчез за поворотом на соседней аллее. Во-

круг сразу сделалось тихо. Собравшиеся стали расходиться, обсуждая произошедшее.

Андрей опять посмотрел на часы: на всё про всё ушло минут пять, не больше. Потоптавшись на месте, он опять достал сигареты, закурил и побрёл к выходу из парка.

Пришёл он домой в непонятных растерянных чувствах. Идти купаться передумал и, пообедав, ушёл к себе в комнату, где лёг на кровать с книжкой. Но чтение не получалось. Отложив книгу, Андрей закрыл глаза. Событие в парке не шло у него из головы, не шла из головы и Нина.

Сейчас ему казалось, что в тот момент она вовсе не походила на ту девушку, которую он за каких-то полчаса до этого встретил у телефона-автомата. Не-красивое лицо, худенькая, совсем не женская фигура, мешковатое платье – всё это ушло куда-то на второй план, стало совсем не главным.

«Надо будет, наверное, позвонить ей попозже, – подумалось вдруг, – спросить, чем там всё закончилось. Стоп! А куда звонить-то? Я ведь не знаю её телефона, она же сама мне звонила». Он даже почувствовал беспокойство от этой мысли. Да, он знает дом, где она живёт, знает подъезд, однако не знает квартиры.

Андрей попробовал было отговорить себя от этой затеи: «Да зачем тебе всё это? Сам же хотел отвязаться от неё побыстрее, вот и получилось, как хотел. Даже придумывать ничего не пришлось». Но снова перед глазами всплыла сцена у песочницы: плачущая мать девочки, сама девочка – в красных пятнах, опухшая, беспомощно открывавшая рот... И ему стало как-то не по себе. А вдруг бы она взяла да и умерла там, на той лавочке? Умерла... Что бы тогда было? Ведь это страшно... Но, что интересно, в парке он этого даже не осознал, смотрел на всё со стороны, как зритель в театре. Ему стало даже как-то неловко за себя.

И там же – Нина: уверенная, собранная, её решительные фразы, жесты... А как сразу изменились её взгляд, голос, какой вдруг от неё повеяло силой. Внутренней силой. И как все слушали её: мать девочки, тот мужик с машиной, как кинулся кто-то открывать ей дверь... И Андрей вдруг понял, что в тот момент Нина была... красивая. Да, да – красивая!..

И, вспоминая сейчас всё произошедшее, он в какой-то момент вдруг отчётливо осознал, что на самом-то деле любовался ею там. Стоял, безучастно смотрел на всё со стороны, но, что касается Нины, то именно любовался... Он так удивился этому своему открытию, что даже сел на кровати. Потом резко встал и пошёл в зал, где мать с отцом смотрели какое-то кино.

– Мам, слушай, а где у нас детская поликлиника находится? Нашего района.

Мать повернула голову от телевизора и с удивлением посмотрела на сына:

– Детская поликлиника? Зачем тебе?

– Ну... надо...

– Ты что, не помнишь, куда столько лет ходил?

– А-а, точно... – нахмурил он брови.

– А что ты там забыл? Заболел, что ли? Так ты вроде вышел из того возраста.

– Да нет, не заболел... – задумчиво ответил Андрей. – Просто одного человека найти надо, – и подумал: «Обязательно надо...».

ПОРТРЕТ

По главной набережной южного курортного города шёл мужчина. Вернее, он даже не шёл, а неспешно вышагивал по щербатой брусчатке. Звали мужчину Пётр Семёнович Дорошенко, и было ему пятьдесят семь лет.

Буквально два часа назад Пётр Семёнович заселился в один из недалеко расположенных отсюда санаториев, прилетев утренним рейсом из далёкого сибирского города. Совершив первым делом обязательный в таких случаях визит к врачу, вторым делом он поторопился сюда.

Полуденное черноморское солнце жарило не на шутку, но мужчину это не пугало, а даже радовало: там, откуда он прилетел, лето выдалось прохладным, и он соскучился по теплу.

Раздувая ноздри, Дорошенко с удовольствием вдыхал подзабытый запах солёного морского воздуха. На голове у него красовалась купленная пять минут назад яхтсменка с золотым якорем на лбу, торс прикрывала яркая гавайская рубашка, а на ногах, обутых в сандалии, были длинные, ниже колен, парусиновые бриджи.

Пётр Семёнович пребывал в прекрасном расположении духа. По левую руку от него с тихим ласковым шёпотом накатывали на пляж морские волны, по правую тянулся нескончаемый ряд сувенирных магазинчиков вперемежку с разномастными заведениями общепита. Поглядывая на своё отражение в витринах, Дорошенко втягивал живот, распрямлял плечи и спину и, довольный собой, брёл дальше, заложив руки за спину.

Глаза Петра Семёновича были скрыты тёмными очками, что позволяло ему без опаски и никого не стесняясь разглядывать прекрасную половину посетителей пляжа, лежащую прямо на гальке, на топчанах, или весело плескавшуюся у кромки воды. Зрелище его радовало. Но больше всего в этот чудный июльский день его радовало то, что был он здесь один. Не в том смысле, что на всей набережной кроме него больше никого не было, а в том, что прилетел сюда он один.

Чета Дорошенко всегда отдыхала вместе в одном и том же санатории практически каждый год. И на этот раз они с супругой заранее, ещё за полгода, оформили путёвку на двоих, но в последний момент жену, занимавшую ответственную должность в одном государственном учреждении, в отпуск не отпустили: случился административный форс-мажор, и пришлось ей свои планы на отдых менять. Однако Пётр Семёнович свои планы менять отказался. Вернее, даже не он сам отказался, а ему на работе отказали в переносе отпуска, на чём настаивала супруга.

– Муся, ну что я могу поделаться? – огорчённо разводил руками Дорошенко-муж.

Свою жену Марию, он обычно называл по-простому Машей или Марусей, а иногда, когда нужно было выказать особое расположение или лояльность, сокращал до Муси.

Муся повздыхала-повздыхала, но в конце концов разрешила мужу лететь на курорт одному. Дело в том, что при позднем аннулировании путёвки те-

рялась изрядная сумма денег, и если потерю одной путёвки ещё можно было пережить (да и деваться было попросту некуда), то терять две было жалко, тем более что муж был ни в чём не виноват.

Провожая мужа на юг, супруга дала Петру Семёновичу строжайший наказ, как себя вести. Если коротко, то он выражался в простых словах: «ниже травы, тише воды». Муж согласно кивал, внимая Мусе, но душа его в эти секунды ликовала. Там гремели литавры, трубили трубы, взлетали салюты и сверкали фейерверки.

Дело в том, что постоянный совместный отдых с женой Петру Семёновичу изрядно поднадоел. Положа руку на сердце, хотелось отдохнуть и от неё. Редкие выезды на рыбалку с друзьями на день-два были не в счёт, хотелось чего-то более значительного. И вот судьба преподнесла ему настоящий подарок, дав возможность провести две недели на черноморском побережье без своей второй половины.

В самолёте Дорошенко игриво улыбался стюардессам и, сидя в тесном и неудобном кресле и закрыв глаза, предавался мечтам. Его фантазия рисовала заманчивые картины посещения прибрежных ресторанов, изящных флиртов с постоялицами санатория, ночных гуляний по морскому побережью в компании какой-нибудь молодой и симпатичной представительницы прекрасного пола, и много чего ещё того же порядка. И при виде этих картин на его устах появлялась безмятежная улыбка.

Сейчас, пользуясь тонированной защитой на глазах, Пётр Семёнович брёл по набережной и без стеснения рассматривал загорелых красавиц разных возрастов, коих вокруг было превеликое множество. Временами он ощущал себя настоящим охотником, таким хищником, высматривающим добычу, и ему уже не терпелось вступить с кем-нибудь в контакт. Чайки ободрающе махали ему крыльями, пальмы приветливо покачивали огромными листьями, а солнце подмигивало с ясного безоблачного неба.

Время подошло к обеду, но в свой первый отпускной день Дорошенко решил пожертвовать санаторной едой. Он присмотрел небольшой уютный ресторанчик, находящийся прямо на выступающем в море пирсе. Когда он вошёл внутрь, бармен, стоявший за стойкой, приветливо кивнул ему:

– Присаживайтесь, официантка сейчас подойдёт.

Пётр Семёнович кивнул в ответ и осмотрелся. Посетителей почти не было: в дальнем углу сидела пара, да за столиком у стального поручня, ограждающего пирс, пила через трубочку молочный коктейль девушка в соломенной широкополой шляпе. Она-то и привлекла его внимание.

– Вы позволите? – широко улыбнулся Дорошенко, подходя к столику и отодвигая стул.

Девушка глянула по сторонам, свободных мест было предостаточно, поэтому она подняла удивлённые глаза на Петра Семёновича и, пожав плечиками, сказала:

– Пожалуйста... Я уже ухожу.

Дорошенко растерялся:

– Нет-нет... Вы не так меня поняли... Я не хотел вас прогонять, – он растянул улыбку ещё шире.

– Да ничего, всё нормально... – девушка вежливо и коротко улыбнулась в ответ, встала и, забрав сумочку, быстро удалилась.

Чуть сконфузившись, Пётр Семёнович подумал: «Однако поесть-то всё же надо», – и сел за опустевший столик. Подошедшая официантка подала ему меню и унесла оставшуюся после девушки посуду. «Ёлки зелёные!» – увидев цены, Дорошенко широко раскрыл глаза. У него тут же возникло желание встать и уйти прочь в поисках какой-нибудь недорогой столовки, но он взял себя в руки: «Э-эх! Один раз живём! В кои-то веки без Машки отдохнуть вырвался, так чего я мелочиться буду...». Широким жестом он подозвал официантку и заказал порцию барабули, спагетти (в меню было написано – паста) с морепродуктами и большой бокал красного полусладкого; хлеб подавался бесплатно.

В ожидании заказа Дорошенко обозревал пляж, вальяжно раскинувшись на ажурном металлическом стуле. Лёгкий морской ветерок приятно задувал со всех сторон, освежая успевшего вспотеть Петра Семёновича. Сняв яхтсменку, он положил её на столик, подумав о своей голове: «Пусть дышит». В дышащей голове бродили приятные, бодрящие мысли о двух неделях отдыха, которые только-только начинались.

Увы, но обед, которым он хотел отпраздновать начало своего отпуска, не оправдал его ожиданий. Барабуля была пресной, недосоленной и слишком костистой. Покопавшись в ней вилкой, Дорошенко принялся за блюдо с морепродуктами, но мидии вызвали у него отвращение одним своим видом, и он, брезгливо отодвинув их в сторону, съел только креветки. А спагетти оказались «альденте», что ему тоже не пришлось по вкусу. В довершение всего красное вино оказалось не полу-, а приторно-сладким. Сделав недовольную мину, но промолчав, Дорошенко, дабы не оставлять чаевых, расплатился за обед карточкой.

Однако он решил, что, несмотря ни на что, не позволит «этой забегаловке» испортить себе настроение. Надев яхтсменку, он энергично поднялся со стула и вдруг, ойкнув, схватился за поясницу, которую внезапно пронзила резкая боль. «Ах ты ж, ёлки зелёные! Этого ещё не хватало...» – Пётр Семёнович поморщился и, немного согнувшись, аккуратно пошёл прочь. В последнее время у него стабильно раз в полгода обострялся поясничный хондроз. Но если дома это было, как говорится, ещё туда-сюда, можно было отлежаться, взяв больничный, то сейчас это было явно не вовремя и не к месту.

Снова выйдя на набережную, Дорошенко облокотился на парапет, чтобы немного отдышаться. Какое-то время постоял так и стал аккуратно разгибать спину. «Ничего, ничего... Сейчас разомнусь, и всё нормально будет, – успокаивал он себя. – Ничего...» Когда боль в пояснице немного утихла, он снова расправил плечи, втянул, как мог, живот, и зашагал дальше. Спина продолжала неприятно ныть, не позволяла идти легко и расслабленно, но Пётр Семёнович надеялся, что «понемногу расходитя».

Впереди, возле одного из ларьков с брелоками, разрисованными ракушками и магнитиками стоял прислонённый к стене большой лист ДВП. К нему были приколоты кнопками листики бумаги с нарисованными на них мужскими, женскими и детскими портретами. Тут же был установлен мольберт, возле

которого топтался бородатый лохматый мужчина в берете, напротив стояло пластиковое кресло, в котором, положив ногу на ногу, сидела симпатичная девушка. Мужчина то отшагивал назад от мольберта, то подходил к нему ближе, делая большим толстым карандашом штрихи и бросая взгляд на сидящую девушку. «Художник», – догадался Дорошенко, подходя ближе.

Сначала он посмотрел на портреты, выставленные в качестве примеров. Они ему понравились, в них явно чувствовалась рука талантливого мастера. Некоторые рисунки были чёрно-белыми, а некоторые выполнены в цвете, но и те, и другие были хороши.

– Сколько берёте? – спросил Пётр Семёнович.

Художник мельком глянул на него и назвал цены – за чёрно-белый и цветной рисунок соответственно. Дорошенко отошёл в сторонку, наблюдая за тем, как работает мужчина. Потом зашёл за его спину и заглянул в мольберт. Сходство между рисунком и сидящей в кресле девушкой было поразительным. Петру Семёновичу даже показалось, что рисунок был лучше оригинала. Это его впечатлило. «А не сделать ли и мне себе портрет? – задумался он. – На память, так сказать... А что? Цены вроде нормальные, могу себе позволить». К тому же у него неприятно ныла поясница, и он давно уже присматривал где бы сесть посидеть, отдохнуть немного.

Дорошенко повертел головой по сторонам – люди рядом стояли, но было похоже, что они просто глазели, а не ждали своей очереди.

– А меня нарисуете? – снова обратился он к художнику.

Тот спокойно пожал плечами:

– Почему бы и нет? Если вы желаете, то пожалуйста. Сейчас вот девушку закончу – пару минут буквально – и возьмусь за вас...

Когда Пётр Семёнович занял кресло, художник поинтересовался:

– Вам как – в цвете, чёрно-белый?

– Давайте цветной, чего уж... – махнул тот рукой, откидываясь на спинку.

– Хорошо. Шапочку с очками снимете или так рисовать?

Подумав, Дорошенко снял очки, яхтсменку и положил их на колено.

– Давайте без них, а то какой это портрет будет... Кстати, долго это всё у вас?

– Минут двадцать, двадцать пять... Чёрно-белый побыстрее, цветной подольше.

И художник принялся за работу. Пётр Семёнович оказался в центре внимания. Проходящие мимо люди останавливались, заглядывали в мольберт, сравнивали с моделью, одобрительно кивали и шли дальше.

Минут через пятнадцать подошли две молодые, лет по двадцать пять, девушки. Этикие сексапильные куколочки: длинноногие, загорелые красотищи в коротких джинсовых шортиках и облегающих топиках, одна брюнетка, вторая – светленькая.

– Голову не поворачиваем, – сделал Петру Семёновичу замечание художник, когда тот, залюбовавшись девушками, невольно повернул голову в их сторону.

Брюнетка подошла к художнику и заглянула в мольберт, потом перевела взгляд на Дорошенко.

– Ну как? – с обворожительной, как ему казалось, улыбкой спросил тот. – Похоже?

Девушка заулыбалась и закивала:

– Супер! Вообще здоровски, прям один в один. – И она показала большой палец.

Пётр Семёнович довольно крикнул и приосанился. Через пару минут художник отложил карандаши в сторону и сказал:

– Готово!

Дорошенко встал и тут же снова почувствовал довольно сильную боль в пояснице; от сидения в кресле она, казалось, стала ещё злее. Чуть поморщившись, он распрямился и снова покосился на девушек, которые по-прежнему стояли здесь же – не заметили ли они его неловкость... Художник снял лист с мольберта и повернул его к Петру Семёновичу.

Увидев нарисованное, тот обомлел... С белого листа на него смотрело усталое, обрюзгшее лицо с крупными возрастными морщинами на лбу, переносице и вокруг губ. Глаза с желтоватыми белками имели потухший взгляд, а под ними красовались тяжёлые серые мешки. Дорошенко казалось, что весь сеанс он бодро и мило улыбался, но уголки губ того, нарисованного Дорошенко, были опущены вниз, изображая кислую гримасу. А под первым подбородком свисал на шею второй, явно не красивший своего владельца.

«Господи, – подумал Дорошенко, – неужели это я?» Он, видевший себя в зеркале каждый божий день, уже и не обращал внимания на всё то, что заметила и так здорово отразила «рука талантливого мастера».

Нос у портретного Петра Семёновича имел отчётливый сливовый оттенок, на щеках алел нездоровый румянец, а на темени под редкими, зачёсанными с бока волосами угадывалась довольно обширная плешь. «Лучше б в шапке и в очках рисовал... – подумал Дорошенко. – И лучше б чёрно-белый...»

Он, ещё на что-то надеясь, глянул на художника – а вдруг тот сейчас возьмёт да и скажет, что он нарисовал «дружеский шарж». Но бородач быстро свернул портрет в трубочку, перетянул зелёной резиночкой и, отдав его модели, посмотрел на стоящих вокруг людей, приглашая занять освободившееся кресло.

Пётр Семёнович умоляюще глянул на девушек – может, они наконец-то перестанут улыбаться и решительно заявят, что получившаяся картинка совсем не похожа на оригинал, что художник в данном случае самым безобразным образом схалтурил, изобразил совсем не то, но красотки по-прежнему улыбались.

– Здорово получилось, – заверила его блондинка. – Прям так похоже...

– Ага, – промямлил Пётр Семёнович и, достав деньги, передал оговоренную сумму художнику. – Спасибо...

– Пожалуйста. – Тот спрятал деньги в карман.

Дорошенко взял свёрнутую в трубочку «память» и засеменял в сторону санатория.

От беспрестанного шума прибоя и гортанного крика чаек у него разболелась голова. Сняв яхтсменку, Пётр Семёнович вытер ею мокрое от пота лицо и недовольно покосился на обилие обнажённых тел у кромки воды: «И какого чёрта они в такую жару тут вялятся? Делать больше нечего?». Стащив с носа надоевшие за день очки, он сунул их в нагрудный карман рубашки.

Часа через полтора, завидев издали корпуса своего санатория, он вдруг вспомнил жену. Вспомнил, как в прежние годы они вместе с ней прогулива-

лись среди пальм и кипарисов по этим дорожкам, а на душе тогда было хорошо, покойно и несуетно. «Чего мне тут две недели делать-то одному? Я ж от скуки сдохну...» – поморщился Пётр Семёнович от тянущей боли в пояснице.

Вскоре, припадая на одну ногу и держась левой рукой за спину, он прибыл к месту. Поднявшись на второй этаж на лифте, Дорошенко вошёл в свой одноступенчатый полулюкс, ещё с утра суливший ему такую массу удовольствий и возможностей, а сейчас показавшийся вдруг пустой одноступенчатой камерой.

Небрежно бросив свой портрет на полку для обуви, он, кряхтя и морщась, лёг на кровать. Нащупав рукой в тумбочке обручальное кольцо, предварительно и с большим трудом снятое им перед выходом на променады, он снова надел его на безымянный палец. Тяжело вздохнув, Дорошенко вынул из кармана бриджей мобильник и набрал номер жены.

– Да? – в голосе супруги послышалось удивление и тревога. – Что случилось?

Дело в том, что звонок после прилёта он уже сделал, а время очередного сеанса связи было назначено на шесть вечера (дома в это время было уже десять часов, после чего жена ложилась спать).

– Муся, слушай... – голосом умирающего произнёс Пётр Семёнович. – Может, отпустят тебя всё же, а? Приезжай... А то я чё-то уже соскучился по тебе...

Анна САВЧЕНКО**ВРАГ – ЭТА ЗЛОБА ТВОЯ КО МНЕ**

* * *

«Я» без тебя – просто звук,
сердце в груди – мышца лишь,
в нём без твоих нежных рук –
тишь.

Я без тебя – просто тень,
просто живу, просто есть,
день без тебя – просто день,
жесть!

Я без тебя – нет, не та:
в сердце – тоска, в мыслях – муть.
Только не тай, нет, не тай,
будь!

* * *

В этом нет ничего нового,
и с ума не схожу вроде я:
слышу голос твой – взволнованно
утопаю в его мелодии.

В этом нет ничего грустного,
хотя сердцу порой плохо там:
десять лет, как оно хрустнуло –
это ты поселился с грохотом.

В этом нет ничего странного:
ты – мой воздух, его жажду я,
и влюбляюсь в тебя заново
каждый день и минуту каждую.

* * *

Вяло текли недели (летать им лень),
мысли сплетая в тяжёлый клубок. У сплина
было в полоне всё светлое на Земле.
Это зима, и не лучшая половина.

В чудо хотелось верить (из нас, людей,
нет застрахованных прочно от хеппи энда):
скоро, в апреле, прольётся сквозь мой плетень
музыка счастья, капелью звеня крещендо.

Счастье войдёт в мой дом и воскликнет: «Ох,
а сотворю-ка себе из тебя кумира!
Ты ведь устала, родная моя, как Бог,
что, проработав неделю, не создал мира!».

Я засмеюсь в ответ и, крича «Лови!»,
буду по лужам бежать целый день босая.
...Просто зимою, в не лучшей из половин,
бредом живу я, себя от себя спасая.

* * *

Мы – друзьями? А давай!
Да, конечно, я не против.
Твой – автобус, мой – трамвай,
и – от счастья нашего!
Может, беспросветный май
ждёт на первом повороте.
Жизнь – ботинки: жмёт – меняй,
глупо ведь разношивать.

Но меня, держу пари,
любишь. Это просто данность,
как и эти фонари
за окошком сирые.
Что бы ты ни говорил,
навсегда с тобой останусь:
просто я живу, внутри
у тебя пульсируя.

* * *

Да всё очень просто: я просто тебя люблю,
хотя ты на сердце болючим торчишь наростом,
и давишь его, и колешь порою остро,
и шансы быть вместе, пожалуй, равны нулю,

и снова преграды растут на пути, дробя
надежду на счастье и наши обиды множа.
А эта любовь... я не знаю, на что похожа.
Но всё очень просто: я просто люблю тебя.

* * *

Писать о любви, да на пятом десятке –
нелепо. Гораздо глупей –
влюбиться на старости лет без оглядки
на взгляды косые людей.

Я – счастлива! Боже, какое мне дело
до тех, кто считает смешной
меня, но завидует, что поглупела,
что это случилось со мной?!

* * *

Мы влюбились, ещё не умея любить,
обижались, прощать не умея ещё.
Накопили проблем, затаили обид,
ведь эмоций друг друга не брали в расчёт.

Беспощадно и щедро снарядами слов
мы стреляли, совсем не умея молчать.
Мы сходили с ума, проклиная любовь,
и судьбу, и друг друга ещё сторяча.

И, расставшись навек – не на год или два,
не желая иметь что-то общее впредь,
научиться любить мы успели едва,
чтобы вместе состариться и умереть.

* * *

Если утро – недоброе,
ты его удобряй:
тёплым кофе и сдобой
грей мороз ноября,

и улыбкою светлою,
даже если в душе
что-то хрупкою веткою
надломилось уже.

Не держи (неудобно ей)
ты улыбку в узде.
Если утро удобрено,
добрым будет весь день.

* * *

А утро наступит, желай того – не желай,
а утро припрётся, хоти того – не хоти,

и снова проблемы – ну как без них? – через край
полюются, чтоб речкою стать на твоём пути.

А ты продолжай продвигаться то вплавь, то вброд,
а ты задыхайся и силы теряй, гребя.
Не выдержишь если... что ж, утро опять придёт,
ему всё равно ведь, с тобой или без тебя.

* * *

В Деда Мороза, Бога,
русских людей,
в эту – свою – дорогу
и в этот день,
в силу любви, расплаты,
слова, мечты
верю легко и свято.
А ты?

* * *

Ты – мой,
и, как бы нас ни делили
границы, люди и сотни миль,
ты – мой,
и это мы знаем оба,
до гроба и даже после гроба.
Ты – мой,
не будет уже иначе,
ведь ты мне Господом предназначен.
Ты – мой, и точка,
не будет «или»
во веки,
как бы мы ни чудили.

* * *

Хоть никогда мы не будем вместе,
наша любовь – не беда, а дар,
и, если спросишь меня, а есть ли
счастье, отвечу: «Конечно, да!».

Хоть ты в другой части света где-то,
встретимся, нет ли, когда, Бог весть,
только я знаю: ты есть, и это
значит, что счастье на свете есть.

Хоть куча глупостей за плечами,
даже размолвка длиной лет в шесть,
хоть сомневалась в тебе вначале,
знаю теперь я, что счастье есть.

Хоть извожусь ожиданием долгим,
свой телефон матеря порой,
но, засыпая в твоей футболке,
чувствую: счастлива, ты – со мной.

* * *

Если ты думаешь: «я – твой враг»,
то ошибаешься. Всё – не так.

Мир перевёрнут, и Дьявол смог
вас убедить, что теперь он – Бог,
белое чёрным назвать посмел,
всех уверяя, что сам он – бел
и что Россия, идя ко дну,
с бедным народом ведёт войну.

Дьявол вбивает в сердца людей
грязь обелённых своих идей:
«освобожденье войной зови,
а наркомана, что мир в крови
топит, ты братом своим считай
и помогай ему, помогай.

Ты – уже часть этой злой войны,
значит, врагом твоим стать должны
русские люди, Россия вся».

Мир перевёрнут, и враг твой – я.
Чувствуешь? Сердце твоё – в огне.
Враг – эта злоба твоя ко мне.

* * *

Господь нам дал
её, неожиданную –
что нужно больше?
По проводам
плыла меж странами
Россия – Польша.

Была сильна:
глазами чистыми
ломала иглы.
И вдруг – война
могла бы выстоять,
но вот погибла.
Звалась Любовь.
Виновны оба мы,
сейчас – бессилье,
ведь мы с тобой
обидой, злобою
её убили.

* * *

Грустно, больно, страшно мне,
день такой несладкий:
друг погиб мой на войне,
пал в неравной схватке.

Лучший друг, он мог за мной
и в огонь, и в воду.
Но, шагая за страной
и своим народом,

оставаться в стороне
не хотел от стонов.
Друг погиб мой на войне
информационной.

Геннадий Скарлыгин**ЭТО ТАМ, ГДЕ ТЫ НЕ БЫЛ****СТИХИ УШЕДШЕГО ГОДА**

* * *

На Россию мы смотрим светло.
От того и в душе просветленье.
От того и на сердце тепло.
Дай нам, Боже, любви и терпенья.

24.04.2022

* * *

Вот и наступили времена,
Нам об этом даже не мечталось,
Когда сволочь каждая видна –
Что не съехала, а здесь ещё осталась.

9.04.2022

* * *

Сирени Александровского сада.
Воспоминанье или дым вдали.
Я маленький. И мне немного надо.
Лишь посмотреть на сказочный залив.

Там есть где-то великая страна.
Она меня приветит, обогреет.
Мне холодно. Какого же рожна
Так мало солнца, только снег белеет.

* * *

Надо иногда открывать глаза
И поднимать их к небу.
Над Донецком опять – гроза.
Это там, где ты не был.

Где от осколков хрустит песок,
Где погибают дети.
Где от разрывов чернеет лесок.
Это то, за что мы в ответе.

Мы дали с тобой слабину.
Мы восемь лет наблюдали,
Как разрывали Донбасс и страну
Ублюдки в нацистских медалях.

17.10.2022

* * *

Зима, зима уж на пороге.
Листвой усыпаны дороги.
Поля и вспаханные нивы
Опять грустят. Неторопливо

Слетает с крыш капель.
И всё короче трудовые дни.
И щемит сердце от тоски.
И надо б съездить до родни

В соседнюю деревню.
К сестре двоюродной.
Давно там не бывал,
Какой-то жизненный провал

Преследует меня. Устал
От новостей, от разговоров.
Зима на сердце ляжет скоро
Под листьев яркий карнавал.

* * *

Я шагал вдоль тесовых ворот
У резного красивого дома.
Он был старого мира оплот.
Ему многое было знакомо.

Здесь вышагивал бодро Шишков,
Он задумывал главную книгу.
Ощущенье прошедших веков
Равносильно тревожному мигу.

* * *

Я помню эти игры.
Им много-много лет.
Экрана блики, титры,
И астр ночной букет.

И вот они – подмостки,
Там, где упала тень.
И твой халат неброский,
И наш с тобою день.

* * *

Мне кедровой живицы
На дороге продали.
Просветлённые лица.
Просветлённые дали.

Так приходит эпоха,
И меняет людей.
Что хорошо и что плохо –
Становится как-то ясней.

* * *

Я этот миг уберегу.
Он озарил внезапным счастьем.
Там за окном поля бегут,
И поезд мчится сквозь ненастье.

А ты живёшь в миру ином.
Такие редкие моменты.
Я книгу жизни за окном
Читал, смотрел, как киноленту.

Сквозь стук колёс, свет фонарей
И отзвук мира – шаг вокзальный,
Летит мой поезд – дуралей,
Летит с мотивом поминальным.

* * *

*Николаю Иванову,
добровольцу-томичу*

Хорошо, что тебя спасли,
Друг мой, раненный под Херсоном.
Тебя долго по полю несли
В состоянии невесомом.

Я не знаю, что вспомнил тогда
Ты в бреду. Но огонь миномётный
Распахал всё вокруг. И сгорела дотла
Там избушка. А дым беззаботный

Всё тянулся по полю. Стояли стога
В бесконечности сиротливой.
Здесь природа, как правда, нага
В ожидании жизни счастливой.

Ноябрь 2022

* * *

Декабрь настал. Пора
Готовиться к морозам.
Они уже прошлись
По веткам, по стволам.

Давайте всё же жить,
Хоть холодно и трудно.
Давайте жить с теплом
И в сердце, и в словах.

* * *

Велик ли ноябрьский день.
Короток. А тьмы – прибавленье.
И множится длинная тень,
И множится наше терпенье.

Всегда терпеливый народ
Скреплял наше бурное время.
А это священный оплот.
А это тяжёлое бремя.

* * *

На пересохшем дне в Аральском море
Забутые фигуры из камней.
Им миллионы лет. Какое горе
Всё смыло здесь. Всё, что цвело на ней,

На этой плодородной котловине.
Шагал, качаясь, медленно, верблюды.
Жил аксакал. Нет ничего в помине,
А здесь когда-то был базар и люд.

А много лет назад (бывал я здесь проездом)
И видел – сох баркас и жили рыбаки.
Но обнажилось всё, чтоб стать пустынным местом.
Как грустен бег времён, вот что ни говори.

* * *

Чем дальше, тем дороже и родней.
Такое озарение во взгляде.
Зима кругом. И сколько ещё дней
Ей щеголять в своём простом наряде.

Душа наша крепчает от мороза,
От трудностей, ненастья и беды.
Даже тогда, когда нахлынут слёзы,
Во всём я вижу Родины следы.

Родина, она нас не забудет.
А нам её любить и защищать.
Там, на Донбассе, это наши люди
Вступают в бой с нацистами опять.

* * *

Вишь, как всё замело,
Не попасть ни в калитку, ни в сенцы.
Походила метель помелом,
Так, что впору хвататься за сердце.

Но нам эта погода мила.
И милы эти белые снега.
Наша жизнь, как скатёрка, бела,
Как белы здесь сибирские реки.

Они ждут, как задышит весна
И взломает их льдистый простор.
Ах, пора, ах, наверно, пора.
Вот об этом веду разговор.

* * *

Так пропадает замурённость
В стихах, в поступках и словах.
И наступает отрешённость,
И жизни новая глава.

Давай, товарищ мой, покурим,
Пройдём по улице ночной.
И выкинем побольше дури
Из головы свой дурной.

Наверно, что-то обозначим,
В чём были долго неправы.
Мы жили бы совсем иначе
В плену отравленной молвы.

Нас убеждали доброхоты,
Что рай – за морем, там нас ждут.
И как пожить им там охота,
Но не дают. Вот просто жуть.

Николай КОНИНИН

МОЙ ДРУГ КОНИК

В ранешние времена у меня был знакомый «жеребёнок» по имени Коник. С утра до ночи он любил носиться по улице, а уроки и всякие домашние дела совсем не любил!

Гривку ему стригли коротко, на глаза падала буланая чёлка. Ноги не стояли на месте, а бежали в разные стороны. Круглые ноздри сильно тянули воздух.

Когда маленьким он стал выбегать за ворота, я пытался выучить с ним домашний адрес:

- Ты на какой улице живёшь?
- Я живу дома, а не на улице!
- А дом какой?

Он хитро смотрел на меня.

- Ты сам не видишь, что ли, дом из дровишек.

Как-то в автобусе нас увидела «девчонка-жеребёнка» из одного с Коником детсада и закричала:

– Коник, Коник, это я, О-лень-ка! Подумала: Коник, Коник, здравствуй! Помолчала: Коник, приходи в гости. Коник, мне пять лет! День рождения!

Молчание.

- Будет торт, подарков не надо!

Её мама сидела рядом, и О-лень-ка всё время оглядывалась на неё. Потом не выдержала, закричала:

- Коник, принеси лошадку игрушечную!

Коник подумал и, как будто уже отслужил в кавалерии, сказал про себя: «Не надо исполнять сразу приказы «девчонок-жеребёнок», так как последуют другие, отменяющие первые».

У «жеребёнка» Карика были настоящие оловянные лошадки, и Коник предложил обменять их на настоящий маленький ночной фонарик (это сейчас всё есть, а в те времена такие штучки днём с фонарём не отыскать).

Договорились – «жеребёнок» Карик отдал свою кавалерию, а у Коника никакого фонарика не было, но он в подтверждение сделки принёс маленькую картонную коробочку из-под канцелярского клея. Читать никто не умел, коробочка вполне подходила для такой роли, а фонарик пока у папы.

Вскоре лошадок Коник дал поиграть Красику, другу Карика, а с Кариком почему-то подрался, но формально выполнил обещание – у Карика под глазом появился «фонарь». Лошадки, конечно, вернулись в родную конюшню. Ну и что? Были безлошадные – и так проживём, у самих ноги есть!

Любимым занятием Коника было бегать, как большие лошади, особенно как лошадь Чапаева. Ноги стучали по дороге, чёлка стучала по лбу, было здорово бегать наперегонки с другими «жеребятами». Лапта, прятки, «двенадцать палочек» и много чего ещё!

Старшие «жеребята» охотно принимали Коника в свои игры, он был терпеливый и на него всегда можно было свалить неинтересные, скучные дела.

Как-то весной, после приезда из детсада Макик, Кирик и Редчик позвали

Коника посмотреть на ледоход. Все были в пальто, на берегу были навалены кучи песка, а на эти кучи налезли огромные, двухметровой толщины, с чёрным и жёлтым брюхом льдины – киты, и льдины – белые медведи. У них с брюха капали капельки прямо в рот их маленьких детёнышей, было здорово подставлять ладошки под влагу!

Нашли развесистые лосиные рога, служившие вешалкой для верхней одежды! Макик, вожак, обрадовался: «Жара!» – повесил на отростки рогов пальто, шарф, шапку. И все последовали примеру. Рога нёс, конечно, Коник, сначала ему было смешно – рогатых коней не бывает (он ещё мало знал о взрослой жизни), но карабкаться на кучи сыпучего песка с каждым шагом было всё труднее и труднее. Хитрые друзья кувыркались на песке, а Коник, как осёл, кряхтел под тяжёлой и, главное, не своей ношей.

Дома Коник обнаружил, что потерял шапку: «Да, если тебя кто-то приглашает куда-то на что-то посмотреть, не разевай рот, не опускай и не задирай головы, а то спадёт не только шапка, но и голова. И зачастую большие зовут маленьких, чтобы на них ездить, про себя считая их ослами!

Зимой катался с крыш кладовок, прыгая в снег, или в подъезде играл в жмурки, перепрыгивая через шесть ступенек. Как-то доскакался до шишки на лбу величиной с куриное яйцо и разодрал бок, но, когда играешь, больно не бывает.

У них во дворе был целый «табун» «жеребят» игрового возраста – «голов» пятьдесят. В огромном дворе чего только не было: два двухподъездных двухэтажных дома, гаражи, кладовки и две площадки для футбола и всяких «чур, не голю».

Как-то старшие «жеребята» затеяли большие скачки вокруг дома. Это так говорилось, что вокруг дома, а на самом деле вокруг квартала – около километра. Собралось «голов» пятнадцать-двадцать «жеребят», они в нетерпении били копытами.

Коник был младше и меньше всех, и даже не надеялся, разве что на чудо. И чудо случилось – огромный жеребёнок Лошак сказал:

– Побежали!

Вышли за ворота: «На старт! Внимание! Марш!».

О, эти волнующие слова теперь будут звучать много-много лет!

Коник изо всех сил стучал подковами-сандаликами по каменным квадратам мостовой, скоро завернули на проспект Ленина.

Первой задачей было не отставать, не быть последним. О том, что добежать или нет, даже не думалось! Главное сейчас – быть впереди друга-«жеребёнка» Тпру!

Большие «жеребята» с длинными ногами делали один шаг, а ему приходилось два. Некоторые из них были старше Коника в два раза! Тпру уже бегал на такую дистанцию и знал, как распределять силы и как дышать.

Коник с удовлетворением замечал взгляды прохожих, они видели – он не последний. Пробежали метров двести – дышать стало трудно, воздуха не хватало, колело в бок. Возле «Горкино» старший «жеребёнок» Дрейка свернул на «кривую дорожку», ведущую через дворы. Все закричали: «Куда? Куда? Нечестно!». Дрейка, не оборачиваясь, махнул рукой, два-три «жеребёнка» последовали за ним.

Пробежали только треть пути, а дышать было уже не видно. Где там второе, третье дыхание? Повернули на улицу Курашова, асфальт кончился, пустынный тротуар больно бил по ногам каменными плитками.

Он остался почти один. Табунок бегущих уже завернул на Орджоникидзе. Коник с младенческих копыт жил в окружении трёх революционеров и одного писателя. Они имели железную волю и терпели невзгоды и трудности всю жизнь! Так неужели он не в состоянии потерпеть несколько минут?!

Терпеть, терпеть, терпеть! Если бы не сжатые зубы, сердце давно бы выскочило на обочину! Наконец-то под ногами доски тротуара улицы Орджоникидзе. Доски пружинили, толкали вперёд, надо было только попасть в такт. В глазах совсем потемнело, тошнило. Коник ковылял, скособочившись, почти ничего не видя.

Слава Богу! Дом, милый дом! Ещё немного – и финиш. От угла дома к нему скакали «жеребята», они махали ему, кричали: «Давай, давай! Молодец! Осталось немного! Ко-ник!»...

И Коник добежал!

Весной в лужах надо было плавать на плотках: звено забора или калитка уносили в реку и дальше, в океан. И тогда Коник, преодолевая бурное течение, спасал Чапая или, как Лошадь Пржевальского, заржав, устремлялся в пучины Великого океана, чтобы выйти на берег Америки Мустангом. Ах, если бы вы знали, какие там прерии, какие травы и как, ныряя в них, можно плыть, плыть и плыть... Но калитка ударялась о голос бабушки: «Коник, иди обедать», накрываясь, и мокрый по самое не могу Коник, спешил к родной батарее.

Жизнь спешила разнообразно – удивительно, как по настенному календарю: с заснеженной горы лыжник через дождь, солнце скатывался прямо в жёлтый листопад, где снег и грибы с ягодой можно поднять с земли рукой.

Как-то возле Горкино Коник пребывал в предвкушении в очереди за мороженым. Он очень любил мороженое, особенно в вафельных стаканчиках. Вдруг прискакала «девчонка-жеребёнка», и Коник, как рысак благородных кровей, пропустил её впереди себя. Она набрала целую охапку мороженого, а Коник ни одного не досталось. Она пошла домой, скакать не могла, так как передние копыта были заняты мороженым. Она даже не улыбнулась, не то чтобы оставить хотя бы один стаканчик. Коник так и не понял: это свойственно только этой «жеребёнке» или вообще всем девчонкам. Придавленный размышлениями Коник брёл по Курашева и мысленно грыз пустой вафельный стаканчик. Вдруг на повороте у машины «пирожок» открылась задняя дверца, и на обочину опрокинулся лоток с вафельными стаканчиками. Прохожие – и взрослые, и малышня – стали собирать стаканчики, рассовывая по сумкам и карманам, а кто и просто за пазуху. Коник было неудобно, и он взял только один стаканчик. Его мучила мысль, которая оформилась спустя годы: «Желания иногда исполняются, но зачастую к этой сладости примешивается горечь чужого несчастья или грязь падения».

Прекрасным апрельским днём Коник в новеньких резиновых сапогах вышагивал по тротуару. Белый ледок над опустившейся на толщину пальца под ночным морозцем луже заманчиво хрустел вафельным стаканчиком.

– Ай, молодец! – похвалил встречный сосед. И Коник долго размышлял: «А какой он молодец?». Понимая, конечно, всю скользкость этого утверждения.

Мало кто помнит с календарной точностью, за исключением дней рождения и праздников, какой-нибудь день, но...

Автобус привёз детсадовцев, вытряхнул возле проходной и с наслаждением, как после длительного зевка, закрыл дверь – рот. Стояла теплынь, Коник, по обыкновению, не заходя домой, принялся мерить все дворовые лужи. Луж было много, ног только две, и Коник с осознанием выполненной миссии, таким лужепроходцем отдыхал, разложив мокрую одежду на заборе палисадника. День и сам по себе был замечательный, но радостные крики «жеребёнка» Тпру: «Ура! Пацаны, первый человек в космосе, советский человек – Юрий Гагарин!» – впечатали навсегда в память.

Незадолго до этого в гостях у Макика Коник в журнале рассматривал рисунок лётчика во время полёта в стратосфере: маска с круглыми стёклами, гофрированный шланг через плечо опускался в кислородный баллон. Старшие «жеребята» часто употребляли уже знакомое слово «космос». И когда Макик сказал большому «жеребёнку» Го-ге:

– Вырасту и полечу!

– Ну уж скорее мой отец (он был штурманом), – возразил Го-га.

На Юрия Гагарина обрушилась такая мировая слава, что затмила славу самого Хрущёва, первого человека в Союзе, и Коник искал для себя разнообразные объяснения, ведь первым может быть только один, и пришёл к выводу: случись что, страна не может оставаться без командира. Если дома Коник был старшим, большим, то во дворе был самым маленьким, за исключением малышни вроде брата, и ему было далеко до старших «жеребят». Мечта вырасти могла осуществиться в будущем, а сейчас приходилось бегать, прыгать и ловить, и бросать мяч, как они, а не то стоически сносить крики и тычки, а самое обидное – несправедливые.

Поначалу всё протекало по следующей схеме: «жеребёнок» О-го-го (не путать с Го-гой) за пропущенный гол в тычки выгнал Тпру в запас, и поставил на ворота Коника. Коник без восторга принял повышение, понимая, что это только отсрочка по дороге Тпру, и ровно через восемь минут они воссоединились. Но в играх, требующих прыгучести и выносливости, прогресс не шёл, а бежал: Коник незаметно из запасных впрыгнул в основной состав. Не меньших усилий требовали и разные легенды – обоснования дворовой и школьной жизни. И-го-го (младший брат «жеребёнка» О-го-го) рассказывал, как он ловко перевернул тетрадь, чтобы двойка за русский превратилась в пятёрку. Или с полной уверенностью утверждали, что в желудке температура сто градусов. Такое объяснение родилось из термина: пища переваривается в желудке, а известно, что еду можно сварить только в кипящей воде, то есть при ста градусах. Коник по опыту знал, что о чайник с кипящей водой можно обжечься, но сколько после обеда ни прикладывал руку к животу, рука не обжигалась.

Между тем школа приближалась с неотвратимостью долгожданного опасного и заманчивого путешествия: билеты были уже куплены. Первого сентября на школьном дворе «жеребят» построили по росту (девочки и мальчики отдельно), рослые – «ашки», мелкие – «бэшки», и развели по классам. Коник оказался на втором ряду за четвёртой партией. Учительница, намереваясь узнать, кто как умеет считать, спросила: «Сколько цветочных горшков на ок-

нах?». Коник насчитал пять, так и ответил, но оказалось, что башкастый «жеребёнок» возле окна заслонил один горшок головой, а Коник не заметил, и когда учительница поправила его, то подумал, что надо считать все горшки, и на окошке, и на плечах. Показали первые буквы: «А» и «У» и написали слово «Ау». Коник скакал домой, и отягощённый, и окрылённый. Выйдя на двор, Коник сообразил, что можно написать ещё слово «Уа» на прикладе деревянного игрушечного ружья. «Жеребёнок» И-го-го не поверил, что Коник сам сообразил. А Коник привычно заметил, что большие скорее поверят, что ты дурак, чем умный. И-го-го в школе любил показывать, что он сильнее, и давал щелбаны. Отобрал ручку-вставочку, отошёл метров на шесть-восемь и крикнул: «Лови», думая, что Коник поймает и начнёт убегать. Коник побежал навстречу, поймал ручку и пробежал мимо бегущего И-го-го. Да, надо идти навстречу опасности, и тогда она пронесётся мимо! Так он и жил бы во власти своих ног, но стали учить азбуку, и, хотя старшие «жеребята» утверждали, что учат одни «девчонки-жеребёнки», в буквах была тайна, которую хотелось разгадать. В большую перемену Коник, как баран на новые ворота, смотрел на предложение в полторы строчки в книге про лошадь Будённого. Всю перемену он подсаживал буквы на забор, бекал, мекал, пока неожиданно буквы не перепрыгнули на ту сторону и сложились в слова, а те в предложение. С этого времени оказалось, что в книге можно убежать дальше, чем по улице, и в такие места, куда обычные жеребята и за год не добегут. Коник впал в другую крайность, стал читать, где только ни находил книгу. Сначала домашние не нарадовались, какой умный «жеребёнок», но потом оказалось, что он читает не только дома, но и в школе, на уроках, а что уроки? Отец однажды, придя с работы и обнаружив не застеленную постель, не вымытый пол, в сердцах разодрал книгу, как стрекозу: все крылышки – листочки по полу. А когда обнаружилось, что книга библиотечная, с удивительным мастерством Левши собрал и приклеил все странички-крылышки, так что можно читать – летать дальше. А библиотекарь, что библиотекарь, ничего не понял.

– Коник, ты чем занят?

– Арифметику делаю. – Бабушка была неграмотная, и Коник спокойно положил на «Трёх мушкетёров» тетрадь по арифметике.

– Не обманывай, это не учебник, выключи радио, иди овсянку поешь.

Вот так в Коника вместе с овсом, как «дважды два», под марш красных кавалеристов проникал цокот копыт по парижской мостовой. И всё-то это помещалось в нём.

Если зимние холода обнимали – погружали в книгу, то тепло выгоняло из дома. Город манил воспоминаниями – снами. Маленьким мама в коляске вывозила его на заливной луг. Небо, дома, заглядывающие в глаза, деревья, заплоты – всё улыбалось, и дождик трогал своими ласковыми пальчиками. И вот эта-то память и тянула, тянула. «Копыта» Коника истоптали тротуары в радиусе часового путешествия. Время от времени наталкивался на местных. (Этот случай произошёл ещё до школы.)

– Ну что, драться или бороться? – спрашивал старший из них. (Как-то на их территорию забрёл такой же «путешественник». Он с забора упал на кучу железа, но не издал ни звука, и его с уважением проводили до ворот).

– Бороться, – оценив шансы, отвечал Коник.

По уличному кодексу драться ногами – нельзя, что сковывало половину возможностей. Встречные зачастую были больше, и дотянуться кулаками было проблематично. Скорее всего, это была такая же вольная конница, привлечённая необыкновенным зрелищем. На углу Ленина и Кирова пробили десятиметровый шурф, вынимали мёрзлую землю – тоннель! Чужаки также удалились от родных конюшен и надеялись не на «стена», а на кодекс. Перед поединком, скинув пальто, демонстративно похлопали одежду: в карманах и за пазухой нет запасных железных подков. Схватились, у Коника в «братской борьбе» были отточены несколько приёмов, обычно, ловким движением схватив за грудки, перемещался за спину, рукой упирался под подбородок, оттягивал голову соперника назад и всем весом начинал давить к земле. Но в этом случае победа несла в себе опасность драки уже с тремя. Независимых арбитров не было, а вожак не мог уронить под чужие копыта свой авторитет. Повозившись, сделав несколько подножек и попыток бросков, запыхались. Коник не давался, приземлялся на ноги. Соперник был выше и плотнее, и Коник не мог применить свои коронные приёмы. Наверно, эта схватка была отчасти ритуальной: пришельцы не знали – может быть, недалеко чужой табун. И дело кончилось ничьёй. Вожак, оглядывая своих: не уронил ли он случаев авторитет, признал достоинства Коника. Надо сказать, что такая встреча в стиле странствующих рыцарей была нетипичной, потом столкновения напоминали или пиратский абордаж, или разбойничьи грабежи с «кистями и посвистом»: «Дай копейки!». Но для «не рыцарских встреч» Коник при себе имел пятую подкову (это пятая нога лишняя, а подкова приносит удачу).

Коник и не знал, что это только один из многих предстоящих поединков. Ведь дело было возле его восьмой школы, возле его любимой восьмой школы. И школа, и замечательная жизнь были впереди.

Анна ТРИФОНОВА**МЕЖДУ МНОЙ И АНГЕЛОМ**

Он очень похож на маму! – одна из первых фраз, которую услышал Петя в своей жизни.

Ты действительно очень похож на своих родителей! Ты ещё не видел своего папу, но, поверь мне, нос у тебя точно его.

Петя смотрел на мир с неподдельным интересом. В первый раз в своей жизни! В день рождения малыша стояла солнечная погода, в первый день своей жизни малыш видел яркое солнце.

Утром Ульяну вместе с новорождённым перевели в палату, и она осталась с Петей наедине. Она смотрела на своего ребёнка с большой любовью и любопытством.

– О чём же ты думаешь? – эта мысль крутилась в голове у молодой мамы постоянно.

Несколько дней Ульяна с ребёнком привыкали друг к другу. Домой они поехали в положенный срок, после обеда муж приехал в роддом за семьёй.

Какой знакомый голос! Это мой папа? Малыш повернул голову в сторону и вдумчиво смотрел вдаль.

– Знакомься, солнышко, это папа.

Очень интересно! Я думал, что мы живём подальше... Дом совсем рядом. Мама немного устала, нужно дать ей отдохнуть! Да я и сам хочу спать.

Спокойного сна, дружок. Набирайся сил! Когда ты проснёшься, я буду рядом.

Скоро Петя проснулся и увидел перед собой знакомое лицо.

Здравствуй, дружок! Я рядом! Скоро ты будешь разговаривать так, как взрослые. А пока ты будешь общаться с мамой по-другому.

А ты, ты останешься со мной?

Да, дружок. Я буду рядом и во всём тебе буду помогать. Взрослым меня не увидеть, да и нельзя, запрещено это.

Как? Я не смогу познакомить тебя с мамой?

Дружок, я очень хорошо знаю твою маму, в этот мир мы пришли вместе. Дело в том, что нам нельзя показываться взрослым, поэтому ты пока не можешь говорить. Тебе ещё очень многое предстоит узнать. Но, к сожалению, придётся кое-что забыть.

В этот момент малыш заплакал, он совсем не хотел расставаться со своим другом. Ангел улыбнулся, подбежала Ульяна и взяла малыша на руки.

Дружок, не грусти, у тебя есть твоя мама, она всегда будет тебя защищать. А я всегда буду где-то рядом, пусть ты не будешь помнить про меня.

Малыш посмотрел в мамины глаза и успокоился. Он знал, что Ангел будет заботиться и не оставит в беде ни его, ни его маму.

Ульяна смотрела на Петю и думала о том, сколько всего предстоит узнать маленькому человеку, а рядом стоял тот, кто привёл за руку в этот мир их обоих.

Ангел улыбнулся и подмигнул малышу.

– Дружок, мама не догадается, что ты всё знаешь, это будет наш секрет. К слову, с Ульяной у Ангела были точно такие же секретки.

СВЕКРОВЬ ПОБЕДИЛА?

Ни для кого не секрет, что нередкие семьи, где свекровь третий человек, а иногда и второй. Эти противоборства идут с основания института семьи, но с популяризацией феминизма они приобрели более открытый характер. Вот небольшой рассказ об одной моей доброй подруге, которая извлекла большую выгоду из такого конфликта.

Марина и Петя полюбили друг друга, когда им было по 20 лет. Из этой семьи стремительно выросла ячейка общества. Стали они жить семьёй – Марина, Петя, их сын Марк и свекровь. Как и многие матери, свекровь искренне считала, что Марина совсем не достойна её сына. По моим личным наблюдениям, если женщина так считает, то в большинстве случаев такого мужчину никто не достоин, «сладенького пирожочка» заслуживает только мамочка. Стоит ли рассказывать, что в семье нередки были конфликты, поскольку Марина была не из робкого десятка. Свекровь это очень раздражало, она привыкла, что все её слушаются беспрекословно.

В действительности же Анжелика Валерьевна (так её звали) была женщиной недалёкой, склочной и со своей «придурью». Ни муж, ни сын попросту не хотели связываться, проще промолчать. От этого у неё возникала стойкая иллюзия о том, что в доме у неё прочный авторитет. Муж Марины был так называемым «сыном маминой подруги». Самым лучшим, самым правильным. Правда был он таким только в глазах мамы.

Петя был человеком, который очень любил ссылаться на обстоятельства, если что-то шло не так, а случалось это очень часто. Марина почувствовала неладное, когда Петя стал выпивать и покуривать травку. В силу возраста она посчитала, что сможет справиться с этим и повлиять на мужа. Анжелика Валерьевна всячески этому препятствовала. Понимала ли она, что оказывает сыну медвежью услугу? Она об этом и не думала. Не в силах признать тот факт, что кто-то пытается встать между ней и сыном, она всё больше изводила невестку.

Марина была умной девушкой, и понимала мотивы свекрови, но уступать ей не собиралась. В конце концов Марина и Петя развелись. Петя становился всё более зависим, а потребность жалеть себя в нём росла. Петя остался при своём образе жизни, желая в душе, чтобы Марина обязательно поняла, как она не права, причём самым печальным образом.

А что о свекрови... Она действительно думала, что победила, и такая девушка недостойна её сына. Знала ли она, что способствовала деградации Пети? Если только в глубине души. Гордыня мешала ей понять, что она упустила родного сына. Лишь на мгновение, перед сном, ей становилось очень страшно. Жаль, что она так и не распознала, отчего ей так страшно.

ИСТОРИЯ БОМЖА

Если человека в наше время определяет только социальный статус, то наш мир медленно умирает.

На улице стояла серая, прохладная погода, такая погода всегда пытается сказать людям: «В этой жизни ничего не изменится». Люди проходили по улице, недовольно съёжившись и кутаясь в куртки, скрючившись при этом в форму вопросительного знака. Идя в такой позе, удобнее всего смотреть под ноги, где лужи, мусор и пролетающий пустой пакет молока, который прокатился прямо мимо ног Василия Филипповича. Поскольку Василий Филиппович был простым бомжом, люди обычно не обращали на него внимания, и он был этому рад. Ведь если к нему когда-либо и обращались, то только за тем, чтобы обругать его, вылив при этом на него всю внутреннюю злобу на этот грёбанный мир. Он жил на улице уже достаточно долго, чтобы привыкнуть и не обращать внимания на пустые нападки людей, хотя, если быть честным, эти дни на улице были не из лучших. Лучшими днями, относительно ситуации, конечно, можно было назвать те дни, когда удавалось собрать и сдать достаточно бутылок для покупки нормальной еды, или же те, когда на мусорку выкидывают продукты, которые ещё не успели испортиться. В целом, все хорошие дни были тогда, когда ты поел и не сильно замёрз. В жизни бомжа этого вполне достаточно для того, чтобы день стал чуть лучше. А когда-то, в прошлой жизни, Василию Филипповичу нужно было от жизни чуть больше. Сейчас его все кличут просто Кир.

Прозвище своё он получил «в честь» улицы, на которой он раньше проживал, на улице Кирова. И это прозвище – единственное, что осталось у него от прошлой жизни.

Когда-то у Кира была семья, жена и двое детей. Разумеется, тогда Кир ещё не был бомжом, он был простым автомехаником Василием Филипповичем, которого все по-свойски называли Филиппыч. Жил он просто и предсказуемо, без излишеств и приключений, так же, как и многие люди, по инерции, так сказать. Но его это вполне устраивало. Как говорят, не всем быть начальниками. Семья Филиппыча была одета и обута, в доме всегда была еда. Конечно, многого они себе позволить не могли, но при этом и нельзя сказать, что жили они бедно. К сожалению, жена Василия так не считала. Наталья очень часто пилила его за то, что её подруги живут лучше, их мужья занимают хорошие должности, они могут путешествовать и позволяют себе покупать дорогие вещи. При этом жили они не бедно, но, как говорится, нет предела совершенству. Эту фразу любила повторять Наталья, ежедневно напоминая о том, что они, по её мнению, волокут жалкое существование, а некоторые-то вон... И дальше был очень длинный список всего, чего Наталья лишена из-за его простодыроности. Люди они совершенно разные, и рамки окон, сквозь которые они смотрят на мир, разных форм и цветов. Ведь ты живёшь именно в том мире, который видишь перед собой. И, чтобы родные сердца встретились, они должны жить в одном мире, в чужом сердце просто погибнет.

Именно поэтому в один из обычных дней Наталья ушла от мужа, без лишних слёз и разъяснений. Несомненно, всё к этому и шло, но Василий в глубине

души верил, что Наташа его любит и не станет рушить семью. В планах Наталья и не собиралась её рушить, она просто решила заменить один элемент, называемый отцом семейства. Новый мужчина и перспектива жить красиво поставили точку в отношениях между Василием и Натальей. Для Филиппыча это стало страшным ударом, он так ценил семью и просто обожал своих дочурок. Тем не менее, решение её было непреклонно, и вскоре они уехали. Наташа не хотела, чтобы дети помнили настоящего отца, в таком возрасте она легко могла выдать за их родного папу своего нового избранника. Так и случилось. Филиппыч не мог укрыться от горя, был сам не свой.

Поскольку человек он по натуре своей очень мягкий и ранимый, он медленно стал превращаться в Кира. Работа ушла сама собой, а квартиру продал сам Филиппыч. Все деньги он положил на счёт, который открыл для своих девочек, понимая, что новая личность, которая в нём просыпается, не позволит рационально и правильно распорядиться деньгами. Вот с тех пор он и стал бомжом. История Кира умалчивает подробности его бродячей жизни, ибо у всех она одинакова и очень однообразна. В его жизни поменялось всё, за исключением одного – его отношения к этой самой жизни.

Сегодняшний день Кира начался, как обычно, однако скоро он будет озаглавлен чередой судьбоносных встреч, впрочем, как и для Лены, девушки, с которой Кир повстречается. Кир прогуливался по парку в поисках пустых бутылок и жестяных банок в мусорных баках, как вдруг он увидел девушку с двумя пакетами продуктов, на вид очень тяжёлых. Только Кир подумал о том, как же ей тяжело их нести, как вдруг пакеты рвутся и все продукты падают на землю. Кир подошёл, чтобы спросить, не нужна ли девушке помощь. Осознавая брезгливость людей к таким, как он, без разрешения он бы не стал трогать её вещи, да и обращаться к ней тоже бы не стал. Однако у девушки было такое лицо, что он не мог пройти мимо, фактически к ней подошёл не Кир, а Василий Филиппыч. Лена посмотрела на него с презрением, слово с ней рядом стоит существо, которое просто не имеет права разговаривать с человеком. Она очень спешила, поэтому только рыкнула в ответ что-то, типа: «Вали отсюда, бомж вонючий». Кир спокойно ушёл, не проронив ни одного слова.

К такому отношению он привык, ведь бомжует он уже не первый год. В голове у него промелькнула мысль о том, что в нём теперь все будут видеть только Кира, вонючего бомжа, не имеющего права на жизнь, которой, собственно, никто не позавидует. Второй раз Кир встретил Лену на остановке общественного транспорта и был жестоко обруган в духе: «Нечего тебе рядом с людьми стоять, вонизмом твоим все дышат...».

И вновь Кир молча ушёл, опустив голову. Он не стал дослушивать монолог, который произносила девушка с долей ненависти и презрения, он и так знал все эти шаблонные фразы, которые люди говорят таким, как он. Кир чувствовал горькое непонимание того, что же он плохого сделал всему миру. Ответа на этот вопрос, увы, нет даже у тех, кто на него ополчился.

Вечером в магазине был учёт, и Лена задержалась на работе допоздна. До дома идти недалеко, и она, решив сэкономить на такси, пошла домой пешком. По пути на неё напали несколько человек, явно в нетрезвом виде. Один из них закрыл ей рот рукой, другой стал рвать на ней одежду, попутно избивая

девушку, то ли для того, чтобы она помалкивала. Лена могла думать только о боли, о непрекращающейся боли и страхе, который поднимается вверх от живота до головы и заставляет её кружиться. Двое подонков уже прижали её к дереву.

Проходивший мимо Кир увидел эту ужасную сцену. Кир сразу ринулся на помощь, хоть и шансов у него было мало, хотя в этот самый момент едва ли он оценивал свои шансы. Двое сразу кинулись его жестоко избивать ногами. Они набросились на него как звери, пинали ногами и били какой-то палкой, при этом громко смеясь, будто им это доставляет истинное наслаждение.

Видимо, кто-то, кто так же наблюдал эту жуткую картину, вызвал полицию. После того, как преступники были повязаны, один из полицейских подошёл к деду и пощупал пульс. «Пульса нет, вызывай труповозку», – сухо проговорил он. Лена, вся в слезах и полном шоке от произошедшего, подошла к бездыханному телу и узнала в нём того самого бомжа, которому столько всего наговорила накануне. Она упала на землю, её переполняли смешанные чувства радости, страха, горечи и стыда. Немного придя в себя, она стала осматривать его карманы, чтобы найти документы и узнать имя человека, который защитил её. Вместе с документами она нашла письмо. Василий Филиппович написал его своим детям, и всё время носил его с собой. В письме он не говорит, что он их отец, он просто пишет, что когда-то давно очень хорошо знал их семью, знает их с пелёнок и очень сильно любит. Также он упоминает про счёт, который был им открыт, его он преподнёс как подарок в честь совершеннолетия. Также Лена нашла ещё одно письмо, которое было адресовано человеку, который когда-нибудь найдёт его бездыханное тело. В письме Филиппыч рассказал о своей жизни. Писав это письмо, он просто надеялся, что кто-то помянет его добрым словом после его смерти. Филиппыч знал, что встретит свою смерть на улице, и фактически он сам выбрал для себя такую судьбу, вот только она его не выбирала. Лена незаметно спрятала эти письма, и после ещё много вечеров их перечитывала. Она пыталась найти причину своей агрессии к совершенно незнакомому ей человеку, но так и не нашла.

Одно она знала с уверенностью: после этого дня она уже никогда не будет прежней, что-то в ней изменилось. Василия Филипповича похоронили, и жизнь пошла своим чередом. У Лены постепенно всё вошло в своё русло, со временем она всё пережила и перестала бояться ходить по улице, соблюдая при этом должную осторожность, конечно. Всё вновь стало прежним, кроме одного. Её взгляд на жизнь уже никогда не будет прежним. А могила Филиппыча стоит всегда опрятная и ухоженная. Лена приходила и разговаривала с ним, рассказывала про свою жизнь, просила совета, хотя и знала, что он ей не ответит. Но, находясь именно там, она всегда знала, как ей поступить.

После смерти Василия Филипповича с ним говорили так хорошо, как никогда не говорили при жизни. Жаль, что для того, чтобы хоть кто-то это понял, ему пришлось умереть.

Иванна ДУНЕЦ**НЕЖНОСТЬ РОЖДАЕТСЯ****ТАК НАДО**

когда вдруг станет минорно, так нарочито грустно,
когда в порыве перелистнуть главу о любви и надежде –
открой окно,пусти ветер, вдохни воздух колюче-снежный
и улыбнись, пусть через силу, – трудно пусть, но

попробовать стоит, поверить, и даже вспомнить,
как нежность рождается точно-кожно на выдохе слова,
как смотришь на горизонт, веря линиям, формулам и основам,
как, обернувшись, смотришь секунду, чтобы на годы запомнить

родную, чуть сутулую спину, походку и пальцы у губ
в поцелуе воздушном, скрытом от постороннего взгляда,
и полушёпотом грустная мантра: так надо, так надо, так надо, –
с надеждой, что расстояние не вечно, что звёзды и цифры не лгут.

МАНА¹

о, мана
не соберусь –
осколок к осколку

в наушниках
твоя грусть
звучит без умолку

пытается заглушить
our spaces
тщетно

замирая
не жить – жить
усердствует сердце

---

¹ Мана — в верованиях народов Меланезии и Полинезии существующая в природе сверхъестественная сила, носителями которой могут быть отдельные люди, животные, различные предметы, а также духи.

а впереди – самолёт
надежда
и небо

на левой ключице жжёт
любовь моя –
небыль

БЛАЖЕННАЯ

я забуду тебя до рожденья
до рассвета
до первого вздоха
до минувшего вечность мгновенья
я забуду – блаженная кроха

принимая иллюзию –
майю
ей поверю
реальность снедая
полагая наивно, летаю
я жива
я дышу
я – такая

но от сна пробужденье настанет
в тот момент
когда сердце забьётся –
неумело так
с нарастанием –
ко мне память в секунды вернётся

я очнусь
и вернусь
вспять – к себе
всё
пойму
всё
узнаю – блаженна –

это ты
ты
ты

и в тихой мольбе
пред Блаженной
паду
на колена

ПРОСНУВШИСЬ...

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же – лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан, а теперь пребывают эти три: Вера, Надежда, Любовь; но Любовь из них больше...

первое послание Коринфянам, (13:13)

Люблю тебя. Обыденно, банально.
Без хитроумства и интриг сплетений,
жеманства без, упрямого страдания,
обычно так – без всяческих стремлений
быть понятой, услышанной, желанной,
единственной и очень, очень нужной,
и без иллюзии упорного желания
делить с тобою ежедневно ужин.

Люблю тебя не нарочито. Безусловно.
Со всеми страхами, делами, суетою,
с успехами, провалами и шансом
стать непременно яркою звездой
на небосклоне человеческих созвездий,
что сонмом вереницей только в вечность
безудержно кружат её уезды,
не покидая, к сожалению, млечный.

Люблю тебя открыто и безгласно.
Лишь про себя себе признавшись,
что не указ мне, что не властно –
ни прошлое, что призраком увядшим
воскреснуть вновь и вновь стремится,
ни будущее, что уставшим
и воспалённым сновидением смыто

капелью утренней в стекло...

Надежда МИТЯГИНА**ДНЕЙ И ЛЕТ МОИХ ЗОЛОТО****МОНГОЛЬСКИЙ РЫНОК**

Монгольский рынок в Кош-Агаче
В дрожащем зное,
Торговый путь шумит и, значит,
Восток со мною –

Тигровый Ирбис-ту здесь стынет,
Жизнь охраняя,
В жемчужном блеске спят святыни,
Степь освещая.

Алтайцы и казахи бродят,
Авто трезвонят,
Верблюдов злых из дикой Гоби
Монголы гонят.

Овец ведут – товар богатый:
– Шашлык? – Пожалуйста!
И вечный ветер – с ароматом
Овечьих шариков.

– Купите фрукты, приоденьтесь! –
Зовут в проходах.
...Как носят платья, тубетейки
И – чувство рода!

– Якши, привет! – в толпе всё чаще
И оживлённей.
И я бесстрашней с настоящей
Кипчачкой Олей.

Когда, обнявши горб верблюда,
Прямила спину,
– Держись сильнее! – вскричали люди
И: – Стой, скотина!

Глазами зыркнул азиаты
С кирпичных ликов –
Они всегда игрой богаты,
Теплом велики.

* * *

Сорока долго ругалась,
Что я забрела в тихий сад,
Где тропы усыпал горох
Клёваной птицами вишни,
Рубины снимаю в чаще.
Кузнечик коснулся щеки
И, словно обжѣгшись, легко,
Пружинкой взмывает к небу.
Неужто мешаю ему?
– Ау!

* * *

Воды я подала напиться
И поняла косящий взгляд.
А под ногою путь дымится,
Нет обещаний, нет преград.

Уже пора. Уже скучаю.
Прохладно утро на земле.
Касанье тёплых губ встречаю,
Как просьбу: помни обо мне!..

Он уходил, рысак поджарый,
Лилово глаз дрожал, ревнив...
Тюльпанами звеня в барханах,
Летела б кобылицей с ним

Бок о бок, с ветром без границы
Летела б с милым наравне,
И песне множиться, и длиться...
Но след пропал в чужой стране.

* * *

Душа жива – в ней песни и стихи.
Свечой сгорая, поднимаясь в плаче,
И недруга врагом не окрестит:
Стать человечней – каждого задача.

Слепца к прозрению Небо призовет
И разразится гром в его пустыне,
И саксаул засохший зацветёт,
Бутон кувшинки вспыхнет в чёрной тине.

* * *

Кружатся, падают листья –
Дней и лет моих золото.
Всплески волнений, находок
Ветром, течением сносит
К пульсу усталой планеты,
К пеплу круговращения
К тьме вспышек, вышек, курганов,
Где бродят ночные тени,
Кони бледные, воины,
Толпы рабов и владельцев.
Предки безгласо бередают
Славу, конвульсии, страсти
Ленина, Теслы, Билла Гейтса.
Век внедрённых открытий
Лики пространства коробит,
Бряцает атомным ломом...
С краю – маяк дальний, образ
Бледный в молитвенном бденье...
Что ж здесь ещё остаётся
В тёмном слоении жизни
С дрожью созвездий далёких,
С жаждой тепла, мира, счастья?
– Не оставляй нас! Пусть длится
Свет из окна: тебя ждут.

В САДУ ЗАБРОШЕННОМ

В черёмухах дышала звёздами
Жизнь! Печь краснела в октябре...
Твой оклик долетел из прошлого
На жаркой яблочной поре.

Сад одичал, бредёт, неистовый,
Совсем не нужный для внучат.
Тугие груши уссурийские
В наш холм, как в памятник, стучат.

О днях метаний, лжи бессмысленной
В глуши, где не инет и чат,
Иду с заоблачными мыслями
Сквозь вечное, рай, грех и ад.

* * *

Шагаю в снег и пыль дорог
И неоглядность постигаю.
Что там готовят Бог и рок?
И что успеть могу – гадаю.
Забыв мой щит в дыре ворот,
Зарубцевались в сердце раны,
Совсем на доньшке вино
Сил молодых и ожиданий.
Но тот, кто в путь давно послал,
Чтоб, разрываясь, всё ж сбылась я,
Приставил вестника-посла,
Чья речь звучала, как причастье:
Припомни даль в знахарском сне,
Что ты прошла огнём и пылью.
С закалкой такой вполне
Беду-разруху пересилишь.
Росточек света защищай,
Люби, храни душе подарком,
Так вдоль зимы летит трамвай,
Спасая жизни в бурном мраке...
– На все вопросы есть ответ
В земном пути! – шепнула Млечность.
Пусть добрых дел исчезнет след –
Неси участие и сердечность!

Наталья БУКОВСКАЯ**КАК РАСТЁТ РАССТОЯНЬЕ**

* * *

Всего на Третьяковской вдоволь...
На Рождество и стар, и млад
Здесь, возле снеди новогодней,
Жуют ватрушки, мармелад.

Здесь чай, здесь самовар и сушки –
Весёлой ярмарки расклад.
Есть ёлка и на ней игрушки,
Мороженое нарасхват.

Вот только не хватает снега,
Его искристой белизны,
Как будто не досталось хлеба
Средь яств заморских новизны.

Но схлынул лишь поток туристов,
Вздохнуло небо, и снежок
Пошёл пушистый, вольный, чистый
И лёг легко под сапожок.

Он словно приберёт богатство
До срока главное своё,
Чтобы его людское братство
Не растоптало сразу всё.

Москва, 2019

* * *

Расцветает солнце в окне,
Лепестками лаская шторы.
Посмотри, как бегут по стене
Золотые его узоры.
Их доверчивую теплоту,
Все минувя прошлые беды,
Осторожно тебе поднесу,
Словно не было той беседы.

Словно это совсем не я
При луне вся в слезах сверкала,
Прогоняя навеки тебя,
Возвращенья любви не желала.

* * *

Поезд отправляется,
Самолёт улетает...
Проверьте ваш слух,
А не то подкачает.

Не дай бог, опоздаете,
Ведь посадка не вечна...
Кто-то вас обнимает
И целует сердечно,

Кто-то машет рукой
И мечтает вернуться.
Мы не так далеко,
Но уже не коснуться.

Всё украсят цветы,
Может быть, на прощанье,
Но откуда нам знать,
Как растёт расстоянье.

Но откуда нам знать,
Как кончаются встречи.
Отправляемся в путь,
Задуваем все свечи.

* * *

Снова мокрый липкий снег
Вокруг катка.
Мы могли б слепить с тобой
Снеговика,
И смеяться, и не думать
Ни о чём,
Наши двери открывать
Одним ключом.
Снова утренний морозец
И туман.
Мы могли прийти друг к другу,

Словно в храм,
И молчать, и говорить
Глаза в глаза,
И обиды отпускать,
Не зная зла.
Снова брошен возле кресла
Синий плед,
Но тебя со мною рядом
Больше нет.
Если в доме начинались
Холода,
Утепляли окна вместе
Мы всегда.

Андрей ПУЧКОВ

ЗНАМЯ

На первый взгляд это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребяташки, играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако временами начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но дело не в этом – мало ли как бывает. Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычным было то, что они иногда замирали на месте и начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если, не дай бог, в это время где-то раздавался громкий звук, неважно какого происхождения, они как по команде срывались с места и бежали к подвалу.

Поначалу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Они были круглыми сиротами. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго. И, чтобы рассудок оставался нормальным, природа предусмотрительно приглушила боль от потери родных людей, загнав осознание этого на задворки разума.

Некоторые из них вообще без взрослых неизвестно как выжили в подвалах разрушенного города. Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но ничего не вышло. Каким-то непостижимым образом вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше друг с другом даже не были знакомы. Из двенадцати детей только трое знали друг друга – их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, которые набрали в разрушенном неподалёку магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого мне пришлось выделить для них отдельное помещение и создать семью, состоящую только из этих ребяташек. Но самым кошмарным было то, что на ночь они забирались спать под кровати.

Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с ног сбились, пытаясь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале...

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – откликнулся я и негромко добавил: – Не заперто.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич! – впрорхнула в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. – Алексей Николаевич, баба Надя... простите, Надежда Ефимовна, – смущённо поправилась она, – просит, чтобы мы сегодня разре-

шили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с Мариупольской группой...

– Присаживайтесь, Вера Андреевна, – кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница устроится, и спросил:

– И о чём же она собирается с детьми говорить?

– Я не знаю. Она не сказала, – растерянно пожала плечами Верочка. – Она давно работает, может, у неё получится как-то повлиять на них?..

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, она ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии.

– Ну что же, пускай попробует, – согласился я, – плохого точно не расскажет.

– Так, хорошие мои! – раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади. – Давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж и заскрипели кровати.

– Ну вот, вижу, разместились, – довольно проговорила баба Надя, и вдруг со смешинкой в голосе добавила:

– Осталось только нашего уважаемого директора позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не будете против, если он вместе с вами послушает?

Чертыхнувшись про себя, я толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного – девятилетнего Стёпки, который, насупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот был самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах, и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задирался со всеми, даже с мальчишками, которые были старше его и явно сильнее. Но больше всего почему-то доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

– Я не знаю, правда это или нет, – между тем начала баба Надя, – было это на самом деле, аль придумал кто, но, сказывают, что произошло это в вашем городе...

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях свёрток.

– А чего произошло-то? – спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

– Чего, чего... – ехидно передразнил девочку Стёпка. – А то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

– Да дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали волтузить их так, что только пух и перья полетели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом, и зашли в этот подвал...

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом тяжело вздохнула:

– Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины там были, и старики, и деток малых много было. Увидел это самый главный нацик, обрадовался. Некому было заступиться за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить. Приказал он своим солдатам убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно...

Баба Надя замолчала и опять погладила лежащий на коленях свёрток.

В комнате стояла тишина. Дети, открыв рты, замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Стёпка:

– Они же их не убили? – хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил: – Не убили ведь?.. Правда?!

Баба Надя, как будто не слыша вопроса, продолжила:

– Увидели нацики полотно, и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех! Всех!.. Никого не щадить!..». И начали они стрелять!.. Но ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от него и летели обратно, поражая самих нациков.

Долго стреляли они. Уже целая гора из их тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину... Не удержала она полотно... Выпустила его из ослабевших рук...

– Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! – прошептала Светик и закрыла рот ладошками.

– Нет, солнышко моё, – улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове. – Не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! – кивнула она Стёпке. – И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! – повторила она, возвысив голос. – И закрыл людей!

И опять кричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что если не справится, выпустит его из рук, защитит людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям, и бросил в мальчика бомбу...

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлинула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

– Не повезло главному нацику! Глупый он был и дурной! – вздохнула она. – Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось ...

И тогда Светик засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати.

– Это неправда! – раздался вдруг Стёпкин голос. – Бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату бросил...

– Не знаю, хороший мой, может, и гранату, – грустно улыбнулась баба Надя, – не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги вот это к стене спальни прикрепить, – и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, в верхнем левом углу которого белой краской была нарисована звезда.

– А я знаю, что это! – сказал вдруг Стёпка, и провёл рукой по красному полотну. – Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

– Это ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. – прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. – Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у вас? А кто вам его дал?..

– Да, это оно, – засмеялась баба Надя, – а на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети сами во главе со Стёпкой приколотили знамя кнопками к стене рядом с дверью и разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка, впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности.

Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Им нужна была защита, и баба Надя дала им эту защиту.

И Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Виктор ФОМЕНКОВ

Е Ж И

Было это в сентябре.

В тот год я проспал пол-лета на сеновале, на чердаке дома. Ночи были ещё тёплые. И вот под утро я вдруг ощутил холод. Меня знобило, и я проснулся раньше обычного. Поворочался с боку на бок и решил всё-таки встать. Покинул лежанку, оделся, распахнул чердачную дверцу и увидел сад в густом тумане. Спустился с чердака на землю. Позёвывая, сладко потянулся, почувствовал лёгкость в отдохнувшем теле. По тропинке, мокрой от густого тумана, отправился в сад. Туда, куда ходил почти каждое утро. Но я не увидел конца сада, как это было в ясную погоду. Сделав несколько шагов, подошёл к яблоньке. С мокрой ветки сорвал яблоко. Вытер о штанину, надкусил и бросил плод.

Сад стоял без шорохов. И вдруг где-то в метре-двух от меня раздалось негромкое пофыркивание и возня. Меня взяло любопытство. Тихо подкрался к тому месту. За кустом смородины заметил пару ёжиков. Присел на корточки, притаился, наблюдая за парочкой. Меня поразило, что она не поделила яблоко. Зачем драться за одно? Яблоко-падалиц полным-полно в саду! Ёж покрупнее и, видимо, поздоровее оттолкнул соперника от яблока раздора. (Оно лежало чуть в стороне и не на траве, а на земле.) Я недоумевал: чем этот плод так привлекает ежей и почему именно это яблоко стало причиной ссоры? Переступая, нечаянно наступил на сухую веточку. Раздался хруст. Ежи увидели меня, и схватка мгновенно прекратилась: они, опасаясь, свернулись в колючие, неприкасаемые клубочки. Я тихонько толкнул одного, затем другого. Комочки съёжились ещё сильнее, стали меньше. Я решил не мешать ежам, ушёл.

Когда через некоторое время вернулся, ни этой воинствующей парочки, ни того яблока уже там не было. «Кто же из них забрал яблоко? – раздумывал я. – Первый, более крупный? Или второй?» Так для меня и осталось загадкой, что владело животными. Жадность? Зависть? Или то и другое вместе?.. «Вот так часто бывает, к сожалению, и у людей, – грустно вздохнул я.

В ПАСХАЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Другу Борису Беликову посвящается

Весенний апрельский день. Тёплый, безветренный. Будто сам Господь Иисус Христос послал с небес на землю такую благодать. Купола церкви купаются в первых ярких лучах солнца, отражая оцинкованной кровлей его отблеск. Сегодня Светлое Христово Воскресение! Идёт Пасхальное богослужение.

Перед воротами церкви хаотично припаркованы легковушки, подводы с привязанными к изгороди лошадьми. Люди идут и поодиночке, и парами, и небольшими группами. Встречаясь, низко кланяются друг другу, некоторые целуются троекратно, радостно восклицают: «Христос воскрес!» и слышат в ответ не менее радостное: «Воистину воскрес!».

В ворота церковной витиеватой изгороди вошли два старичка. Дед Николай и его двоюродный брат Алексей, моложе Николая на пять лет, приехавший в гости с женой. Дед Николай шёл медленно, опираясь левой рукой на палочку. Минувя ворота, приостановились. Дед Николай повернулся лицом к храму, перекрестился.

– Пусть земля будет ему пухом. Царство Небесное! Теперь есть где народу помолиться.

– Николай, ты бы рассказал про этого глухонемого, – попросил Алексей.

Он небольшого роста, худощав, с впалыми щеками на морщинистом лице. Лишь голубые глаза придавали немного свежести. Хоть Алексей моложе Николая, но выглядит старше брата.

– Давай присядем вон на ту скамеечку у изгороди. Подождём, пока наши старушки из церкви выйдут, – предложил Николай.

Сели на недавно покрашенную скамейку. Николай поставил палочку возле больной ноги, жалуясь:

– Болит, стерва. Время берёт своё, брат.

– Ничего не поделаешь, – вздохнул сочувственно Алексей. – Стареем. – Напомнил просьбу: – Так поведай о глухонемом.

Брат откашлялся и начал рассказывать.

– Значит, так было дело. Не было у этого человека ни имени, ни фамилии. Откуда появился, никто в селе не знает по эту пору. Так как человек был глухонемой, народ дал ему прозвище Купырь. Это глухонемой и значит. А началось всё с того, что однажды летним вечером убогой с детства Агафье Иевлевой было странное видение. Будто идёт по улице человек прямо к её калитке. И излучает он яркий свет. Агафья испугалась, окаменела. Ноги отнялись. Она глядит на странного человека, хочет что-то сказать, а не может языком пошевелить. А он ей говорит:

– Не бойся. Или не признала? Я – Николай Угодник.

– О, Господи! Господи! – только и вымолвила Агафья.

– А он перекрестил её и говорит:

– Прими от меня благую весть. Господь услышал твои молитвы. Скоро явится к тебе святой паломник. Прими его – чудотворца земного. Ты на земле прожила в бедности и хвори, а в раю ты будешь жить в радости и вечно...

– Проговорил так тот человек и исчез, так же незаметно, как и появился, – рассказывал дальше Николай.

– А ты-то откуда это знаешь? – перебил брата Алексей.

– Сама рассказывала, царство небесное ей, – ответил Николай и повёл рассказ дальше: – И вот к самому Петрову дню с большой дороги пожаловал к нам в село человек. Высокого роста, крупного телосложения, с котомкой за плечами. И направился прямо к дому Агафьи. Был он седой, как мы, брат, с тобой сейчас. Брови и глаза чернее угля. Взгляд пронизывающий. Глянет на тебя, будто насквозь пронзает. Аж дрожь колючая по всему телу пробегает. И стал он жить у Агафьи. Но народ почему-то невзлюбил пришельца. Даже побаиваться его стал. Особенно взгляда. Посчитали того человека колдуном. Заинтересовался им участковый. Откуда, мол. А потом отступился: «Бог с ним. Пусть живёт».

Зимой Агафья занемогла. Глухонемой мечется по селу, быкает что-то, губами шевелит и на пальцах что-то показывает каждому встречному. На дом Агафьи показывает. Видимо, хочет сказать людям что-то, а никто не понимает его. «Наверно, с Агафьей что-то случилось», – предполагали люди, а идти к ней с глухонемым не решались.

А глухонемой продолжал настойчиво восклицать.

И решил один только кузнец Терентьич войти с Купырём в дом Агафьи. А у крыльца её сразу собрался любопытный народ. Ждёт, когда кузнец выйдет. И выйдет ли. Вышел. Снял шапку с головы. Не сходя с крыльца, сообщил грустно:

– Умерла она.

Толпа заволновалась, закричала.

– Купырь виноват! Пусть убирается прочь колдун!

– Успокойтесь, люди! – крикнул кузнец. – По-моему, он тут ни при чём. Она умерла сама. По старости. – И сошёл с крыльца...

Хоронили Агафью в ненастный день. Снег валил валом, беспрерывно. После похорон на поминки пошли не все. Боялись. И надеялись, что Купырь покинет дом покойной. Но проходили дни, недели, а он не уходил. Однако и на улице не показывался. Целый месяц...

– Забавная история, – произнёс Алексей, когда Николай сделал паузу. И спросил с интересом: – Что же, брат, потом было?

– А то. Всего одна история поменяла отношение к Купырю.

– Интересно, какая же, – загорелся любопытный брат.

– Сам суди, – ответил Николай и продолжил рассказывать.

– Хоронили Агафью зимой. А вот пришла и весна. Ранняя. Тёплая. Быстро подошла земля. Начались полевые работы. Тогда-то и случилась история эта. Терентьич в кузнице грел какую-то болванку. Тяжеловатую. Стал из горна вынимать. Не удержал её, горячую, клещами, выронил. Упала она прямо на ногу кузнецу. А потом, от убога или ещё от чего, – гангрена пошла. А врачи как у нас? Ампутировать! Терентьич духом пал. Как же без ноги жить в деревне? Не жизнь – труба!.. И как о беде кузнеца узнал Купырь, неизвестно. Появился он в доме кузнеца. Жена, Любовь Ивановна, как увидела Купыря, так оробела до смерти. А Купырь прошёлся по горнице взад-вперёд, остановился возле неё и стал пытаться жестами, губами, гримасой что-то сказать ей. Она не могла понять. Лишь плечами передёргивает да руки разводит. А он-то её понял. А как объяснить? Тогда он разорвал штанину и ногу голую показывает. Догадалась жена...

– Гипнозом обладал Купырь!

– Чем?

– Гип-но-зом, – по слогам повторил.

– А тут Терентьич сам на костылях из другой комнаты выходит к ним. Сел на табуретку. Купырь, хоть сам глухой, но, оказывается, по губам мог прочитывать, что ему говорят. И кузнец согласился на лечение. Купырь внимательно осмотрел больную ногу, что-то пожестукировал и вышел. Как только вышел и дверь за собой закрыл, робость жены кузнеца стала спадать. Поглядела на больную ногу мужа и заохала в слезах:

- Ох, запустишь ногу, как бы хуже не стало.
- Лучше сатане отдамся, чем ногу потерять, – решил Терентьич. – А медики, они что? Оттяпают её в момент, и будь здоров.
- Ой, боюсь, толк не выйдет, а только хуже будет.
- Если этот человек от Бога, то Господь не допустит беды.
- Рискуешь, отец!
- Молчи, баба! А как мне потом без ноги жить?!

Купырь явился на следующий день рано утром. Хозяйка уже бодрствовала. Он прошёл в горницу. Перекрестился на образа в красном углу. Любовь Ивановна позвала мужа. Он, как и вчера, сел на табуретку, поставил рядом костыли. Купырь опустился на колени перед иконами и стал молиться. Закончив, налил в тазик воды, поставил кипятить. В кипяток положил каких-то трав. Настой остудил до температуры, которую вытерпит рука. Поставил тазик с травами возле больного. Засучив штанину на больной ноге, снял с неё носок и опустил её в таз с приготовленным отваром. Нога была синяя и опухшая. Купырь стал поливать её отваром, гладить вверх-вниз, что-то шептать. При этом пронзал взглядом ногу насквозь, словно рентгеновскими лучами. Кузнец почувствовал лёгкое жжение в ушибленном месте, но после каждого прикосновения Купыря боль стала уменьшаться. Он взял принесённую с собой бутылочку с жидкостью, вязкой, как клей, и нестерпимо вонючей. Намазал ею ногу и стал втирать в неё...

Рассказ прервала подошедшая к братьям-старикам соседка.

- Христос воскрес! – произнесла она.
- Воистину воскрес! – ответили они вместе.
- А где же ваши половинки? – спросила соседка.
- Ещё в храме, – ответил дед Николай.
- Понятно, – сказала соседка и отошла.
- Что дальше с кузнецом? – заторопил заинтригованный брат.
- Не спеши, Лексей. Сейчас сварганю «козью ножку»...

Алексей терпеливо ждал. Закурив, брат Николай продолжил рассказ.

– Такое лечение длилось три утренних зари и три вечерних. И ожил человек! Опухоль начала спадать, боль проходить. А кузнец стал помаленьку и ушибленной ногой наступать.

- Вот мистика! – воскликнул Алексей.
- А? Чё говоришь? – не понял или не расслышал дед Николай.
- Ми-сти-ка, – повторил по слогам брат.

– Вот тебе, Лексей, и мистика, – серьёзно проронил Николай, хотя не знал значения этого слова. И заговорил дальше о чуде: – С той поры Купырь стал целителем от Бога. Потекли к нему потоки людей с разными своими болячками. А однажды осенью пошёл я на рыбалку и очутился на мосту. Смотрю – машина, шикарная такая, промчалась через мост и вдруг остановилась. Из неё вышли двое ребят. Молодые, упитанные, одеты прилично, не по-деревенски. Поздоровались со мной культурно. Один из них спрашивает:

- Отец, это село Заревое?
- Оно самое, – ответил я.
- Глухонемой целитель тут живёт? – оживился другой.

– Есть такой. Лечит хорошо, – ответил я.

Он же просит:

– Папаша, не укажешь нам дорогу до него точно? Мы тебе заплатим хорошо, пообещал и деньги зелёные показывает

– За что заплатите? – спрашиваю его.

– За то, что дорогу к целителю покажешь, чтоб нам не путаться, не мотаться по селу попусту.

– Нет, – отказываюсь, – денег с вас не возьму, ребята.

– Да что ты, папаша? Пенсия твоя, небось, – кот наплакал. А это доллары американские. Наверное, в жизни такие не видел. Что-нибудь хорошее на них купишь себе. Бери, не стесняйся. – И сунул зелёные мне в карман.

Дед Николай сделал паузу. Поглядел на дверь церкви. Их жён ещё не видать. И он повёл рассказ дальше.

– Сел я к ним в машину. А там, оказывается, ещё один человек. Барышня моложавая. Но мне не до неё. Дорогу указываю. С шиком подкатили к дому Купыря...

– И что дальше? Что за люди в машине? – всё торопил брат.

– Оказались, как ноне говорят, новыми русскими. А барышня та – жена одного из них. Забеременеть никак не могла много лет. Где только не лечилась бедолага. По каким только курортам и заграницам не моталась – без толку. А Купырь вылечил! Будто чудо свершилось. Через год объявляются опять эти же люди у нас в селе. И уже не трое, а четверо. С новорожденным... Вот тебе, Лексей, и мистика. А Купыря энти самые новые русские завалили деньгами американскими. Да так, что он решил и начал на них церковь эту вот строить и тут же при ней жильё для батюшки. А как построил Купырь церковь, так сам отец Сергей приехал с семьёй и освятил храм. Но увы. Через год после этого умер Купырь. Народу понаехало хоронить – тьма!.. Добрый след на земле оставил после себя Купырь. Нашу церковь. Видно, сам Господь наградил его целительным даром. А скольких людей Купырь к жизни возвратил чуть ли не с того свету. Об этом одному только Богу известно.

– А вон и наши старушки идут! – пальцем показал дед Алексей.

Вместе с жёнами братьев шёл высокий мужчина, косая сажень в плечах, худощавый. Дед Николай восторженно воскликнул:

– О! С ними Терентьич! Лёгко на помине. Про него тут речь, а он навстречу!

– Христос воскресе! – поклонился кузнец старикам братьям.

– Воистину воскресе! – дружно ответили они.

– Что, уже отслужили старики пасхальную службу? – спросил у них Терентьич.

– Дык мы вперёд них ушли, – ответил дед Алексей.

– А дальше куда вы? Домой, что ли?

– Куда ж ещё нам? Самое время пасхой разговеться да куличами, – напомнил дед Николай.

– Тогда нам по пути. Подвезу вас. Забирайтесь в мою телегу. – Показал рукой: – Вон коняга моя рыжая стоит.

Старики потихоньку взобрались на телегу.

– Все сели? – спросил, оглянувшись, кузнец.

– Все, Терентьич, – хором ответили они.
– Но-о! Пошла, рыжая! – скомандовал хозяин, и телега тронулась с места, тихо поскрипывая...

Сергей БОРИСЕНКО

ШКОЛА ИМЕНИ ОДИННАДЦАТОГО КОСМОНАВТА

(Отрывок из повести)

– Петька! Петька-а-а! Ты что дома сидишь? Выходи на улицу! Тут такие дела происходят, а ты дома сидишь!

Петя услышал громкий крик соседа по переулку. Это был Генка Васильченко. Он жил в таком же одноэтажном двухквартирном доме с большим двором. Таких домов в переулке было много, они стояли в два ряда. По одной стороне три в ряд, по другой – два. И в каждом из них жили друзья Пети, а то и не по одному. Каждый ряд начинался многоквартирными домами, стоящими за высокими заборами. Все в переулке эти дома называли загадочным словом «особняки». Какой смысл вкладывали в это слово взрослые, дети не знали. Они думали, что это – дома, стоящие отдельно от всех. Особняки прятались за высокими сплошными заборами. Жизнь в них была засекречена. Выходили они своими калитками на улицу, поэтому тех, кто жил в них, не знали даже пронырливые, всё на свете знающие дети.

Жизнь в переулке была тихой, дружной. Несмотря даже на то, что были среди соседей и скандальные тётки, но это не нарушало общую идиллию, которую, похоже, создавали мужчины. Жители переулка были ещё довольно молодыми. Их объединяли общие интересы: то мужики на рыбалку все вместе организуются, причём семьями, с детьми. То договорятся все вместе по утрам проводить зарядку прямо здесь же, в переулке. Женщины тоже не отставали: вывозили организованно детей в областной центр в парк культуры и отдыха или в цирк, а то взрослые сами все вместе приобретут билеты в театр и дружно посмотрят спектакль в драмтеатре.

Проблем с транспортом никогда не было. В переулке проживало три профессиональных водителя, двое из которых работали на автобусах. Они всегда после работы приезжали домой на рабочих машинах и ставили их у своих дворов. Это происходило и в будние дни, и в выходные. Бензин стоил в то время какие-то копейки, и все без проблем скидывались на поездку, а водителю достаточно было у себя на работе на это время выписать путёвку.

Соседи жили настолько дружно, что бывало даже такое, что семья вся куда-то уезжала и оставляла «на хозяйстве» одного подростка. Так за ним взрослые приглядывали несколько дней: кормили его, следили, чтобы не пакостил, вовремя ложился спать. Чтобы своевременно поливал огород или кормил скотину, ну и, конечно, чтобы подростка никто не обидел и не напугал.

Поэтому, при таких отношениях, вызывать из дома на улицу соседа было делом обычным. На крик Генки Петя вышел на крыльцо своего дома и спросил:

– Ты чего это горло рвёшь? Что случилось?

– Как это что? Ты что, не слышал, что ли? Наш космонавт в космос полетел. Вот только я не запомнил его имени и фамилии.

– Вот чтобы знать, кто он и как его зовут, я дома сижу и слушаю новости по радио.

– И что, уже услышал, знаешь имя?
– Да знаю, запомнил. Фамилия его Гагарин, а имя Юрий Алексеевич!
– Здорово! Я теперь тоже запомню. А теперь пошли к Дворцу культуры. Туда уже все пацаны побежали. Там, наверное, будет что-нибудь интересное.

От переулка до центра городка было совсем недалеко. Городок очень маленький. Да и какой это «город», одно название. Он стал городом всего-то четыре месяца назад, с Нового года. До этого был посёлком, таким небольшим, что пацаны его с востока на запад пробегали за каких-то полчаса, а с севера на юг минут за пятьдесят. Зато теперь, когда их посёлок сделали городом, он стал прямо на глазах преобразаться.

Центральную улицу очень быстро заасфальтировали, разделив всю ширину на две проезжих дороги, и посередине устроили тоже широкую пешеходную аллею. Вдоль улицы стояли дома в два – три этажа по одной стороне, а сейчас уже достраивают четыре четырёхэтажных дома с большими магазинами по другую сторону улицы. Но это ещё не всё. В самом конце этой улицы начали строить совершенно новый микрорайон.

Раньше такого слова даже в обиходе не было. Все проживали по «кварталам», а тут микрорайон номер один. Пацаны сразу решили, что если он номер один, то будут и второй, и третий и ещё много-много! И их город быстро вырастет до размеров областного! Ещё бы! Ведь этот самый микрорайон застраивают «высотками» в пять этажей, и строят быстро, не из кирпича, а бетонными панелями размером с целую стену. Так что за день ровно на этаж поднимают новый дом. Это вам не по кирпичику собирать дом! А сколько их таких одновременно строят? Пожалуй, штук восемь, не меньше. И тут же в этом первом микрорайоне строят новую школу.

Но что это за школа!

В их посёлке, конечно, были школы, и не одна, а две. Обе одинаковые, двухэтажные, расположенные недалеко друг от друга. Одна восьмилетняя, находится в самом центре, рядом с Дворцом культуры, вторая – чуть дальше от него, средняя. Проект у школ один: на первом и на втором этажах просторные холлы, а вокруг них учебные классы. И всё, больше ничего нет, если не считать просторных школьных дворов. Ни тебе столовой, ни спортивного зала, что уж говорить об актовом.

Главной достопримечательностью обоих зданий были установленные на верхней части широкой и довольно просторной входной лестницы по два громадных бетонных шара. Высота каждого из шаров превышала рост среднестатистического пятиклассника.

Что они собою олицетворяли – никому не было известно. То ли изображали большие макеты глобусов, но тогда зачем их два? То ли изображали круглые недоступные куски гранита, которые предстояло разгрызть каждому школьнику, тогда почему их всего два, ведь предметов в школе изучается больше?

Зато оседлать верхом эти шары мечтал каждый учащийся. Поначалу их красили в сочный голубой цвет. Но седоки очень быстро оббивали крашенные бока этих шаров. Приходилось их постоянно подкрашивать, а это приводило к лишним затратам школы и испорченной одежде учеников. Ведь никто из них не дождался, пока краска на шарах высохнет. В конце концов их красить перестали и стали белить известью.

Побелка держалась ещё хуже, поэтому к концу учебного дня первого сентября шары становились уже не белыми, а серыми, и вечером техничка их подбеливала до окончания завтрашнего дня. А малолетние верхолазы-высотники втирали в себя побелку настолько надёжно, что полностью очистить школьную форму становилось невозможным, и всех, кто забирался на шары или хотя бы пытался это сделать, было очень легко вычислить. С ними разбирались классные руководители, завучи и даже директор. К огромному их удивлению, количество провинившихся девочек не уступало количеству мальчиков с такой же провинностью.

Для размещения мастерских для уроков труда в школьном дворе пришлось пристраивать что-то типа барака. Там были верстаки, хранился столярный инструмент и пиломатериал. Физкультуру проводили на улице в любое время года, невзирая на погоду. Поэтому, когда было тепло и сухо, то на занятии играли в волейбол, зимой по школьному двору катались на лыжах, а в дождь занимались бегом. Физкультурника, пожилого, лысеющего, щуплого, вечно простывшего дядьку, из-за отсутствия спортивной формы в продаже ходившего в обыкновенных сатиновых шароварах, все звали Миклухо-Маклай. Лицо его, иссушённое солнцем и обветренное непогодой, было покрыто не кожей, а измятым пергаментом. Создавалось впечатление, что оно никогда не покрывалось щетиной.

Классе в шестом в учебнике географии Пётр увидел портрет знаменитого путешественника с такой интересной двойной фамилией, и очень удивился. Ведь эти два «однофамильца» совершенно не походили друг на друга. Знаменитый землепроходец был молоджавым мужчиной крепкого телосложения и очень интеллигентного вида. Его лицо украшала – именно украшала – аккуратная и довольно немаленькая борода.

– Ну абсолютно никакого портретного сходства! И за что наш физкультурник удостоился такого прозвища, уму непостижимо! – удивлялся тот.

Зато школа, которую строили сейчас, была высотой под стать новому микрорайону, трёхэтажной, красивой и снаружи, и внутри. По слухам, в ней кроме классов было место специальным кабинетам: физики, химии, биологии, рисования, столярные и слесарные мастерские, большой актовый зал со сценой, киноустановкой и радиоузлом, огромный спортивный зал с раздевалками и душевыми, настоящей столовой и – о ужас! – даже бассейном.

Так, по крайней мере, говорили все знакомые парни. Почти всё впоследствии оказалось правдой. Бассейн в школе, правда, так и не построили, а всё остальное сбылось.

Что такое столовая, парни знали. Была в их городке столовая, но всего одна. В ней питались всякие командированные, приезжие из отдалённых посёлков, но их было совсем немного, а все остальные ели у себя дома. Поэтому для чего в школе нужна столовая, им было непонятно. В общем, городок начал развиваться, строиться, воплощая в жизнь великие планы великой страны.

Видели все эти перемены и ощущали на себе не только взрослые, но и подростки. Они были горды великой победой своей страны в недавней войне. И хотя все они родились уже после её окончания, гордости это в них не уменьшало. А ещё у всех на слуху был совсем недавний Всемирный фестиваль моло-

дэжи и студентов в Москве, победное участие советских спортсменов впервые в Олимпийских играх и победа сборной СССР на чемпионате Европы по футболу. Никто из парней настоящего футбола ещё не видел, но понимали одно: «наши» самые сильные, и не только в Европе, но и во всём мире. Всех, и взрослых и подрастающую молодёжь объединяла мечта о будущем, а это будущее воплощалось прямо у них на глазах. Достаивалась их новая школа, в которую мечтали перейти все старшеклассники городка. Поэтому чувство душевного подъёма, охватившее весь народ, полностью захватило и ребят.

Все понимали историчность сегодняшнего дня: «Мы первые в космосе!». В такой день невозможно усидеть дома, хочется находиться со всем народом. Вот вместе с этим народом оказались и парни. А на площади в это время из большущих громкоговорителей, укреплённых высоко на столбах освещения и прозванных в народе «ведрами», звучала громкая бравурная музыка. Это были марши, патриотические песни, прославляющие силу и могущество нашей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, и горячо любимой коммунистической партии.

Как-то, непонятно откуда, в этом небольшом шахтёрском городке, где всё подчинено четырёхсменному распорядку работы на шахтах, в разгар дня набралось народу столько, что вся большущая площадь перед «очагом культуры» до краёв заполнилась людьми. Тут же устроили импровизированную трибуну из подогнанных друг к другу открытыми бортами двух грузовиков.

С этой трибуны очень вдохновенно, перекрикивая без микрофона шум огромной собравшейся на площади толпы и звучащей музыки, выступил первый секретарь городского комитета партии. Он содержательно и при этом кратко рассказал об успехах нашей страны за годы после не так уж давно закончившейся войны, и грандиозного Семилетнего плана развития страны. А освоение космоса есть не что иное, как яркое свидетельство передовых позиций нашей великой страны и любимой партии, утверждал он. Затем выступающих было много, хотя все их речи сильно не отличались от первой, но от этого гордость за страну не убывала, а напротив, становилась всё больше и больше. И даже юноши и маленькие, хоть чуточку понимающие дети, были переполнены счастьем, что мы живём в Советском Союзе!

В этой толпе, тем не менее, парни, друзья-одноклассники, нашли друг друга.

– Парни! Как сегодня классно, как будто Первое мая, правда? – сказал Мишка. И как здорово, что мы родились и живём в СССР, а не в Америке, где угнетают всех рабочих!

– Ну да! А негров вообще убивают просто так, – добавил Панарин. – Я читал, что там есть такая организация, ку-клукс-клан называется. Тем, кто в неё вступает, тому дозволяется этих самых негров убивать, и за это ничего не будет.

– То есть как это «ничего»? Это же люди! – не поверил словам Мишки Пыхтин. – А милиция куда у них смотрит? – сильно удивился и возмутился Виктор.

– А у них нет милиции, – пояснил свою мысль Панарин.

– Как это нет?!

– Да у них ПОЛИЦИЯ!!! А помнишь, мы учили по истории, что с рабочими

полиция делала во время революции? Вот и у них так же: полиция за буржуев, а рабочим, а они там все негры, от полиции никакой помощи и защиты.

– Да уж, Миша! А я не знал! А тебе это откуда известно?

– Так я газеты читаю, а ты сам говорил, что не читаешь. Так что читай газеты, и будешь знать всё на свете!

– Что ты, в самом деле, воспитываешь меня: «Читай газеты, читай газеты!». Будто я один их не читаю, – снова завозмутился Витя, при этом выразительно посмотрел на Петра, ища в его лице поддержки.

– Лично я газеты читаю каждый день, как отец, – ответил Петя на выразительный взгляд товарища.

В это время короткий митинг закончился, но музыка продолжала звучать, поддерживая возвышенное настроение. Поэтому домой идти никак не хотелось, решили пойти посмотреть, как строится новая школа.

На стройке к ним первым делом подошёл взрослый мужчина и спросил:

– Вам чего, ребята?

– Мы с митинга, пришли посмотреть на новую школу.

– Вы были на митинге? Молодцы! Тогда вы сейчас нам скажете, как зовут нашего космонавта. Кто знает?

– Я знаю! – выдвинулся вперёд Пётр. Его имя Юрий Алексеевич, фамилия Гагарин.

– Как? Гагарин? Надо же, у него и фамилия подходящая, птичья!

– Как это «птичья»? – обиделись за героя парни.

– Самая настоящая «птичья». Вы что, не знаете такую птицу – гагару? Это полярная утка. Она перелётная, но всегда летит навстречу солнцу. Весна приходит в наши края, потом севернее, а потом за Полярный круг, а гагара с юга, где зимовала, вслед за приходом весны движется на север. Вот и наш парень первым в мире полетел ближе к Солнцу! Здорово! Ну, ребята, спасибо за информацию, а теперь бегите домой. На стройке нельзя несовершеннолетним находиться.

– Хорошо, сейчас уйдём. Только скажите, дядя, вы школу к первому сентября постройте?

– Построим, ребятки, построим, обещаю!

– Сегодня прямо не день, а сплошной праздник, – улыбаясь во весь рот, сказал, отходя от стройки, Мишка Панарин. – Если он не соврал, то я обязательно перейду в новую школу летом. Мне точно можно, я же совсем рядом с ней живу.

– Я тоже совсем рядом, – вклинился в разговор Пыхтин Виктор.

– А я ещё ближе, – тоже вставил своё слово Конев Сергей.

Вот только не обрадовались этому Пётр Нифонтов, Генка Васильченко и Сашка Рыбалов.

Если Рыбалову Сашке ещё неизвестно, в какую школу ближе ходить – он от них всех далековато жил, то Петру Нифонтову и Генке Васильченко в старую, нынешнюю, однозначно ближе. Эта мысль им изрядно испортила праздничное настроение.

Ольга БИСЮКОВА

Учится в магистратуре биолого-почвенного факультета Томского университета. Рисует, пишет и занимается рукоделием. Интересуется японской литературой. Мечтает издать свою книгу.

ЧТО С НАМИ СТАНЕТ

* * *

Спасибо Вам за то, что в час ненастья,
Склоняюсь к страницам пожелтевших книг,
Я находила в них источник счастья
И верила, что я Ваш ученик.
Спасибо за стихи, что, словно вина,
С годами лишь повысились в цене.
За книги в переплёте в цвет кармина,
Что вдохновение дарили мне.
Спасибо за науку изменяться:
Быть мягкой или как стальной каркас.
Я не устану Вами восхищаться,
Марина, и печалиться о Вас.

* * *

...И хлынул дождь. Стучит, стучит по крышам...
Бушует ветер. Мы его не слышим.
Нам всё равно.
Нам всё равно... Что непогода воеет,
Что плачет небо. Друг окно закроет,
Нальёт вино.
Нальёт вино. Мы молча сядем рядом.
Забудем всё. Снаружи ветер с градом,
И боль, и ложь.
И боль, и ложь в душе иглой засели.
Грохочет гром, вот тучи налетели...
И хлынул дождь.

* * *

Слова, поток, вода, молчанье,
Растения, воспоминанья.
Лень, скука, серость, пустота.
Хочу на Юг или кота.

Бред, чепуха и снова слово.
Не нужно мне теперь улова.
Компьютер, книга, телефон.
Гитара, «Сплин» звучит как фон.
Сверчки, часы, пора бы спать.
Всё повторяется опять.
Двустуше, равнодушие, грусть.
Учу стихи я наизусть.
Аккорд, струна, костёр в тумане.
Не верь судьбе – она обманет.
Ночник, светильник, полумрак.
Не успокоюсь я никак.

* * *

Танцуй со мною под дождём,
Пей кофе в переходе.
Мы все куда-нибудь идём,
Но вот не все приходим.

Всю ночь со мной проговори.
А в пору звездопада
Смотреть на крыше до зари
На звёзды буду рада.

Давай с тобою убежим –
Без плана и без цели.
Чтобы в чужие рубежи
Ветра нам вслед летели.

Давай с тобою доживём
До старости почтенной.
А после рядышком уснём –
Одни во всей вселенной.

* * *

Над городом пыль и завеса тревоги.
Безликих домов бесконечны ряды.
Что ждёт нас в конце этой долгой дороги?
Болото ль? Глоток ли чистой воды?
Что сгинет? Что сбудется? Что с нами станет,
Когда промелькнёт этот быстрый апрель?
Мы верим, что солнце к нам руки протянет,
Но вдру – запоздалая злая метель?

Ни снега, ни листьев. Лишь пыль поднимает
Машинный поток. Их шумят голоса.
Над городом жаркое солнце пылает,
Пронзая сияньем своим небеса.

СКАЗКА О СОЛНЕЧНЫХ ПТИЦАХ

Очень давно, когда земля была чистой, а первые люди едва покинули её зелёную колыбель, один князь захотел выдать свою дочь замуж. А дочь его была красавицей, каких поискать. Косы её отливали серебром, а глаза были похожи на светлый мёд. Фарфоровая кожа тонких рук никогда не знала грубой работы. И на такой-то прекрасный алмаз найти достойную оправу было совсем непросто.

Тогда князь издал указ: «Кто принесёт мне кусочек солнца, тому отдам в жёны мою прекрасную дочь».

Первым свататься пришёл купец. Он принёс сияющее золото, но князь отказал ему. Ведь золото – это всего лишь золото.

Ушёл купец, понурившись.

Затем пришёл пастух. Он принёс букет одуванчиков. Княжна была очень растрогана, но суровый князь отказал и пастуху.

Тот тоже ушёл ни с чем.

А третьим на порог явился рыжий юноша в одежде из красной парчи и золотого шёлка. И он принёс в руках двух пылающих, как само солнце, птиц.

Князь оцепенел, да и княжна обомлела.

– Кто ты? – спросили они его.

– Я принц солнечного народа. Слухи о вашей прекрасной дочери пронзили небосвод и долетели до самого солнца. Я пришёл сегодня просить её руки. А вам, уважаемый тесть, я принёс в дар этих волшебных птиц из солнечного пламени.

В тот же день сыграли пышную свадьбу. О, что это был за пир! Стол ломился от всевозможных яств, залы были богато украшены, а музыка не смолкала до утра. Многочисленные гости радовались и танцевали. Каждый стремился поздравить жениха и невесту.

После этого княжна улетела на небо со своим мужем и стала Луной, а он стал светом, что она излучает. Так они до сих пор и светят нам.

А птицы те дали потомство да разлетелись по всей земле. Говорят, только самые отважные и добрые люди могут поймать одну из них и поселить у себя частичку солнца.

Фёдор ТАШКИНОВ

19 лет. Студент (первокурсник) Колпашевского социально-промышленного колледжа, специальность – ремонт и обслуживание легковых автомобилей. Первая публикация.

МЫ НЕ ОДНИ С ТОБОЙ

* * *

Не дай себя согнуть в спираль!
Борись не до конца, а до победы!
Убей в себе свою печаль!
Назло всем обстоятельствам и бедам!

Стой крепко, будто каменный утёс,
Что смотрит на волну морскую,
Дерись за жизнь, как дикий пёс,
Что разрывает цепь любую!

Не бойся миру дать под дых!
Пусть он начнёт страдать и плакать!
Будь первым среди гордых и живых!
Будь новым путеводным знаком!

* * *

Современному Адаму

Посмотри, во что ты превратился! –
Морда унылая, толстый живот –
Разве таким ты на свет появился?
Какой выбираешь себе ты исход?

Где твоя сила? Мужество? Ярость,
Что заставляет греметь небеса?
Нет их! Остались нитьё и усталость,
Слабые руки, пустые глаза.

Боишься борьбы и боишься провала,
Боишься людей и бездомных собак!
Страх перед Волей и страх перед Славой –
Вот что ты выбрал, покорный ишак!

Вставай же и действуй, начни всё сначала!
Думай теперь лишь своей головой!
Время другое сегодня настало!
Нам не до слабостей будет с тобой!

* * *

Меня послушай! Эй, мудрец!
Нет смысла жизни, понимаешь?
Тебе и мне придёт конец!
Не делай вид, что ты не знаешь!

Забудь о милости к себе!
Собравшись с духом воедино,
Назло бушующей толпе
Великим стань, непобедимым!

Брось размышления! Оставь!
Ты в них увязнешь, как в болоте!
Моя же истина проста:
– Будь выше тех, кто вечно просит!

Сам будь Творцом своей судьбы!
Не сотвори себе кумира!
Стань Исполнителем мечты,
Что будет править этим миром!

* * *

В творении божественная сила!
Богов сильнее нет, чем ты, Творец!
Твоя десница жизнью наделила,
Дала начало, царство и венец!

Творцу нет равных во Вселенной!
И говорят из века в век:
– В Творце одно лишь неизменно –
Творцом зовётся человек!

* * *

Как ты доверил сердце несчастьям?
Миру потухших, серых людей
Отдал ты душу, став его частью.
Путь ты оставил к цели своей

Пламя погасло, взгляд истощённый,
Каждое слово даётся с трудом.
Щёлкнул курок. И теперь он, взведённый,
Ждёт, как и ты, что же будет потом.

* * *

Завтра начнём всё вновь.
Былое сотрём в труху!
Сливая старую кровь,
Смысл
дадим
Стиху.

Ветхий сосуд разбив,
Новый лепить начнём!
Старый забыв мотив,
Новую
Песню
Споём!

Цепи мы с снимем с рук!
Ошейники с вый долой!
Пойми меня правильно, Друг,
Мы
Не одни
С тобой!

Асия ИЛЬЯСОВА

Ученица гимназии «Томь», призёр олимпиад по литературе и русскому языку, гимназист года (2022). Увлекается историей.

ОТЛИЧНИЦА

Она сидела в прекрасном офисе в самом сердце Москва-Сити и пила кофе, осматривая рассветный город. Ни свет ни заря, а она уже на работе.

Сонная секретарша еле ворочала ноги, когда несла её неизменный утренний капучино и что-то шептала себе под нос, должно быть, кляня трудоголизм своей начальницы, которая всегда, и в дождь, и в снег, и утром, и в выходной сидит на своём месте.

Но что уж поделать? Таким она была человеком. Всегда всё делала идеально, всегда аккуратно и правильно. Всегда, со школьных лет. Её дневник украшали одни лишь пятёрки, а диплом вуза (сначала одного, а затем и второго) краснел, словно закат перед морозным днём. Лежит где-то на полке в её идеально прибранной квартире. Никуда не делся её идеализм и после вуза. Делала карьеру. Отличницу с двумя высшими и совершенным владением трёх языков приняли сразу на хорошую должность, и так, шаг за шагом, словно по ступенькам лестницы, она продвигалась вверх. С утра и до ночи проводила на работе, писала, что-то чертила, просчитывала, выезжала на объекты, всегда всё контролировала сама. Её идеальность не осталась незамеченной.

Отказавшись от личной жизни, полностью лишившись даже тех немногочисленных друзей, что у неё были, сократив встречи с родными до предельного минимума, проводя дни и ночи на работе, неважно, Новый год ли, 8 Марта или день рождения брата, который в ней не чаял души. Никуда не пропадёт он, если сестра приедет поздравить, закончив работу, скажем, через неделю, или через две, или через месяц. Или поздравить на следующий год, ничего ведь страшного?

Даже внешне она всегда отражала стиль идеального сотрудника: белая блузка, чёрная юбка-карандаш. Ничего лишнего, ничего индивидуального. Строго и обезличенно, но всегда по дресс-коду. Через 10 лет такого стиля работы она уже занимала одно из руководящих кресел. Имея приличную зарплату, она могла позволить себе немного выдохнуть, но она ещё сильнее втянулась в эту гонку.

Она никогда не уходила с работы, пока всё не было сделано. Выживала на кофе, который стал её наркотиком. Всю жизнь ненавидела его вкус, но раз так положено, пила. И такого же перфекционизма она требовала и от своих сотрудников. Такой же приверженности своему делу и такого же трудоголизма. Она легко могла отчитать молодого сотрудника за излишне долгий разговор с любимой по телефону в обеденный перерыв («Это офис, а не парковая аллея») или девушку, за слишком яркий маникюр («Позвольте, это офис, а не публичный дом»).

Она была уверена, что всё делает правильно. Не зря же она занимает руководящий пост уже почти 12 лет.

Но всё имеет свойство заканчиваться. Однажды, когда она шла с очередной папкой документов на бизнес-встречу, ей необходимо было пройти через дорогу. Она сделала всё правильно, дождалась зелёного сигнала светофора, посмотрела по сторонам, но несчастье всё равно случилось. Какой-то лихач сбил её прямо посередине дороги. Она упала и лишилась чувств. Очнулась под равномерное пиканье аппаратов и отвратительный запах каких-то лекарств. Услышала голоса, но продолжила лежать с закрытыми глазами. С детства она знала, что подслушивать нехорошо, но сейчас просто не было сил проявить признаки жизни. Ужасно болела спина, а голова казалось чугуной.

Говорили врач и медсестра. Тон пожилого доктора был грустным и потеряннным. Он говорил своей юной ассистентке, что если эта женщина и очнётся (что само по себе может считаться огромным чудом), то навсегда останется парализована, не сможет даже говорить. С этими словами он вышел, ассистентка осталась с больной. Эта страшная информация повергла её в шок, она отказывалась верить. Огромным усилием воли она широко распахнула глаза.

Обрадовавшаяся медсестричка присела перед ней на колени, воскликнула: «Слава тебе, Господь Милосердный» и выбежала за врачом.

Больная попыталась что-то сказать, но язык будто окаменел. Она пыталась встать, но и это не удалось. Самые простые действия, то, чего она раньше не ценила, теперь стало для неё непостижимой роскошью. А за окном ветер танцевал вальс с листьями в золотых уборах. Какая-то девчонка подняла кучу их с земли и весело развеяла над своей очаровательной рыжей макушкой.

Странно, но ей вовсе не хотелось осудить эту девушку за безрассудство. Напротив, она ей позавидовала, ведь сама так никогда не умела, а теперь...

От отчаяния её глаза наполнились слезами позднего раскаяния. Столько танцев не сплясано, столько слов не сказано, столько времени утекло, словно песок сквозь пальцы.

Увидела на тумбочке ножницы, забытые медсестрой. Страшная мысль мелькнула в её голове. Раз – и всё! В один миг освободиться от неразрешимой проблемы в свойственном ей стиле, резко, решительно и бесповоротно. Хотела потянуться и... Не вышло, руки продолжали безвольно лежать вдоль её тела, как две змеи.

Она не умерла, но и жизнью её существование нельзя было назвать. Освободившись из плена собственных заблуждений и мыслей, осознав, как неправильно было всё, что она делала и чего не делала, поняв, как всё можно было бы исправить и как бессмысленна и пуста была её жизнь, она осталась пленницей собственного тела навеки.

Лариса КУЛИЖНОВА

МОИ ЭКСПЕДИЦИИ

Сидим в пронизанной майским солнцем студенческой аудитории, сессия уже позади и сейчас будут зачитаны списки тех мест и организаций, где нам предстоит проходить летнюю практику. Вот звучат Александровский и Шегарский районы Томской области, Ангарский район Иркутской области, следом Омская область, и девчонки (у нас в группе в основном девчата) поднимают руки, чтобы их записали. Прозвучал Сибирский ботанический сад с экспедицией в Туву. Вот это сюрприз! Ведь в столице Тувы мой дом, и я быстро поднимаю руку, пока никто не перебил мою кандидатуру. Дальше по спискам идёт археологическая экспедиция на Алтай, там тоже нужен почвовед. Как загадочно звучит: археологическая экспедиция. Мне уже хочется к ним... Волнуюсь, и не знаю, как поступить. Руку подняла Лида. Нет, всё правильно, ничего менять не надо, мне лучше отправиться ближе к дому.

Собраны вещи в дорогу, а те, что были нужны в студенческом быту, сейчас надо оттащить в общежитскую подвальную камеру хранения и оставить их там до сентября. В наши опустевшие комнаты вселятся абитуриенты, и они будут хозяевами здесь на три летних месяца. Завтра я отправляюсь на перекладных электричках до Новосибирска, а уже оттуда с группой новосибирских студентов отправимся в Туву.

Вот я и в Новосибирске, теперь с городского вокзала предстоит ехать автобусом до Академгородка. Нахожу нужную остановку, и с удивлением отмечаю, что люди в ожидании автобуса выстроились в одну строчку, как в очередь. Оказывается, что в академгородской автобус действительно надо заходить по очереди. Никто не толкается, заходят по одному и рассказываются. Кому не хватило сидячего места, те поедут стоя или останутся ждать следующий автобус. Вот бы на всех маршрутах так было!

Нашла ботанический сад, расспросила специалистов, и выяснилось, что группа студентов с руководителем уже три дня как выехали, а я немного опоздала. Правда, одна из участниц экспедиции задержалась, можно поехать с ней. Был указан её адрес проживания. Прихожу, звоню в дверь нужной квартиры, и мне открывает сухонькая старушка в клетчатой рубашке и узких брючках, через плечо перекинута кухонное полотенце.

– Ой, наверно, вы мама Веры Прокофьевны, а мне нужна она!

– Нет, я не мама, я и есть Вера Прокофьевна, и я еду в экспедицию. Но не сейчас, а через неделю, у меня ещё дела по работе.

Что ж, буду добираться одна и искать отряд на месте дислокации базы.

БИО – ЭТО ЖИЗНЬ

Лето 1978 года, Тува, полевой стан близ с. Балгазын

Вот я и на базе Центрального отряда геоботанической экспедиции ботанического сада СО АН СССР. Нынешняя экспедиция проводится под общим

руководством профессора Александры Куминовой, и является частью большой флористической экспедиции Ивана Красноборова, которая рассчитана на десять лет, с 1970 по 1980 годы. В состав экспедиции кроме нашего отряда входят ещё высокогорный и степной. Наша база расположилась в одном из летних отделений совхоза «Пламя» – лучшего совхоза республики. Рядом находится русско-тувинское село Балгазын, которое русское население именует попроще, Балгазиком. Длинный домик барачного типа поделён на две равные половины: в одной располагаются трактористы и комбайнёры совхоза, в другой – мы, биологи. В отряде кроме руководителя и восемнадцати студентов состоит ещё чертёжница Тоня, уже известная сотрудница Ботанического сада Вера Прокофьевна и водитель Михалыч. Цель экспедиции – изучение флоры Тувинской АССР, определение запаса травяной массы, составление прогноза по естественному кормообеспечению скота.

Я, студентка третьего курса Томского госуниверситета, взята в экспедицию для описания типов почв, на которых произрастают изучаемые геоботаниками виды растений. Все остальные – это студенты-геоботаники из Новосибирского университета, они второкурсники. Каждое утро шесть-семь студентов вместе с руководителем садятся в старенький «уазик» и уезжают до вечера на маршрут. Оставшиеся на базе занимаются просушкой ранее собранных гербариев, описанием видов растений и другой камеральной работой. Почему-то у наших соседей-совхозников складывается впечатление, что жизнь у нас слишком лёгкая и безоблачная, и это их очень задевает. Когда тебе 18–19 лет, то невозможно жить без шума, песни, приключений... В нашей половине всегда шумно – находится повод для шутки, смеха, а иногда душа просит походной песни под гитару. Так проходит первая трудовая неделя, наступает воскресенье. Маршрутов на воскресный день нет, наш руководитель уехала по каким-то делам в город, предоставив всем день отдыха для помывки-постирки и прочих гигиенических процедур. У совхозников тоже выходной, они отсыпаются после субботней вечерней пьянки. Мы сидим после обеда перед окном в своей половине и разбираем по видам укусы – состриженные с квадрата поверхности почвы метр на метр все травинки. Вдруг слышим нарастающий шум мотора, и с ужасом наблюдаем, как прямо на нас движется огромный красный комбайн. Сейчас эта клацающая и громыхающая машина въедет в широкое окно и снесёт полдома вместе с нами. Девчонки оцепенели, а студент-очкарик Миша Протопопов пулей летит во двор, и вот он уже в кабине комбайна хватает за руки пьяного комбайнёра. Комбайн застыл в полуметре от хрупкого окна. Хотя Миша носит очки, он вовсе не слабак, и может дать отпор нахалу, а ещё он – душа компании, балагур и весельчак, при этом умница-эрудит. Проходит пять минут, и в комнате появляется Миша в обнимку с мужиком огромного роста, с красным пропитым лицом.

– Ребята, – говорит Миша, – это Лёша, он отличный парень, и у него даже есть медаль за ударный труд, а ещё о нём печатали статью в газете. Садись, Лёша, расскажи, с чего это ты решил нас так попугать? Сейчас мы тебе сто грамм походно-гербарных нальём.

А было у нас походно-гербарных всегда 25-литровая алюминиевая канистрочка. Много раз я ездила в экспедиции, и ни разу не видела, чтобы они

использовались по своему прямому назначению, для консервации растений. Оттуда наливалось по 50 грамм ребятам, вернувшимся из маршрута промёрзшими, или водителю по сто грамм в воскресный день – за переработку и для поднятия тонуса. Канистрочки хватало на все 70 экспедиционных дней. И хотя никто её особо не прятал, не было случая, чтобы спирт пропал втихую.

Лёша выпил сто грамм, закусил немудрёной походной закуской, и говорит:

– Вот приехали вы, биологи, и шумите тут, и машина ваша без конца туда-сюда снуёт, или под окнами на травке стоит, а после на этом месте ничего расти не будет. Вы же жизнь губите, а ведь БИО – это жизнь, я со школы знаю! Какие же вы биологи?!

Лёша обвёл нас всех помутневшими глазами, и, поняв, что никто с ним спорить не будет, решил, что всё же мы неплохие ребята, и стоит дружить домами. Мы пошли знакомиться на их половину. Там были два тракториста, и не такие пьяные, как Лёша, и не такие грозные. Показали нам пойманного ими бурундучка с тремя чёрными полосками на спинке. Предложили взять, если надо, их магнитофон. Магнитофон нам не понадобился, а с бурундучком позабавились все: подержали его в своих ладошках, погладили, потрогали пушистый хвостик. Совхозники даже предложили нам воспользоваться их банькой для помывки, и Миша немедленно побежал её топить. До этого мы уже все перемылись в совхозном душе – холодном помещении с чуть тёплой водой в системе. Вечером нас ждал праздник помывки. Сначала мылись ребята, оглушая степь довольными криками, потом пошли мы, девчонки. Банька стояла у примыкающего к базе лесочка, низенькая и прокопчённая. Освещалась она свечным огарком, стоящим на крохотном оконце. Пол в предбаннике был застелен свежим сеном. Мытьё было сказочным: пахло пряными травами, распаренным берёзовым веником, принесённым шампунем. Напарились, намылись, и почувствовали себя обновлёнными.

Поскольку руководитель нашего отряда являлась и руководителем всей экспедиции, к нам на базу для разных согласований часто заезжали руководители двух других отрядов. Это были Вячеслав Седельников из высокогорного и Юрий Маскаев из степного отряда. Оба они являлись заведующими соответствующих отделов и кандидатами биологических наук. Маскаев был крупным, шумным человеком с роскошной смолисто-чёрной шевелюрой. С ним всегда был большой чёрный пёс, под стать хозяину. Использованные банки экспедиционной тушёнки он очищал своим языком до медицинского блеска.

Первым к нам на базу заехал Вячеслав Седельников с тремя студентами. Приехал на огромном грузовом «УАЗе», которым управлял лихой водитель маленького росточка по прозвищу Сказочка. В его отряде находилась четверокурсница нашего ТГУ, почвовед Любаша Авхимович. Комсомолка, активистка, и просто красавица. Мы учились с ней на разных курсах, и пути наши ранее не пересекались. Зато теперь сдружились с первой минуты. Любаша с Мишей шутками обменивались, как в пинг-понг играли, мы только головы успевали поворачивать, а рты от смеха почти и не закрывали. Тут Любаша говорит: «А у меня завтра день рождения...». Мы, которые наивные, это за чистую монету приняли. Побежали подарок придумывать. Букет полевой нарвали, кошелёчек у кого-то новый при себе оказался, почти лишний, и платочек

носовой, новенький, вручную узорами расшитый. Пошли Любашу поздравлять. И всё как надо – день рождения! Поздравления! И всё такое. Я потом с Любашей в студенческом общежитии не раз встречалась, и на эту её удочку ещё раз попалась. До сих пор не знаю, когда у неё настоящий день рождения.

В отряде у Седельникова жёсткие порядки были: когда студенты шли в горы, им только по два кусочка хлеба разрешали с собой взять, и несколько кубиков комкового сахара. Кормили по-настоящему только тогда, когда спустились вниз, к месту стоянки. Тогда и по 50 грамм наливали, так как очень мёрзли они в горах. Идти надо было налегке, с лёгким желудком и без лишних вещей.

Высокогорцы «гостили» три дня. Недалеко от нашей базы, в пяти километрах, находилось высокогорное озеро Чагытай, с рыболовецкой бригадой на берегу. Любаша вызвалась для нас пеляди у рыбаков выцыганить. Поехали с водителем Михалычем трое: Любаша, Миша и я. Михалыч глаз с Любаши не сводит, говорит, что таким девчатам всё в мире покоряется. Остановились мы около рыболовецкой базы, и ждём Любашу с уловом. Минут десять проходит, возвращается Любаша и говорит, что не получилось, не дали ей благородной рыбки, а дали вот мелочь пузатую: бычков-гальянов, будто на уху и эта сойдёт. В общем, пожадничали. Но уха и из гальянов неплохой получилась. Всё-таки разнообразие, а от ежедневной тушёнки и гастрит недолго заработать. Михалыч, так тот вообще звал тушёнку «нитками», за мясо её не признавал.

Для разнообразия походной кухни мы иногда такую шутку проделывали: когда не твоё дежурство по кухне, то с вечера втихую заводишь тесто на оладьи. Просыпается утром назначенный дежурный, а там тесто из кастрюли готово на пол убежать. Волей-неволей приходится оладьи жарить. Жарит и ругается. В следующий раз сам кому-нибудь такой сюрприз-подянку устраивает.

Тут как-то Леночка Ипполитова решила, что пора и на пироги замахнуться, и поставила тесто, но уже в открытую, в воскресный день. Профессора опять на базе не было, уехала по делам, а за старшую осталась старенькая сотрудница Прокофьевна. Скучная была старушка, и везде нос совала, любопытствовала. В общем, мы её не любили. Вот настряпали мы пирогов с картошкой, а вовнутрь Миша бумажки засунул. Пирожков полсотни, а бумажек всего три, и написано там следующее: «разорвёт», «мухой» (это нас так торопили в работе: чтоб мухой слетал, всё сделал!), «лепота».

Мы все решили, что «разорвёт» достанется Прокофьевне. В обед похлебали супчик с тушёнкой и макаронками, а вместо второго – пироги до отвала. Ждём, когда Прокофьевна ругаться начнёт, что бумажка в пироге досталась. Не дождались. «Муха» так мухой и оказалась, тут же кому-то из девчат прилетела. «Лепота» – красавцу Розову досталась, а вот за «разорвёт» никто не объявился, так и не знаем, куда тот пирожок делся. Зато потом про Прокофьевну такую байку услышали! Дашка поведала, внучка профессорская. Говорила, что был в ботаническом саду костюмированный бал под Новый год, и там одна дама всех удивила, лучше всех танцевала. Выбрали её королевой бала, а когда она маску сняла, то все ахнули, узнав в ней старенькую Прокофьевну.

Раз пошли такие эксперименты с ухой и пирогами, то и наша чертёжница

Тоня решила удивить: нарезала на весь отряд крошки, а когда она квас поставила и где его прятала, осталось тайной. Но главная изюминка была в другом: Тоня за столом объявляет, что к крошке будет настоящая сметана, и ставит на стол не банку, а тарелку с белым маслом. Где сметана? – спрашиваем, – а она отвечает, что это и есть самая настоящая сметана. Только ложкой её было не подхватить, лишь ножом, и многие из нас после этого деликатеса в очередь в белый домик стояли.

Почвенные разрезы первую неделю экспедиции я копала сама, ребята-биологи подходили по очереди помогать. Потом приехал вольнонаёмный Андрей Пешков из Новосибирска, и эта работа полностью легла на него. Годом раньше в Туву с экспедицией приезжала его сестра-студентка. Он заезжал к ней, с удовольствием втянулся в походную жизнь, и теперь снова с нами. Песни под гитару – это его хобби и часть нашей экспедиционной жизни. Едем в трясущемся «уазике» к месту маршрута, и поём песни Кукина, Никитиных, Долиной, Визбора. Нашему профессору очень нравится песня о том, как на разбой провожала бабушка пирата, и очень раздражает песня Никитиных «Из Ливерпульской гавани». Андрей знает много песен, а мы, девчонки, переписываем слова в общую тетрадку, чтобы потом подпевать у костра.

ЕСЛИ ХОРОШО ПОПРОСИТЬ

Лето 1979 года, с. Бояровка

В этом году местом дислокации центрального отряда является село Бояровка, расположенное вблизи горной речки Хопто, впадающей в Малый Енисей. Сливаясь в районе города Кызыла, Малый и Большой Енисей образуют Улуг-Хем (Великую реку). Состав студентов в экспедиции немного изменился, Миши пока нет, он приедет позже, зато появился юркий Юра Швец. Говорит, что может всё достать. Если хорошо попросить, а он это умеет. У нас опять тушёнка на первое и второе, и поэтому зачастую тарелки отставляются в сторону почти нетронутыми. Мы с Пожаровой Любашей обошли всю деревню в надежде достать молока или яиц, но всё безрезультатно. Для эксперимента прошу Юрка достать сметаны. Обещает в течение получаса решить вопрос. Очень интересно, как он это осуществит, и мы с Любашей идём вместе с ним. Юра стучится в ближайшие ворота и исчезает за ними. Стоим с Любашей и посмеиваемся. Проходит минут пятнадцать, и из ворот выходит Юрок... с пол-литровой банкой сметаны!

Руководство совхоза расположило наш отряд в заброшенном детском саду, отправив туда предварительно стекольщика и уборщицу. Пару более просторных комнат заняла молодёжь, длинный зал отвели под столовую, и осталось руководству только помещение бывшей горшечной. Оно маленькое, но светлое, и можно поставить две раскладушки. Тувинец-стекельщик, увидев, что там собираются жить люди, очень заволновался, стал мотать головой и махать руками. Не зная русского языка, он жестами пытался доказать, что это место грязное, непригодное для жизни. Увидев, что его усилия напрасны, с досадой махнул рукой и ушёл. Как ни старались девушки уплотнить свои спальники на полу, места для всех не хватало. Решили ставить дополнительно палатку во

дворе. Люба-маленькая вызвалась спать в палатке, но обязательно с кем-нибудь из мальчишек, чтобы не было страшно. В отряде были три Любы, двух из них звали по фамилии, а её, за некоторую кукольность в манерах, всегда Любой-маленькой. Я опешила, когда она выступила с таким предложением, но Юра Швец тут же поддержал её и вызвался составить компанию. Они действительно ночевали в этой палатке весь сезон, нимало не смущаясь пикантностью ситуации. Как ни странно, никто из ребят и не подшучивал над ними, а большие глаза делала я одна.

Юрок сходил с Любашей Пожаровой на молочную ферму и договорился о молоке. После этого по вечерам мы стали ходить туда с трёхлитровой банкой, а по утрам у нас в рационе появилась манная каша.

В первый же субботний вечер у нас под окнами зазвучали голоса деревенских парней, требующих наших ребят на разборки. Студенты не трусили, вышли сразу. Выяснилось, что деревенских злит то, что наши девчата не выходят за пределы базы, не идут в клуб на танцы. В их деревне, оказывается, недобор девчат, даже жениться не на ком, а они совсем не против серьёзных отношений. На следующий вечер мы надели платья (те, что догадались положить их в свои рюкзаки), и в сопровождении своих ребят пошли в деревенский клуб. Сначала был показ кино, а потом танцы. Танцевали мы только со своими ребятами, но, тем не менее, деревенские больше не нарывались. Здесь снова помог Юра Швец. Каким-то образом он заинтересовал деревенских подростков, и они стали виться около него, чуть ли не в рот заглядывая. Как говорится: многое можно, если хорошо попросить (Юрина присказка). Правда, я краем глаза заметила, как он вытаскивал из кармана то ли импортные сигареты, то ли жвачку, и угощал пацанов.

После знакомства с местной молодёжью к нам заглянул на огонёк и зрелый житель Бояровки – Николай Буланов. Он принёс с помощью того же Юры Швеца два больших арбуза с совхозного поля. Сказал, что не понаслышке знает, как в казённом месте хочется покушать чего-нибудь не казённого. Оказалось, что он когда-то отсиживал срок на зоне. Николай слушал наши песни под гитару, общался. Пригласил мыться в его бане, что мы потом с удовольствием делали.

Часть наших маршрутов проходила на другом берегу Малого Енисея, куда сплавляться надо было на пароме. Приехав как-то раз на переправу, мы узнали, что паром надолго застрял на другом берегу, так как паромщик пьян. Пропадал намеченный маршрут. И тут Андрей Розов решает на подвиг: он, передвигаясь руками по железному паромному тросу над бурлящей водой, перебирается на другой берег, и подгоняет паром. Руки у Андрея в мозолях, кожа на них содрана, но какой герой!

Вера Прокофьевна перестала ездить в экспедиции, а из сотрудников ботанического сада с нами нынче Валя Шоба, молодая аспирантка «в интересном положении». Один из экспедиционных сундуков набит фланелевыми пелёнками, которые Валя начала готовить заранее. Её научная тема – ареалы спреи. Несколько наших маршрутов направлены именно по Валиной теме. Выброшен был и десант в предгорья Танну-ола из пяти студентов, самой Вали и аспиранта-почвовода из Томска Нади Харламовой. Десанту оставили четы-

рѣхвѣдерную канистру с водой и продукты. Поставили две палатки на склоне – четырёхместную для студентов и двухместную для сотрудниц. Студенты с энтузиазмом начали стричь укусы, и вдруг дело застопорилось: везде и повсюду на склоне росла крупная, сладкая, заманчивая ягода клубника. Наклонялись и ели, снова наклонялись и снова ели, а потом легли на животы и просто кидали ягоды в рот одну за другой. Стояли жаркие июльские дни, пить хотелось постоянно, но никакого открытого источника на ближайшие несколько километров не было. До того дня, когда за нами приедет машина, пополнить запас воды не из чего. Валя принимает решение о строжайшей экономии воды, и теперь чашки после еды не разрешается мыть водой, их надо вылизывать. Девушки это делают очень тщательно, а парни филонят, не стараются. Чтобы не было путаницы, мы пометили каждый свою чашку, но перед ужином слышится возмущѣнный голосок сотрудницы Нади: «Кто это умыкнул мою чашку! Я старалась, вылизывала, а какой-то паразит стащил!».

В другой раз недельный десант был выброшен на хребет Обручева. Теперь уже по теме Володи Кречетова, а у него тема – растительные ценозы высокогорья. Нас шестеро, считая самого Володю, также Мишу, который подтянулся к этому времени в наш отряд, Саню Агафонова, Любашу Авхимович, меня, и Люба-маленькая здесь же. Время выбрано не очень удачно, так как постоянно льют дожди. Приходится использовать любые паузы между дождями, и по сырой траве собирать укусы и копать разрезы. Когда дождь мешает выйти из палатки, мы играем в карты. Ребята научили нас играть в преферанс. Палатка стоит в совершенно безлюдном месте, высоко в горах. Мы описываем альпийские луга, развернувшие перед нами необъятные ковры сочно-синих аквилегий, черники из кедрового стланика и изогнутых карликовых берѣзок с редкими кустиками тундровой черники на лысой земле. Облака спускаются на нас, окутывая холодной ватой своих недр. Кажется, нога человека не ступала до нас на эту суровую землю. И вдруг в один из дней видим на склоне живую корову! Миша и Саня тут же бегут сломя голову ловить бурѣнку на предмет добычи от неё молока. Носились, не жалея ног, рук и крепких русских словечек, но эта горная корова скакала не хуже альпийской козы, при этом, как танк, преодолевала все препятствия, и умчалась в необозримые горные дали. Как она вообще оказалась здесь, сложно даже предположить.

КРАЙ СТАРОВЕРОВ

Лето 1980, с. Черби

Наступил завершающий год геоботанической экспедиции. В этом году наш центральный отряд поселили в пустующем здании школы села Черби, расположенного на берегу Большого Енисея. Школа большая и места хватает всем. На «уазике» теперь другой водитель, это молодой парень Гена, живущий в счастливом ожидании первенца. Он недавно женился, и как будто до сих пор пребывает в радостном удивлении от случившегося. «Представляете, – говорит, – я совсем не умею ухаживать, а мать говорит: ты просто ходи и дари ей по цветочку, можешь даже и не говорить ничего, только ходи и дари, и она обратит на тебя внимание. Мать у меня в оранжерее ботанического сада ра-

ботает, и под шубой всю зиму по одной розочке приносила, а я дарил. И она согласилась выйти за меня, вы представляете!».

Мы все повзрослели, и любовь начинает ходить среди нас. Миша усиленно опекает Леночку Ипполитову. Садясь в полевой «уазик», он занимает для неё лучшее место и старается закрыть её всем телом от любого дуновения ветерка. Пожарова Любаша по вечерам пишет письма своему жениху в Барнаул. Володя Кречетов этой зимой стал отцом, и теперь зачитывает нам вслух, сколько раз на дню и какой консистенцией покакал его сынок. Супруга пишет ему регулярно, используя при этом крепкую народную речь, а когда Саня Агафонов делает замечания по этому поводу, то Володя режет так: «Не обсуждайте, умники, у меня жена – филолог!».

У нас в отряде есть очень своеобразная девушка, Рита Фигурова. Она ничего не делает в спешке, движения у неё – как в замедленной киносъёмке, речь и мысль работают так же, как бы нараспев. Как-то Рита садится с нами в «уазик», и мы отправляемся в дневной маршрут. Минут двадцать пути минуло, и тут Рита пропевает: «Кажется, я поставила на плиту молоко и забыла выключить».

В отряд к нам прибился некий Петя из старинного русского городка под названием Городец, он приехал встречать свою невесту. Она проходит практику в степном отряде Маскаева, который по окончании работ приедет на нашу базу. Ждать не менее недели, и Петя попросился на это время поработать у нас, сказав, что имеет опыт начальника стройотряда. Впечатление он производил хорошее, и Александра Васильевна поручила ему возглавить группу двухдневного маршрута из пяти девушек. В первый день мы должны были подняться вверх по реке Тапсе, произвести положенные укусы и описания, а к вечеру выйти к группе Володи Кречетова, базирующейся в горах. Днём мы шли бодро, нужную работу сделали, теперь надо было выходить к стоянке Кречетова. Смеркалось, стало холодать. Мы шли и шли, быстро темнело, но палатки Кречетова с костром не было видно. Люба-маленькая первая поняла, что мы заблудились. «Не такие, – говорит, – горы были, когда мы вверх шли. Посмотри, Петя, ещё раз карту». Тут оказалось, что Петя не умеет читать карты (а ведь ничего не сказал Александре Васильевне, когда брал карты из её рук!), и никто из нас тоже не умеет. Где мы находимся, понять не можем. Везде горы, чернота. Ни у кого с собой нет ни спичек, ни фонарика, ни ножа, ни сухарей. Хотя у меня отец геолог, я тоже не ориентируюсь на местности, в маму пошла. Люба-маленькая говорит: «Надо идти к той гряде, что справа, подняться вверх, потом спуститься вниз, и там будет нужная тропа». Остальные девчата притихли, скисли совсем, инициативы не проявляют. Тут Петя заявляет, что у него язва желудка, а он давно не ел, теперь ни о чём думать не может из-за боли. Что же, мы с Леной Ипполитовой приняли решение за всех: раз другого мнения нет, пойдём туда, куда предчувствие Любы-маленькой ведёт. Идём с Леной впереди, специально громко разговариваем и песни поём, чтобы дух у девчат поднять. Люба-маленькая рядом, но молчит. Наверно, переживает: вдруг ошиблась, такую ответственность на себя взяла. За нами, с большим физическим напряжением, топают Таня со Светой-алтайкой, а в хвосте охающий Петя-боец. Нам повезло, что полнолуние было и никакой облачности.

Над нами насыщенно-чёрное небо с яркими звёздами и огромной луной, а мы, маленькие и продрогшие девчонки, топаем, не зная куда, в надежде на чудо. Дошли до гряды и, пробираясь среди деревьев и кустарников, почти вслепую, поднялись на вершину, там увидели другую гору, параллельную нашей. Спустились, пошли к ней. Нашли тропу, стали подниматься по ней вверх, параллельно Тапсе, и часа через четыре увидели огонёк костра. Тут уже у всех крылья за спиной выросли, даже Петя охоть перестал. Подошли к стоянке в три часа ночи. У костра сидел Гена-водитель. Не спал, переживал за нас. Пищу в котелке для нас у огня держал горячей. От усталости и стресса даже есть не могли, напились чаю, и по палаткам. Сам Кречетов в ту ночь на стоянку не пришёл, как намеревался заранее, а задержался с Саней на своём маршруте до обеда следующего дня. Мы решили ничего не говорить ему о том, как заблудились, и Гену об этом попросили, иначе бы хороший нагоняй получили. И хотя днём мы должны были ещё один маршрут по плану пройти, никуда не пошли: были не в состоянии даже пошевелить ногами. Они не сгибались и гудели, как провода. Кречетов ругает нас, что маршрут пропускаем, а мы улыбаемся, как блаженные, и такие счастливые, что не пропали в горах, а сидим здесь, у палаток и горящего костра.

Вернулись на основную базу, а там Петю уже невеста дожидается. Маскаевцы пришли и ушли, а она и две девушки, Оля с Полей, остались, чтобы с Петей до города Горького добираться. Невеста такая боевая, прямо командир в юбке (временно в штанах, пока полевая практика). Петя при ней уши опустил, как кролик, и только сопит. Оля и Поля нас очень удивили тем, что, знакомясь, сразу заявили, что они за свободную любовь. Поля была мужланистого типа, высокая и с грубыми чертами лица, а Оля мелкая какая-то, но настойчивая, и носик кверху. Назавтра они все уехали, и слава Богу. А нас ждал очередной многодневный маршрут. Теперь в верховья Сизима, где живут староверы. Вообще-то они живут и в Черби, где у нас основная база, но тут они зависят от государства, так как работают за зарплату, и не соблюдают всей строгости законов старообрядчества.

В Сизиме и Эржее, куда мы направлялись, самое сердце староверческой общины, и законы там суровые. На речной «Ракете» мы доплыли до Сизима, там прошли за посёлок вверх по реке и поставили палатку. Трое ребят и двое девчат. Снова укусы, описания, разбор растений по видам, почвенные разрезы. Запасы продовольствия брали на три дня, чтобы меньше нести в рюкзаках, надеясь прикупить продукты в сельском магазине. Просчитались. В местный магазин не завозили даже хлеб, только муку. Хлеб все пекли по домам. Печенья в магазине тоже не было. Купили лапшу и рыбные консервы. За хлебом решили пойти к сельчанам. Опять не учли, что это староверы строгого толка. Даже разговаривать с нами, мирскими, им было за грех. Мы с Любашей надели юбки, но это не помогло. Просили продать если не хлеба, то хотя бы сухарей, но везде нам отказали. Говорили, что их мужики занимаются охотой и все сухари с собой забирают, а хлеба лишнего они не пекут. Вернулись мы из деревни ни с чем. За нашей стоянкой обособленно стояли ещё две избышки староверов, пошли туда. Сначала к маленькому домику. Постучались, зашли. Бабушка аккуратненькая у окошка сидит, матерчатые чётки-лествицы непре-

ривно перебирает. «Девоньки, – говорит, у меня хлеба нет, да и еды почти никакой нет, пост сейчас. Но идёте, я пряничками своими вас угощу». Выходит с нами в сени, сундук деревянный открывает, и среди разных мешочков достаёт нужный с пряничками. Отдаёт всё, а нам неудобно последнее забирать. Она уговаривает: «Мне всё равно сейчас нельзя их есть, пост держу, а вам будет что покушать». Спрашиваем, как ей тут живётся, не трудно ли одной. Отвечает, что терпимо. Пять лет здесь живёт. Кормится с огородика, картошку выращивает, а много ей не надо. Хлеб не печёт, так как ей одной много не нужно. Лепёшки иногда печёт, а сейчас и без них. За хлебом лучше к старосте пойти, в большой дом, только та может отказать. Сама бабушка приехала с Дальнего Востока. Сама искала такое тихое место, где власти не мешают молиться, писала письма в разные концы, вот и нашла. «В мире много соблазна, – говорит, – а от мужчин особенно. Замуж не надо выходить, там грех один». От ласковой бабушки мы направились к большому дому. В огороде увидели склонившую женщину в платочке, та прополкой занималась, обратились с просьбой к ней. Сказали, что мы – студенты-биологи. Женщина обрадовалась. «Ой, – говорит, – Господь нам послал вас, а то жучки совсем замучали, поедом зелень косят, посмотрите, может, подскажите, как от них избавиться?». Мы с Любашей ничего сказать не можем. Я – почвовед, она – геоботаник, в насекомых не разбираемся. Жуки мелкие такие, блестящие. Тут старшая подходит: «Почему с мирскими разговариваешь?» – и на нас строго: «Чего вам тут надо?». Мы давай извиняться, чуть ли не со слезами хлеба просить. Велела идти за ней в избу. Зашли, там видим стены бревенчатые, не оштукатуренные, посередине аналой с большой раскрытой книгой на нём. При входе справа стоит стол струганого дерева, ничем не застеленный. На нём два круглых хлеба, полотенцами накрытых. Дали нам один из хлебов и велели больше не приходить, не беспокоить. Хлеб большой, килограмма на два, нам его до конца маршрута хватило.

ЭПИЛОГ

Вот и закончились наши маршруты. Хорошо на них было, душевно. Про Туву наш экспедиционер Андрей Пешков даже песню сочинил, перефразируя барда Александра Гаранжа:

Мы колесим по Туве,
У нас работа такая:
Укосы, где только можно, стрижем,
А после их разбираем.
На жизнь не жалуемся никому,
хоть иногда и взгрустнётся,
Мы вспоминаем о доме родном,
И счастье нам улыбнётся.
Куда бы судьба бы меня ни забросила –
К чёрту на Север, в Туву к комарам,
Эту бездомную, эту колёсную
Жизнь никому не отдам, не отдам.

А после того, первого года летней практики наша группа почвоведов ТГУ, собравшись по осени, активно обсуждала, у кого как прошла эта практика. Без приключений нигде не обошлось. К Асе, проходившей практику на севере Томской области, приходили местные мужики и просили показать опыты. При этом их приводило в восторг простое титрование растворов с индикаторами. Когда менялся цвет жидкости в колбах, они радовались, как дети.

Наде на практике в Александровском районе приходилось добираться до места раскопок почвенных разрезов на лошади с телегой. Ей был выделен молодой конюх, который возил студентку, он же копал и разрезы.

Лида была очевидцем раскопок древнего городища на Алтае.

Галя проходила практику на территории Обского бассейна, и так красочно описала это в студенческой стенгазете, что люди подходили и спрашивали: «А что такое польдер?».

Ирине, потерявшей деньги на обратную дорогу, пришлось добираться от Красноярска до Томска «воздушным зайцем» в гаражном отсеке самолёта.

Собранный во время практики материал послужил в дальнейшем основой для написания дипломов. Защитились, и разъехались по распределению по городам обширной Сибири. Кто-то работал по специальности, а кто-то поменял профиль. Страна переживала трудные периоды своего существования, то перестраиваясь, то распадаясь на части, и мы вместе с ней перестраивали и выстраивали свою жизнь. Через сорок лет после окончания университета вдруг снова собрались, теперь уже в социальных сетях. Разве можно забыть ставший родным за годы учёбы город студенческой молодости, наш Томск?

**Сергей Николаевич
БОРИСЕНКО**

Родился в городе Сарань Карагандинской области 18 августа 1954 года.

Школьные годы провёл в соседнем шахтёрском городке Абай. В 1972 году поступил в Томский политехнический институт на машиностроительный факультет. После окончания вуза более тридцати лет работал на Томском инструментальном заводе, начиная с должности производственного мастера. Был секретарём комсомольской организации завода. Руководил бюро охраны труда, работал начальником цеха, помощником директора по кадрам и быту, возглавлял цех на «Сибэлектромоторе». Сейчас на пенсии.

Живёт в Томске.

**Наталья Васильевна
БУКОВСКАЯ**

Родилась в Томске. Окончила исторический факультет Томского государственного университета. Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского университета. Дипломант (первое место) областного литературного конкурса «Слово-2017» в номинации «Поэзия».

Публикации в журнале «Начало века». Автор книги стихов «Время пройдёт сквозь меня» (Томск, 2018).

**Иванна Анатольевна
ДУНЕЦ**

Окончила среднюю школу № 7 в городе Колпашево. Выпускница фи-

лологического факультета Томского педагогического университета и ГП-НТБ сибирского отделения Российской академии наук по специальности «Библиотечно-информационная деятельность». Член колпашевских литературных объединений «Отдушина» и «Вдохновение». Руководитель детско-юношеской литературной студии «Первая капель» при МБУ «Библиотека» города Колпашево. Автор стихотворений, эссеистики и прозы.

Публиковалась в периодических изданиях Томской области. В российских газетах, журналах и сборниках: «Литературная газета», «Начало века», «Причал», «Русский Гофман», «Кубок Поэмбука. Осенний сезон», «5-летие Поэмбука». Автор сборника стихотворений «Spaces».

Живёт в городе Колпашево.

**Александр Петрович
КАЗАРКИН**

Родился 27 ноября 1941 года в деревне Дресвянке Новосибирской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета, доктор филологических наук, профессор. Член редколлегии журнала «Начало века».

Автор книг «Пулсь времени» (1985), «Литературно-критические оценки» (1987), «Где та земля Чистая? (о природе и литературе Сибири)» (1988), Вокруг «Мастера и Маргариты» (1988), «Русская литературная классика XX века» (1995), «Русская литература и философия Серебряного века» (2001), «Русская литературная критика XX века» (2004). Автор и составитель учебника «Сибиреведение» и краеведческой книги «Предания старого тракта».

АВТОРЫ НОМЕРА

Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. А. Клюева.

Член Союза писателей России.
Живёт в Томске.

Дмитрий Валерьевич КОРЖОВ

Родился в Перми в 1971 году. Окончил истфак МГПИ и Литературный институт имени А. М. Горького. Один из авторов биобиблиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги» (М., 2006).

Лауреат Всероссийской арктической литературной премии имени Виталия Маслова (2022) и других. Член жюри Всероссийского межвузовского литературного форума им. Николая Гумилева и Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках.

Автор более десяти книг стихов и прозы.

Редактор еженедельного номера областной газеты «Мурманский вестник».

Живет в Мурманске

Вениамин Анисимович КОЛЫХАЛОВ

Родился в 1938 году в селе Кандин Бор Парабельского района Томской области. Работал грузчиком, сучкорубом в амурской тайге, монтажником-верхолазом, слесарем по ремонту промышленного оборудования, воспитателем в детском доме, корреспондентом областных и районных газет.

Окончил литературный институт имени М. Горького. Член Союза писателей России.

Автор тридцати восьми книг поэзии и прозы.

Живёт в Томске.

Николай Анатольевич КОНИНИН

Родился 8 октября 1953 года в пос. Эльдикан Усть-Майского района (Якутия). Отец – топограф-геодезист. Мать – библиотекарь. Образование – среднее.

Служил в армии, работал каменщиком, электриком, грузчиком, формовщиком.

С 1998 года живёт в Томске. Книжки стихов «Давай нарисуем», «Гусиному равняюсь косяку». Проза: «Достойное время застоя». Его стихи и проза печатались в журнале «Начало века».

Владимир Михайлович КРЮКОВ

Родился в 1949 г. в селе Пудино на севере Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал учителем в сельских школах, в школе колонии строгого режима, в газетах.

Автор нескольких сборников стихотворений, двух книг прозы, книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Печатался в столичных и региональных журналах, в русскоязычных альманахах Германии, в переводе на польский в альманахе «Aspekty» (2009, 2013). Публикации 2023 года: «Юность», №1, «Звезда», №5, «Сибирские огни», №6.

Член Союза российских писателей.

Живет в селе Тимирязевском под Томском.

**Лариса Ивановна
КУЛИЖНОВА**

Родилась в 1957 году в Кызыле, столице молодой Республики Тувы, находящейся между Саянскими горами и Монгольскими степями. После окончания биолого-почвенного факультета Томского университета в 1980 г. работала по специальности в Кызыле. В 1992 году из-за поднявшейся волны крайнего национализма была вынуждена уехать и поменять специальность. Последние 15 лет трудовой деятельности работала секретарём нотариальной конторы в г. Тольятти. Проживает в Самарской области.

**Надежда Ивановна
МИТЯГИНА**

Родилась в семье учителей Комаричском районе Брянской области. Окончила исторический факультет МОПИ им. Н. К. Крупской. Работала в просвещении. Стихи и рассказы публиковала в журналах и литературных сборниках Германии, Болгарии, городах Барнаул, Новосибирск, Томск, Бийск, Горно-Алтайск, Кош-Агач Республики Алтай. С 2007 г. изданы 6 книг прозы и поэзии. Роман «Два лица есаула» – о Гражданской войне 1918–22 годов на Алтае.

Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

**Алексей Николаевич
ПОСЕЛЕНОВ**

Член Союза писателей России. Родился в 1969 году в городе Кемерово.

Окончил Кемеровский госуниверситет, по образованию юрист. Автор двух книг прозы: «Десять дней октября» и «Переплетение». Публиковался в литературных журналах «Дальний Восток», «Сура», «Этажи», в коллективном сборнике «Страницы литературы Сибири. Повести и рассказы сибирских писателей» (г. Бийск). Лауреат и финалист различных литературных конкурсов: «Мгинские мосты», Имени Игнатия Рождественского, «Добрая лира», «Бунинские Озёрки», «Яблочный спас» и другие.

Живёт в городе Кемерово.

**Андрей Викторович
ПУЧКОВ**

Родился 24 июля 1963 г. в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии в 1984 году служил в МВД в должности оперуполномоченного уголовного розыска. В 2006 г. вышел в отставку в звании капитана.

Рассказы публиковались в журналах: «Молодая гвардия», «Гостиная» (США), «Сибирские огни», «День и Ночь», «Енисей», «Нижний Новгород» и других.

Живёт в городе Сосновоборске Красноярского края.

**Анна Владимировна
САВЧЕНКО**

Родилась в Томске. Выпускница Томского государственного педагогического университета. Стихи публиковались в «Литературной

АВТОРЫ НОМЕРА

газете», журнале «Начало века», коллективных сборниках. Автор двух стихотворных книг.

Геннадий Кузьмич СКАРЛЫГИН

Родился в Кемеровской области. Окончил Томский государственный университет. Стихи публикуются в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Стихи вошли в «Антологию русской сибирской поэзии. XX век». Книги: «Всё унесёт река», «Утренний человек», «У заветного камня» и другие.

Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации.

Анна ТРИФОНОВА

Родилась в городе Колпашево Томской области. В 2008 году поступила в Томский университет и окончила его по специальности «география». Работает менеджером в одной из томских организаций.

Виктор Васильевич ФОМЕНКОВ

Родился в 1959 году в деревне Гомзяки Никифоровского района Тамбовской области. Служил в Советской армии. Окончил Мичуринский сельскохозяйственный техникум. Работал бригадиром-полеводом, агрономом.

Публиковался в журналах «Подъём», «Роман-газета», «Бийский

вестник», «Литературный Тамбов» и других. Член Союза литераторов России.

Живёт в деревне Гомзяки Тамбовской области.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

В.Крюков

Технический редактор

А. Кузнецов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: skar50@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2023 г.

Формат 70x108^{1/16}. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 15.06.2023 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,

г. Томск, ул. Пушкина, 40/1